

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР
ЭККУРСЫ В ОБЛАСТЬ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАРКА
Тринадцать лекций,
прочитанных в Берлине, Мюнхене, Ганновере
и Кобленце между 17 октября 1910 г. и 10 июня 1911 г.
и ответы на вопросы по поводу лекции от 18 декабря 1910 г.

GA 124
RUDOLF STEINER
EXKURSE IN DAS GEBIET DES MARKUS-EVANGELIUMS
Dreizehn Vorträge,
gehalten in Berlin, München, Hannover und Koblenz
zwischen dem 17. Oktober 1910 und dem 10. Juni 1911,
und eine Fragenbeantwortung vom 18. Dezember 1910

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 17 октября 1910 г.

Сегодня, когда мы возобновляем работу в нашей берлинской «ветви», нам предоставляется случай оглянуться на то, что прошло через наши души с момента, когда год назад мы начали здесь работу.

Вы, конечно, понимаете, что в прошлом году, в связи с генеральным собранием немецкой секции, я прочел здесь, в берлинской «ветви», лекцию о «сфере Бодисаттв». Эта лекция о миссии Бодисаттв должна была послужить введением к тому, что занимало нас в течение прошлой зимы на собраниях нашей ветви: это рассмотрение проблемы Христа главным образом в контексте Евангелия от Матфея. Мы уже неоднократно обсуждали эту проблему Христа в связи с другими Евангелиями — с Евангелием от Иоанна и Евангелием от Луки. И мы замечали, что в будущем, углубляя проблему Христа, мы приступим к исследованию, связанному главным образом с Евангелием от Марка.

Рассматривая проблему Христа, мы пытались не просто давать толкования Евангелий. Часто и, можно сказать, определенно высказывалось здесь то, что может сообщить о событиях в Палестине духовное знание. Об этих вещах следовало говорить, даже если бы не было никаких внешних исторических источников, касающихся событий в Палестине. Ибо, в глубочайшем смысле, определяющим для нас при изображении явления Христа, является не книга и не какой-нибудь другой документ, а вечный, внутренний, духовный источник — прочитываемая ясновидческим зрением Акаша-Хроника.

Не раз уже говорилось о том, что под этим следует понимать. И мы подходили к Евангелиям, сравнивая полученное нами из духовного опыта с тем, что сообщается, например, о событиях в Палестине в Евангелиях или других памятниках Нового Завета. Нами было установлено, что только тогда можно прочесть эти памятники, если сперва помимо них проникнуть в тайны тех палестинских событий. Именно благодаря независимому от этих памятников исследованию соответствующих событий, наше благоговение, наше высокое почитание этих памятников возрастает до исключительной высоты.

И если мы будем иметь в виду не только ближайшие, ограниченные интересы наших встреч, но учтем то, что характер нашего времени, вся наша современная культура требует нового понимания памятников христианства, тогда мы согласимся с тем, что духовное знание призывает нас не только удовлетворять нашим собственным познавательным потребностям в отношении событий в Палестине, но мы должны, исходя из духовного знания, перевести на язык современной культуры то, что сказать о значении явления Христа для всего развития человечества. Было бы недостаточно ограничиться здесь тем, что сделали для понимания проблемы Христа и образа Христа предшествующие столетия. Если бы этого было достаточно для нашего времени, то не было бы столько людей, которые уже не могут согласовать свое стремление к правде с тем, что дается в христианских кругах. Ведь множество людей просто отрицают то, что сообщается о событиях в Палестине и во что верили в течение столетий. Все это доказывает, что для нашего времени необходимо новое понимание, новое раскрытие христианских истин.

И вот, наряду со многим другим, что может приблизить нас к исследованию христианских истин, есть одно средство, которое может стать особенно плодотворным в области нашего исследования. Оно заключается в том, чтобы мы расширили свой взгляд, чтобы мы расширили мир наших чувств и ощущений за те горизонты, которые в течение протекших столетий человечество имело по отношению к духовному миру. Благодаря очень простому и очевидному объяснению мы можем почувствовать, как возможно расширить свои горизонты.

Мы все признаем в Гёте — это ближайший и великий пример в развитии нашей западной культуры — титанический дух. И многие из наших исследований показали, какая глубина духовного созерцания скрывалась в Гёте. Эти исследования разъяснили нам, как мы сами можем подняться к духовным высотам, проникая в строение души Гёте. Но можно прекрасно знать Гёте, можно достаточно углубиться в него, и все же не найти того, что нужно, дабы правильно расширить свой взгляд и охватить в своем горизонте насущные потребности нашего времени. Совсем не очевидно, что Гёте открылось именно то, что теперь можем узнать и мы, что станет для нас плодотворным, если мы усвоим те представления о духовном развитии человечества, которые стали доступны только после раскрытия некоторых духовных документов в XIX веке, благодаря некоторым памятникам духовной жизни. Тогда мы приобретем некоторые понятия,

приводящие к верной, совершенной оценке Христа Иисуса. Поэтому я полагал, что лучшим введением в рассмотрение проблемы Христа будет объяснение миссии великих духовных индивидуальностей человечества, которые время от времени особенно ошутимо вступали в развитие и которые мы можем обозначить заимствованным из восточной философии понятием «Бодисаттв». Таких понятий как «Бодисаттва» в течение столетий не было в духовном развитии Запада. Но только освоившись с ними, мы придем к познанию того, чем был, чем может быть и чем будет всегда для человечества Христос.

Таким образом, мы используем все развитие человечества, чтобы достойно понять то, что нам необходимо для развития культуры и своей собственной духовной жизни. Также важно, чтобы мы направляли свой духовный взгляд за пределы последних столетий, чтобы мы видели различие между человеком на рубеже XIX и XX веков и человеком XVIII — XIX столетий, а кроме того, чтобы мы оценили тот факт, что еще, например, сто лет тому назад в Европе очень мало знали о Будде и буддизме. В нашей области если не средство нашего устремления, то все же его подлинный импульс и цель, — то, над чем мы работаем, — есть, в конце концов, настроение, чувство, ощущение, овевающее нашу душу, когда ее касаются великие духовные силы и истины. Ибо не так важно то, что мы хотим узнать, как важна та теплота чувства, сила ощущения, тот благородный дух воли, который может подняться из нашей души, когда к ней прикоснутся великие истины человечества. И на наших собраниях важнее содержания сказанных слов является настроение, волна чувства, которая может охватить нас, когда слова еще звучат в пространстве. Эти чувства и ощущения разнообразны. И по отношению к тому разумению, которое должно предстать перед нашими душами, должно постепенно развиваться важное и значительное ощущение. Это благоговение перед великими духовными истинами; чувство того, что к этим великим духовным истинам мы должны приближаться с трепетным благоговением, — что мы не смеем рассчитывать с помощью нескольких наскоро сколоченных понятий, наспех усвоенных представлений охватить великие факты.

Я неоднократно прибегал к тому сравнению, что мы не можем заочно представить себе дерево, если изобразим его с одной стороны: мы должны обойти вокруг него и нарисовать это дерево с разных сторон. Только из соединения этих разных картин мы можем получить общее впечатление о данном дереве.

Это сравнение должно показать нашей душе, как нам следует относиться к великим духовным фактам. Мы должны ясно понять, что не можем подвинуться вперед в познании высших вещей, если будем подходить к ним всегда с одной стороны. И хотя в созерцании какой-либо вещи может заключаться момент истины, мы должны иметь смиренное чувство, что все наши представления являются воззрениями, полученными с одной точки зрения.

Если мы проникнемся этим чувством, то охотно и с готовностью станем везде собирать представления, ощущения и чувства, которые дадут нам возможность с самых разных сторон осветить великие факты бытия. Наше время делает это необходимым.

Все больше и больше в наше время будет развиваться необходимость многостороннего взгляда на вещи. Поэтому мы не замыкаемся ни перед другими воззрениями или мнениями, ни перед иным путем к высшим вещам, отличным от нашего пути или от нашей культуры. Даже по отношению к явлениям западной культуры мы пытались в течение последних лет следовать этому принципу, дабы прийти к истинному смирению в познании.

Мы никогда не дерзали, — и я могу сказать: в моей душе было глубоко запечатлено, что подобное дерзание здесь неуместно, — мы никогда не дерзали приложить к великим событиям, объединенным в проблеме Христа, какую-либо одну систему, какое-либо одно общее понятие; но мы всегда говорили, что подходим к этой проблеме то с одной, то с другой точки зрения. Мы постоянно указывали, что этим проблема еще не исчерпана и что мы будем спокойно и терпеливо продолжать нашу работу.

Смысл обращения к четырем Евангелиям был в том, что мы получали возможность рассматривать проблему Христа с четырех сторон, с четырех разных точек зрения; мы нашли, что четыре Евангелия дают нам действительно четыре разные точки зрения и что тем самым подтверждено положение: ты не должен с одного раза, с одной только стороны приближаться к столь величественной проблеме; ты должен подойти к ней хотя бы с четырех сторон духовного горизонта. И ты можешь надеяться: если подойдешь к этой проблеме с четырех сторон духовного горизонта, с позиций четырех евангелистов — Матфея, Марка, Луки и Иоанна, — то она будет подступать к тебе все ближе и ближе. Она подойдет к тебе так близко, что ты не окажешься исключенным из великой истины, без которой человеческая душа не может жить в своей глубине; но ты при этом никогда не скажешь, что какой-нибудь один постигнутый тобой образ истины заключает всю ее полноту.

Итак, все, что мы развивали в течение последней зимы, было направлено к постепенному пробуждению в нас познавательной скромности. Без этого настроения познавательной скромности мы поистине недалеко уйдем в духовной жизни. Поэтому в наших исследованиях мы при случае всегда подчеркивали основные условия успешного развития познания. И кто внимательно проследит одну за другой все наши лекции, тот не будет утверждать, что мы не указывали здесь постоянно на основные условия успешного развития познания.

Успешное развитие духовного познания — вот один из тех импульсов, какие лежат в основе нашего духовнонаучного движения. Успешное развитие духовного познания — чем оно должно быть для нашей души? Оно должно идти навстречу глубочайшим, наиболее достойным человека устремлениям и

потребностям нашей души; оно должно дать нам то, без чего человек, чувствующий свое человеческое достоинство, не может жить. И в области нашей духовной науки оно должно давать это нам так, чтобы это соответствовало познавательным потребностям нашего времени. Успешное развитие духовного познания, предлагаемое духовной наукой, объяснит нам то, что нельзя исследовать с помощью обыкновенных органов чувств и чему человек принадлежит не как чувственное, а как духовное существо. Великие вопросы о положении человека в чувственном мире, о том, что лежит за пределами явлений этого чувственного мира, истины о том, что лежит за порогом жизни и смерти: эти вопросы отвечают глубокой, собственно человеческой потребности души. Если даже во многих случаях человек отстраняет себя от вопросов, относящихся к этим вещам и говорит себе: «Наука ведь не может этого исследовать, у человека нет для этого нужных способностей» — то в конце концов для истинной природы человеческих ощущений никогда не исчезнет потребность в ответах на такие вопросы. Откуда происходит то, что мы наблюдаем в своем развитии в детстве и юности; куда уходит содержание нашей души, когда тело начинает слабеть и разрушаться, — короче говоря, как связан человек с духовным миром — вот великий вопрос, возникающий из собственно человеческой потребности, вопрос, без ответа на который человек вынужден заглушить в себе собственно человеческие потребности.

И по причине того, что этот вопрос возникает из столь глубокой нужды, по причине того, что душа не может жить спокойно и полно, не получая ответа на эти вопросы, естественно, что человеку хотелось бы легким способом достигнуть их разрешения. И сколько различных путей к этому предлагают теперь, когда вопросы стали особенно жгучими в разных областях человеческой жизни! Без преувеличения можно сказать, что среди путей, предлагаемых ныне людям для разрешения этих великих загадок, путь духовного познания наиболее труден. Да, мы можем сказать и еще больше. Многие из вас сочтут трудной ту или иную из наук, о которых теперь столько говорится в мире; некоторые, пожалуй, не решатся углубиться в нее, ибо их отпугнет необходимость слишком многое преодолеть, чтобы в нее проникнуть.

Возможно, что путь, который мы назвали духовнонаучным, покажется легче, чем путь математики, ботаники или какой-либо иной отрасли естествознания. И все же — в абсолютном смысле — этот путь труднее всякого другого пути, научного пути. Это можно сказать без всякого преувеличения. Почему же он все-таки покажется вам более легким? Да только потому, что он с исключительной силой возбуждает душевные интересы и отвечает тому, что ближе всего касается каждой души. Если это наиболее трудный путь из всех путей, предлагаемых ныне людям для подъема в духовный мир, то, с другой стороны, нельзя забывать: этот путь должен вести нас к наивысшему в нашей душевной жизни. И не естественно ли, что путь к наивысшему должен быть также и наиболее трудным? Но вас не должны отпугивать трудности этого пути; мы не должны закрывать душу перед неизбежной трудностью духовнонаучного пути.

Мы постоянно указывали здесь на одну из необходимых черт духовнонаучного пути: кто следует этим путем, тот сперва должен тщательно усвоить сообщения духовного исследования о тайнах, о фактах духовного мира. Мы затрагиваем этим особенно важную область нашей духовнонаучной жизни. Многие хотели бы с легким сердцем сказать: «Вот нам говорят о необъятной духовной науке, о духовных фактах, которые созерцал, наблюдал тот или иной духовный исследователь, тот или иной просветленный, тот или иной посвященный. Но было бы правильнее, если бы нам просто указали путь, каким мы сами могли бы быстро подняться в те области, где открывается видение духовного мира. Почему же нам только говорят: вот как это выглядит; вот как видел это тот или другой созерцатель? Почему не покажут нам пути, которым мы сами смогли бы быстро подняться в духовную область?»

Но широкие сообщения о фактах исследования духовного мира даются прежде, чем переходят к так называемым «методам душевного обучения», могущим повести душу в духовные области, на основании глубоких причин. Ибо благодаря тому, что сперва мы посвящаем себя отрешенному изучению откровений духовного мира, принесенных духовными исследователями, достигается важный результат. И хотя мы подчеркивали, что факты духовного мира могут быть исследованы, могут быть открыты только ясновидческим сознанием, но мы столь же часто подчеркивали и другое: если факты уже установлены, если какое-нибудь развитое ясновидческое сознание уже наблюдало эти факты в духовном мире и сообщает о них, то эти сообщения должны быть такими, чтобы каждый, кто не прошел через ясновидческое развитие, мог с помощью здорового чувства правды, заложенного в каждом духе, с помощью действительно непредвзятой логики, проверить эти факты, признать эти истины. Ни один истинный духовный исследователь, ни один человек, одаренный верным ясновидческим сознанием, не будет передавать факты духовного мира так, что человек, который этого захочет, не смог бы проверить их без ясновидения. Он будет передавать их так, чтобы эти факты могли иметь значение, ценность для каждой человеческой души.

Какое значение имеют для человеческой души сообщения о духовных фактах? Они имеют то значение, что человек, который знает: «Так это выглядит в духовном мире» — может руководствоваться этим в жизни, в своих мыслях, чувствах и ощущениях, может разобраться в отношениях человека к духовному миру. В этом смысле ценно каждое сообщение о духовных фактах, — даже если тот, кто его получает, не может сам исследовать его ясновидческим сознанием. И даже для самого ясновидящего этот факт получает «человеческую ценность» только тогда, когда он спустит его в ту область, где можно облечь его в доступную для всех людей форму. Пусть ясновидящий сколько угодно исследует и созерцает духовное и т. д. — все это не имеет никакой цены ни для него, ни для других, пока он не сделает это известным в сфере

простой человечности и не облечет в такие понятия и представления, которые доступны для естественного чувства правды и здоровой логики.

Да, ясновидящий должен сперва сам понять свои восприятия, чтобы они приобрели для него ценность. Ценность их начинается там, где начинается логика. Мы покажем на одном радикальном примере то, о чем здесь говорится.

Среди всего того ценного, что содержится в духовных истинах и духовных сообщениях, воспринятых нами на физическом плане между рождением и смертью, для нас, без сомнения, будет особенно важно то, что человек может взять с собой, проходя сквозь врата смерти. Или поставим вопрос так: что останется после смерти у человека, воспринимавшего на протяжении своей теософической жизни сообщения о духовном мире, как много остается у него от этих указаний, от этих восприятий? У него остается ровно столько, сколько он понял, сколько он охватил своим пониманием, сколько он перевел на язык обычного человеческого сознания. Представим себе ясновидящего человека, сделавшего, может быть, необычайные открытия в духовном мире с помощью чисто ясновидящих наблюдений, но упустившего возможность облечь эти наблюдения духовного порядка в язык обыкновенного человеческого чувства правды, соответствующий данной эпохе.

Знаете ли, что в нем — или с ним — произойдет? Все эти открытия после смерти угаснут. После смерти сохранит значение и ценность только то, что было переведено и выражено на языке, отвечающем здоровому чувству правды в данную эпоху.

Величайшее значение имеет, разумеется, факт существования ясновидящих, которые могут приносить сообщения из духовного мира, которые могут одарить этим других людей. В этом — счастье для нашего времени, ибо наше время нуждается в таких сокровищах мудрости и не может развиваться без них. Эти сообщения необходимы для нашей эпохи культуры. И хотя теперь этого еще не видят, но через пятьдесят или сто лет станет общим убеждением то, что культура не может развиваться без признания духовных истин и что человечество погибнет в культурном отношении, если не будут восприняты сокровища духовной мудрости. Необходима возможность прозрения в духовный мир.

Другую ценность по отношению к успехам развития человечества на земле представляет собой то значение, какое духовные сокровища мудрости имеют для отдельной индивидуальности после смерти. Для того, чтобы составить правильное представление об этом, мы должны поставить вопрос: что имеет ясновидящий человек в результате своих духовных исследований, приведенных к форме здорового чувства человеческой правды, здоровой человеческой логики? Получает ли он, в силу своей способности видения в духовном мире, больше плодов после смерти, нежели тот, кто благодаря своей карме не имел еще возможности в данном воплощении самому созерцать духовный мир и поэтому был вынужден только внимать сообщениям о результатах духовных исследований? Чем отличаются духовные истины у посвященного — и у человека, который только слушал о них и не мог сам созерцать духовный мир? Есть ли в этом отношении у посвященного какое-нибудь преимущество перед тем, кто только воспринимал эти вещи?

Конечно, для всего человечества в целом видение в духовных мирах имеет более высокую ценность, чем невидение. Ибо видящий вступает в общение с духовным миром; он может поучать и способствовать развитию не только людей, но и других духовных существ. Так что ясновидческое сознание имеет особую ценность. Но для отдельной личности имеет значение только знание, и в этом отношении ясновидящий человек не отличается от того, кто только воспринимал сообщения и в данном воплощении не мог сам созерцать духовный мир. Плодотворно после смерти только то, что мы восприняли как духовную мудрость, безразлично, видели ли мы ее сами или нет.

Этим мы поставили перед своей душой один из великих, достойных почитания этически-моральных законов духовного мира. Без сомнения, наша современная мораль недостаточно тонка, чтобы вполне понять эту этику. Лично — т.е. в высшем смысле удовлетворяя свой эгоизм — никто не получает преимущества из-за того, что его карма дает ему возможность созерцания в духовном мире. Все, что мы хотим приобрести для своей личной жизни, мы должны приобретать на физическом плане и приводить в формы, соответствующие физическому плану. И если Будда и Бодисаттва стоят выше других человеческих индивидуальностей в иерархиях духовного мира, то это лишь благодаря тому, что они достигли этой высоты в ряде воплощений на физическом плане. То, что я разумел под высшей этикой, под учением высшей морали, вытекающей из духовной жизни, заключается в следующем: никто не должен полагать, что благодаря ясновидческому развитию он получает преимущество перед другими людьми. Этого никогда не бывает. Он не получает никакого эгоистически оправдываемого преуспеяния. Он достигает чего-либо лишь в том смысле, что он может стать чем-то большим, нежели другие. Аморальное служение эгоизму совершенно исключено в духовной области. Для себя человек не может ничего достигнуть путем просветления. То, чего он достигает, он достигает лишь как слуга мира в целом, а для себя — лишь поскольку он достигает этого для всех.

Таково положение духовного исследователя среди его ближних: если они хотят слушать и воспринимать то, что он исследовал, они продвигаются вперед вместе с ним, идут в своем личном так же далеко, как и он. Это значит: духовное может быть употреблено только в общем человеческом, а не эгоистическом духе. Есть область, где становишься моральным не благодаря принятому решению быть таковым, а потому что неморальность, эгоистичность здесь ничему не поможет.

И тогда легко понять еще нечто другое: опасно вступать неготовым в духовный мир, в духовную область. Для жизни после смерти ничего эгоистического нельзя достигнуть путем духовного развития. Но для жизни на физическом плане человек может хотеть эгоистически достигнуть чего-либо путем духовного развития. И если для духовного мира эгоистически нельзя ничего достигнуть, то для этого мира можно хотеть достигнуть чего-либо в духе эгоизма.

Большинство людей, стремящихся к духовному развитию, без сомнения, скажут: «Вполне естественно, что я стремлюсь быть не эгоистичным, желая получить доступ к высшим мирам». Но поверьте, нет такой области, где столь же легко впасть в обман, как при этих словах: «Мое стремление не эгоистично». Сказать это легко, но легко ли это исполнить, легко ли это осуществить — совсем другой вопрос. Это другой вопрос прежде всего потому, что начиная производить в душе работу, могущую повести в духовный мир, человек впервые выступает перед собой в своем истинном образе. Во внешнем мире человек редко переживает себя в своем истинном образе. Он живет, опутанный сетью представлений, волевых импульсов, моральных ощущений, навыков к действию, предоставляемых ему окружающим миром; и редко человек задает себе вопрос: «как бы я поступил, что подумал бы я о таком предмете, если бы воспитание не понуждало меня думать или действовать так-то?» Если бы человек ответил на этот вопрос, то увидел бы, что обычно он бывает гораздо, гораздо хуже того, чем он себе кажется. Деятельность, направленная на то, чтобы человек научился подниматься в духовный мир, имеет своим последствием, что он вырастает за пределы действительности, в которую был вплетен благодаря привычкам, воспитанию, благодаря всему тому, что нас окружает. Довольно скоро человек перерастает все это. Духовно-душевное в ощущении становится все более и более обнаженным. Оболочки, которые мы сами на себя налагаем, за которые мы держимся в обычных ощущениях и поступках, отпадают. Отсюда-то проистекает довольно обыкновенное явление, которое мы не раз обсуждали: до начала своего духовного развития человек может быть вполне порядочным, разумным, не совершающим никаких особенных проступков в жизни. Но вот он начинает свое духовное развитие. Если прежде он был вполне скромным и, может быть, даже говорил себе: «Я — человек скромный», — теперь, под влиянием духовного развития, он начинает проявлять большое высокомерие, начинает делать всевозможные глупости и нелепости. Вступая в духовное развитие, он как бы теряет свое равновесие. Почему так происходит, лучше всего может понять человек, хорошо знающий духовный мир. Ибо для сохранения равновесия, для умения справиться с тем, что приближается к человеческой душе из духовного мира, необходимы две вещи. Нужно не испытать головокружения от того, что приближается к нам из духовного мира. В физической жизни нас защищает от головокружения наш организм — благодаря «чувству равновесия», «статическому чувству», о котором мы говорили в лекциях об антропософии. И если в человеческом теле есть нечто, поддерживающее его в прямом положении (ибо когда организм функционирует неправильно, человек испытывает головокружение и падает), то и в духовной жизни также есть нечто, помогающее человеку определить свое положение в мире. Он должен уметь это сделать. «Духовный обморок» заключается в том, что у него нет уже прежней опоры, нет привитых воспитанием ощущений, нет того, что образует ткань внешнего мира; таким образом он предоставлен себе. Опоры падают, и возникает опасность головокружения. Теряя внешние критерии, мы легко становимся высокомерными. Высокомерие в нас, разумеется, сидит, но прежде оно не проявлялось.

Как же можно достигнуть духовного равновесия, чтобы не испытывать головокружения? Этого можно достигнуть путем отрешенного, усердного и длительного усвоения результатов духовного опыта, облеченных в логические, отвечающие простому чувству правды формулы. Не из произвола мы постоянно подчеркиваем, что необходимо прежде всего изучать духовную науку или теософию. Мы утверждали это не для того, чтобы я мог здесь говорить: мы делали это достаточно часто потому, что нет другого способа получить твердые точки опоры для духовного развития. Прилежное восприятие духовнонаучных сообщений есть противоядие против духовного головокружения, против духовной растерянности. И если из-за неправильно проводимого развития человек потеряет духовную уверенность, — хотя ему может казаться, что он был достаточно усерден, — то он должен знать, что наверное пренебрег теми сведениями, которые проистекают из источника духовного знания. Вот что нам необходимо: всестороннее изучение фактов духовной науки. И потому-то в течение этой зимы — желая, собственно, понять значение явления Христа для человечества — мы постоянно возвращались здесь к указанию основных условий духовного развития.

Для своего успешного развития человек нуждается в душевных точках опоры. Но кроме того он нуждается еще и в другом. Если через изучение духовной науки достигается уверенность для человеческой души, то благодаря второму условию достигается нечто столь же необходимое. Речь идет об известной духовной силе, об известном мужестве в духовной жизни. В обыкновенной жизни нам не нужно того мужества, какое необходимо для духовного развития, — не нужно потому, что наше внутреннее существо, наше духовно-душевное человеческое существо в обыкновенной дневной жизни от пробуждения до засыпания погружено в физическое и эфирное тело; ночью же мы ничего не делаем и не можем ничего испортить. Если бы неразвитый человек мог действовать в состоянии сна, то он совершил бы много дурного. В физическом и эфирном теле есть не только те силы, которые действуют в нас, поскольку мы являемся сознательными или же просто мыслящими и чувствующими людьми, но в них есть силы, над которыми работали духовные существа в эпоху Сатурна, Солнца и Луны вплоть до нашей земной эпохи. В них непрерывно действуют силы из высших областей. И на эти силы мы опираемся. Просыпаясь и входя в

физическое тело и эфирное тело, мы как бы вручаем себя божественно-духовным силам, пребывающим ради нашего блага в нашем физическом и эфирном теле и ведущим нас сквозь дневную жизнь. Да, это так. В нас действует целый божественно-духовный мир, и мы, в сущности, многое можем в нем испортить и очень малое — исправить. Представьте же себе, что всякое духовное развитие связано с тем, что мы освобождаем в себе своего внутреннего человека, — свое астральное тело и Я, — и начинаем видеть, ясновидчески воспринимать то, что живет бессознательно от засыпания до пробуждения и, будучи бессознательным, не причиняет вреда. В нас должно стать сознательным то, что действует бессознательно в тех членах, в которых пребывают божественно-духовные силы.

С началом независимого от физического и эфирного тела ясновидческого восприятия отпадает вся крепость, вся сила, которая нам дается, когда при пробуждении мы попадаем во власть того, что коренится в нашем физическом и эфирном теле. Вся сила и могущество мира остаются вне нас. Мы извлекли себя из тех сил, которые делают нас крепкими и помогают противостоять воздействиям внешнего мира. Мы извлекли себя из поддерживающих нас сил. Мир же остался таким, каков есть, и мы стоим теперь перед всей мощью, перед напором всего мира. Всю силу, приходящую к нам обычно из физического тела и из эфирного тела, мы должны теперь иметь в самих себе, чтобы выдержать напор мира и оказать ему противодействие. Все это мы должны развить в своем астральном теле и Я. Мы развиваем это благодаря тем правилам, которые нам даются и которые вы найдете в моей книге «Как достигнуть познания высших миров». Там все направлено на то, чтобы придать нашему внутреннему существу ту силу, которой прежде нас наделяли высшие существа и которая отпадает, когда рушатся внешние опоры, — силу, которая делает нас способными противостоять натиску мира и после того, как мы отбросим от себя ту поддержку, какую предоставляют наше физическое и эфирное тела.

Люди, которые не укрепят себя внутренне настолько, чтобы компенсировать силы, отброшенные вместе с физическим и эфирным телом, с помощью упражнений и, прежде всего, избавлением от того свойства, которое во внешнем мире мы называем «аморальностью», — эти люди могут, конечно, приобрести известные способности для видения в духовных мирах. Но что случится тогда? Эти люди становятся, так сказать, сверхчувствительными, сверхвпечатлительными; они получают со всех сторон как бы духовные уколы, они не могут устоять перед тем, что надвигается на них со всех сторон. Это один из тех значительных фактов, которые необходимо знать, стремясь к успешному духовному развитию: нужно укреплять себя внутренне, развивая наилучшие, наиболее благороднейшие свойства души. Каковы же эти свойства, если принять во внимание то, о чем мы говорили как раз сегодня?

Если в духовном мире нельзя жить под знаком эгоизма, если там эгоизм нам несколько не помогает, то вполне естественно, что истребление эгоизма, истребление всего того, что подчинено произвольному желанию духовного, будет подготовкой к духовной жизни. Чем глубже и серьезнее мы примем данное правило, тем это будет лучше для нашего духовного развития. Его невозможно принять в должной мере глубоко и серьезно. — Кто имеет дело с такими вещами, тот может часто слышать, как кто-нибудь говорит ему: «Я сделал это не из эгоизма». Но когда такие слова срываются с губ, человеку надо остановиться и удержать их на губах; он должен сказать себе: ты делаешь это без всякого следа эгоизма. — Это гораздо умнее — потому что это гораздо правдивее. А дело идет именно о правдивости в отношении самопознания. Ни в одной области неправдивость не мстит за себя так сильно, как в области духовной жизни. Здесь человек должен потребовать от себя быть скорее правдивым, чем окутывать себя туманом слов: «Ты не эгоистичен». Лучше быть правдивым и сказать себе: «Если я сознаюсь в своем эгоизме, у меня по крайней мере есть импульс от него избавиться».

О том, что связано с этим духовным понятием правды, я хотел бы сказать следующее. Довольно легко рассуждать так: «Есть люди, которые утверждают, что они многое знают и видели в духовных мирах; они распространяют эти знания и предлагают другим. Но если кто-нибудь понял, что это неправда, не должен ли он приложить все силы и средства, чтобы с этим бороться?» Конечно, возможна такая точка зрения, с которой эта борьба необходима. Но для духовного человека, который заботится о правде, существует еще следующая мысль; все, что есть правда, произрастает из духовного мира и приносит плоды в жизни; а все, что неправда, не приносит плодов. — На простом языке это означает, что бы мы ни навывдумывали о духовных вещах, у всего этого коротки руки.

И воздвигающий всю эту ложь должен был бы сказать себе, что она бесплодна. Плодотворна в духовной жизни только правда. Это обнаруживается уже тогда, когда мы только начинаем свое духовное развитие и должны правдиво признаться себе, какими мы являемся в действительности. Это должно жить как импульс во всех духовных, во всех оккультных движениях: только истинное может быть плодотворным и действенным. Истина есть то, что оправдывает себя в мире как нечто плодотворное, нечто благотворное для человечества. А ложь, неправда — это нечто бесплодное и бездейственное. Ложь имеет лишь одно действие, на которое я сегодня только укажу и не стану разбирать его подробно: она наносит сильнейший обратный удар самому распространителю неправды. Когда-нибудь в другой раз мы займемся тем, что заключено в этих глубоких словах.

Сегодня я хотел представить вам нечто вроде обзора того, чем мы занимались в прошлом году на собраниях нашей ветви, и еще раз затронуть те настроения и чувства, которые могли пронизать душу и наполнить наше помещение.

Если мы коснемся работы последнего года вне нашей ветви, я могу, пожалуй, указать на свое участие в нашей мюнхенской постановке розенкрейцеровской мистерии «У врат посвящения». В этой мистерии мы стремились к тому, о чем будем говорить на ближайших собраниях нашей ветви. Теперь скажем лишь, что там было возможно в более художественной форме показать индивидуальный образ того, о чем обычно говорится в общих чертах. Когда здесь или в других местах мы говорим об условиях духовной жизни, то мы выражаемся так, чтобы это было справедливо для каждой души. Но при этом нужно всегда помнить, что каждый человек есть особое, отдельное существо и что путь каждой души индивидуален. Поэтому явилась потребность показать одну душу у врат посвящения. Рассматривайте эту розенкрейцеровскую мистирию не как учебник, а как художественное изображение подготовки к посвящению одного человека. Речь идет не о том, как подготавливается тот или другой человек, но о том, как подготавливается именно тот, кто изображен в этой мистерии, — «Иоганнес Томазиус», — т.е. дело идет о неповторимой особенности подготовки к посвящению конкретного человека.

Итак, в поисках истины мы установили две важные точки зрения: одна — это обзор успешного развития, а другая — погружение в глубину отдельной души. Нас всегда будет воодушевлять то, что мы приближаемся к истине с разных сторон, а потом должны терпеливо ждать, пока различные образы истины сольются в одно общее ощущение. Мы всегда будем соблюдать эту скромность познания. Мы ведь не говорим, что человек не может пережить истины: он может ее пережить! Но он никогда не может познать всей истины сразу, а познает только одну ее сторону. От этого человек становится скромным. Истинная скромность должна быть тем чувством, которое рождается в работе наших групп, а затем выносится отсюда в культуру современности, чтобы действовать вовне. Ибо наше время сильно нуждается в такой познавательной скромности.

В духе этих побуждений будем продолжать свою работу, будем излагать проблему Христа так, чтобы и в связи с ней пережить необходимую скромность познания и через это продвигаться все дальше и дальше в переживании истины.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 24 октября 1910 г.

В последний раз мы попытались дать обзор наших исследований за прошлый год, касаясь не только содержания, но и указывая на смысл и дух этих исследований. Мы указали при этом, что дух, который воодушевляет нас при разностороннем рассмотрении, например, проблемы Христа, есть тот дух, который должен направлять всякое духовнонаучное движение, всякое духовнонаучное устремление. Ибо нам стало ясно, что мы рассматриваем один и тот же предмет с разных сторон именно потому, что в познавательном устремлении человека всегда должно быть заложено то, что называют истинной познавательной скромностью.

Поговорим несколько подробнее об этой познавательной скромности.

Я часто приводил вам сравнение, что при помощи рисунка или фотографии мы можем отразить предмет с какой-нибудь одной стороны; мы никогда не можем утверждать, что это одностороннее изображение передает полный образ предмета. Более близкое представление о предмете можно составить себе, если изобразить его с разных сторон и потом, соединив эти изображения, попытаться создать его цельный образ. И при обыкновенном разглядывании также, в сущности говоря, нужно обойти вокруг предмета, чтобы составить себе о нем всестороннее представление. — Если бы кто-нибудь сказал, что в духовном мире можно охватить предмет сразу, как бы с одного взгляда, то он сильно бы ошибся. И много человеческих заблуждений проистекает из непризнания вышесказанного.

В сообщениях о событиях в Палестине, можно сказать, было предусмотрено, чтобы при более глубоком подходе эта односторонняя точка зрения здесь не применялась. Ибо об этом событии в Палестине даны четыре сообщения — сообщения четырех евангелистов. И для того, кто не знает, что в духовной жизни нужно рассматривать каждый предмет, существо, бытие с разных сторон, — для того, как бы легко ни относился он к истине, из этого факта не откроется ничего, кроме противоречий между отдельными евангелистами. Но мы неоднократно указывали, что сообщения четырех Евангелий нужно рассматривать как изображение великого явления Христа с четырех сторон, с четырех разных точек зрения, которые нужно соединить подобно тому, как соединяются четыре изображения одного и того же предмета или существа, взятые с разных сторон. При более точном разборе, как мы пытались это показать уже в отношении Евангелий от Матфея, Иоанна и Луки, окажется, что все четыре описания события в Палестине прекрасно согласуются между собой. Итак, в самом факте существования четырех Евангелий заключено великое учение о многосторонности человеческих взглядов на истину.

Я указывал уже в прошлом году, что можно искать разные точки зрения на истинную природу какого-нибудь существа. Вы помните, что на нашем генеральном собрании в прошлом году я пытался дополнить то, что обычно называют «теософией», другим исследованием, названным тогда исследованием «антропософии»; я говорил о том, как антропософия должна относиться к теософии. Я указал, что существует обычная наука, которая опирается на чувственные события и на рассудочное восприятие фактов, открывающихся чувственному наблюдению, — и когда эта наука занимается человеком, ее называют «антропологией». Антропология включает в себе все, что можно исследовать чувственно и познавать путем

рассудочных наблюдений над человеком. Она рассматривает, следовательно, чувственный организм человека, каким он представляется, когда его исследуют с помощью различных естественнонаучных приборов и инструментов. Она рассматривает, например, то, что осталось от людей прошлого, их утварь и орудия, сохранившиеся в пластах земли, и старается составить себе представление о развитии человеческого рода в потоке времени. Она пытается далее изучать ступени развития диких и нецивилизованных народов, ибо исходит из предпосылки, что у этих народностей сохранились те же самые ступени культуры, через которые в более ранние времена проходили также и цивилизованные народы. Таким образом, антропология создает себе представление о том, через что человек прошел, прежде чем достигнуть современной точки развития. Многое можно было бы привести для уяснения сущности антропологии.

В прошлом году я сравнил антропологию с человеком, который приобретает свои познания, странствуя по равнине, осматривая поселки, города, леса и поля и описывая все, что он видел, проходя по равнине.

Но человека можно рассматривать и с другой точки зрения. Это — точка зрения теософии. Ибо всякая теософия хочет разъяснить нам существо, назначение человека. Если вы будете изучать мое «Тайноведение», то вы увидите, что в конце концов все завершается разъяснением бытия человека. Если антропологию вы сравните с человеком, который идет по равнине, собирая и отмечая факты, чтобы понять их рассудком, то теософию вы можете сравнить с наблюдателем, который поднялся на вершину горы и озирает оттуда все окрестности, поселения, города, леса и т. д. Он увидит, что все, расстилающееся в равнине, сливается и выступают лишь отдельные точки; таково, в сущности, духовное созерцание человека в теософии. В духовном отношении это высокая точка зрения. И многое, что выступает перед нами в повседневной жизни как обыкновенные человеческие занятия, как непосредственные свойства и особенности человека, с этой точки зрения с неизбежностью сливается, — подобно селам и городам, видимым с вершины горы.

То, что я теперь сказал, будет, может быть, не очень понятно для новичка в теософии. Ибо новичок в теософии воспринимает сперва сведения о существовании человека, о строении физического тела, эфирного и астрального тела и т. д.; все это он старается понять и составить себе об этом известные представления; но при этом он будет еще далек от тех больших трудностей, которые возникают как раз при переходе к пониманию дальнейших теософических истин. Можно сказать: чем больше мы продвигаемся вперед, тем больше узнаем, как бесконечно трудно найти связь между тем, что достигается на высоте горных вершин теософии, и тем, что выступает в повседневной жизни человека как характерные человеческие ощущения, чувства и т. д. — Можно задать вопрос: «Почему же теософические истины кажутся понятными и правильными стольким людям несмотря на то, что эти люди не принимают во внимание того факта, как мало они в состоянии проверить сказанное с духовных вершин с помощью того, что сами они видят в повседневной жизни?» Это происходит от того, что человеческая душа предрасположена к правде, а не к неправде; она устроена так, что инстинктивно чувствует, когда высказывается правда. У человека существует чувство правды. И нельзя не признать, что это чувство правды, это непосредственное, органическое чувство правды в душе имеет бесконечную ценность. Оно имеет бесконечную ценность особенно в наше время и как раз потому, что столь бесконечно высока та духовная вершина, с которой можно узреть насущные истины о человеке. Если бы люди были обязаны сами всегда подниматься на эту вершину, им предстояло бы совершать далекий духовно-душевный путь, и все те, которые не могли бы его совершить, не почувствовали бы ценности этих истин для человеческой жизни. Но каждая душа устроена так, что при сообщении духовных истин она может воспринять и ощутить их истинность. Как же относится душа, воспринимающая эти истины, к такой душе, которая находит их сама? Для этого можно взять очень простое сравнение. Но как бы оно ни было просто, в нем заложено больше, чем кажется на первый взгляд: каждый из вас может надеть сапог, но не каждый может сшить сапог, для этого нужно стать сапожником. Но то, что мы получаем от сапога, то, зачем он нам нужен, зависит не от умения шить сапоги, а от умения ими пользоваться. Именно так обстоит дело и с истинами, предлагаемыми нам теософией. Мы призваны пользоваться ими для своей жизни, — пользоваться также и тогда, когда мы не можем их породить своим собственным созерцанием. И если, благодаря естественному чувству правды, мы воспринимаем их для применения к жизни, то с их помощью мы можем ориентироваться в существующем, можем узнать, что мы не замкнуты в бытии между рождением и смертью, что мы несем в себе духовного человека, проходим через повторные земные жизни и т. д. Этими истинами, как сказано, можно пользоваться. Мы их воспринимаем. Подобно сапогам, они защищают нас от духовного холода, от духовного оскудения. Ибо неизбежно духовное замерзание, духовное обнищание, если мы обречены мыслить, чувствовать и ощущать только то, что предлагает нам внешний чувственный мир.

Итак, мы должны сказать: теософические истины, принесенные с высоты духовного созерцания, существуют для употребления всех людей; найти же их могут, пожалуй, только немногие, — только те, которые пройдут духовный путь, описанный в последней лекции.

Но и каждый взгляд, брошенный на обычный, данный нам в чувственном восприятии мир, — который, поскольку дело идет о человеке, также является предметом антропологии, — каждый такой взгляд может подтвердить нам, что этот мир есть откровение лежащего за ним мира, созерцаемого с возвышенной духовной точки зрения теософии. Таким образом, этот чувственный мир может стать откровением другого

мира, если мы перейдем к его объяснению, если мы не остановимся на чисто рассудочном принятии его фактов, но начнем объяснять эти факты, — если мы не уйдем за пределы области чувственного восприятия столь далеко, как идет теософия, но остановимся как на склоне горы, откуда подробности восприятия еще не вполне исчезают и вместе с тем уже возможен общий обзор. Эту точку зрения в духовном отношении мы охарактеризовали в прошлом году как точку зрения антропософии; мы, таким образом, показали, что возможны три способа рассмотрения человека: антропологический, антропософический и теософический.

В этом году (в связи с генеральным собранием) в лекциях о «психософии», имеющих особое значение для лекций об «антропософии», мы намерены показать, как сама душа в ее непосредственных ощущениях и переживаниях может быть понята — как и в «антропософии» — в ее участии в духовной жизни. А последующий за ними в дальнейшем ряд лекций о пневматософии должен будет завершить эти лекции так, что исследования, касающиеся «антропософии» и «психософии», снова вольются в теософию. Все это имеет целью вызвать чувство того, как многообразна истина. Ибо таков опыт серьезного искателя истины: чем дальше он подвигается вперед, тем он становится скромнее и осторожнее в переводе на язык обыкновенной жизни полученных с высшей точки зрения истин. Ибо хотя в последний раз мы сказали, что эти истины обретают свою настоящую ценность только при переводе их на язык обыкновенной жизни, нам должно быть ясно, что именно такой их перевод составляет одну из труднейших задач духовно-учной работы. Сделать нечто увиденное на духовных высотах столь понятным, чтобы здоровое чувство правды и здоровая логика могли сказать этому «да» и могли это постигнуть, — вот что представляет величайшую трудность.

Нужно еще и еще раз отметить, что в духовнонаучной работе наших ветвей должны возникать подобные чувства и ощущения по отношению к истине. Мы не должны только рассудочно воспринимать сообщения, приносимые из духовного мира: гораздо важнее, чтобы мы переживали их в ощущении, в чувстве, и приобретали себе таким образом свойства, необходимые для каждого, приступающего к теософии.

При рассмотрении окружающего мира мы можем сказать: везде, в каждой своей точке он являет нам внешнее выражение, внешнее откровение внутреннего духовного мира. Для нас теперь это почти избитые слова. Как лицо человека является выражением того, что происходит в его душе, так все явления внешнего чувственного мира представляют собой как бы выражение лица живущего и действующего за ними духовного мира; и мы поймем чувственные переживания, только если будем видеть в них выражение лица духовного мира. Перед человеком, который сам еще не в состоянии на своем пути познания подняться к тем вершинам, где открывается духовное созерцание, — перед этим человеком лежит во всяком случае чувственный мир, и он может спросить себя: «Нет ли в самом чувственном мире чего-нибудь такого, что при рассмотрении стало бы для меня доказательством, подтверждением того, что мне сообщается из созерцания духовного мира?»

Эти поиски доказательств всегда возможны, но производить их нужно не опрометчиво, а точно. Если вы, например, проследите мои различные духовнонаучные лекции и то, что дано в моем «Тайноведении», то вы обратите внимание на тот факт, что в ходе земного развития было время, когда Земля была соединена с Солнцем, когда Земля и Солнце составляли одно тело; и только позднее Земля отделилась от Солнца.

Соединив все, что вы знаете из «Тайноведения» и из моих лекций, вы признаете, что животные и растительные формы, которые мы находим теперь на Земле, представляют собой дальнейшее развитие того, что было, когда Земля была еще соединена с Солнцем.

Но как современные животные формы приспособлены к современным условиям Земли, так и те животные формы, которые существовали во времена соединения Земли с Солнцем, были приспособлены к тому телу, которое было одновременно Солнцем и Землей. Отсюда следует, что оставшиеся от того времени животные формы являются продолжением существ, бывших уже тогда, но не имевших тогда, например, глаз, ибо глаза получают смысл, только если есть свет, озаряющий теперь Землю с Солнца.

Итак, среди различных существ животного царства мы встречаем таких, которые развили себе глаза после того, как Солнце уже отделилось от Земли; кроме того мы встречаем такие формы животных, которые представляют как бы пережитки времени, когда Земля была соединена с Солнцем, — т. е. животных, не имеющих глаз. Это — низшие животные формы. В популярных книгах вы можете прочесть, что обладание глазами прекращается на известной ступени. Это доказывает справедливость того, что говорится на основе духовной науки.

Итак, простирающийся вокруг нас мир, в котором мы сами находимся, можно представить себе как выражение лица действующей за ним духовной жизни. Если бы человек стоял только перед чувственным миром, который ни в одной своей точке не указывал бы на духовный мир, то человек никогда не почувствовал бы стремления, влечения к духовному миру. Где-нибудь в самом простирающемся вокруг нас чувственном мире должна существовать возможность для возникновения влечения к духовному; где-нибудь должно излучаться духовное — излучаться как бы сквозь врата или сквозь окно из духовных царств в наш повседневный мир. Когда же это бывает? Где непосредственно нам навстречу сияет духовное? Это происходит, — и вы слышали об этом из лекций, прочитанных мной и другими, — когда мы обретаем возможность переживания своего «я». В то мгновение, когда мы переживаем свое «я», мы переживаем нечто принадлежащее непосредственно к духовному миру. Но это переживание «я» в высшей степени скудно. Это лишь точка среди всего многообразия мира. Эта единственная точка, которую мы обозначаем маленьким словом «я», знаменует собою однако нечто изначально духовное; но духовное в «я» сжато, так сказать, в

точку. Чему же может научить нас это духовное, сжатое в точку? Из переживания своего «я» мы не можем узнать о духовном мире больше того, что содержится непосредственно в самой точке этого «я». Но в этой точке заключено уже нечто важное: благодаря ей нам показано, как мы должны познавать, если хотим познать духовный мир.

Чем же отличается переживание «я» от всякого другого переживания? Во втором случае переживаемое приближается к нам извне, и мы не находимся в нем самом. Кто-нибудь, пожалуй, скажет: «Но ведь мои мысли, воля, желания, чувства суть нечто такое, внутри чего я живу?» Относительно воли человек может путем душевного самонаблюдения очень легко убедиться, как мало стоит он внутри своей воли. Достаточно вспомнить, что воля проявляется как нечто влекущее нас, как нечто, находящееся не внутри нас, а извне, как нечто другое, как события, побуждающие нас извне. Так же дело обстоит с чувством и с большей частью того, о чем мы думаем в повседневной жизни. Мы не стоим внутри всего этого. До какой-то степени мы мало находимся и в своих мыслях, — в этом можно легко убедиться, если проверить, насколько наше обычное мышление зависит от воспитания, от восприятий, притекавших к нам в силу различных условий времени, обстановки. Вот почему обычное содержание мыслей, чувства и воли различно у разных наций и в разные эпохи. Только одно должно быть везде одинаково. Если оно вообще есть, оно должно быть везде одинаково у всех людей, во всех национальностях, во всех странах, во всех человеческих общинах: это есть переживание точки нашего «я».

Но спросим себя: как же обстоит дело с переживанием точки этого «я»? Дело обстоит совсем не так просто. Могут подумать, что мы переживаем самое это «я». Но нет. Самого «я», в сущности, не переживаем. Что же мы переживаем? Собственно говоря, мы переживаем представление, восприятие «я». Если бы мы постигли в точности самое переживание «я», оно состояло бы в беспредельном излучении во все стороны, — в беспредельности излучения. Если бы «я» не могло противопоставить себе как бы свое зеркальное отражение, — хотя бы это отражение было равно переживанию точки, — человек не мог бы пережить своего «я», — его «я» не могло бы иметь никакого представления о себе. Это представление и есть первое переживание человеком своего «я». И это представление является уже достаточным. Ибо оно отлично от всех остальных представлений. Оно действительно глубоко отлично от всех остальных представлений — и вот почему: оно должно быть равно своему оригиналу, оно не может отличаться от своего оригинала. Ибо в представлении себя самого наше «я» имеет дело только с собою; и представление здесь есть лишь возвращение «я» обратно к себе же; происходит как бы задержка, — как если бы мы задержали его, чтобы повернуть обратно к себе, и при возвращении обратно к себе поставили бы себя перед собою как отражение, равное оригиналу. Таково переживание «я».

Итак, можно сказать: познать переживание «я» мы можем в представлении «я». Но представление «я» значительно отличается от всех других представлений. Оно коренным образом отличается от всех остальных переживаний. Для всех остальных представлений необходим всегда некий орган. Вам само собой ясно, что для внешних чувственных представлений обязательно необходим некий орган. Можно было бы предположить, что для более интимных, внутренних переживаний никакого органа нам не нужно. Однако вы легко можете убедиться, что и здесь нам нужны органы, — подробнее об этом сказано в моих лекциях об антропософии. Теперь же вам будет дана возможность воспринять еще теософически то, что там говорится более открыто для всех.

Представьте себе: в какой-либо момент своей жизни вы схватываете какую-нибудь мысль, какую-нибудь идею или понятие. Вы постигаете нечто, выступающее перед вами в форме понятия. Как можете вы это постигнуть? Да только при помощи тех понятий, которые вы уже восприняли раньше. Это видно из того, что один человек постигает приходящее к нему новое понятие так, другой — иначе. И это происходит оттого, что один несет в себе большую, другой — меньшую сумму воспринятых прежде понятий. Материал старых понятий кроется в нас и противопоставляет себя новому, как глаз противопоставляет себя свету. Из старых понятий в нас соткан некий понятийный орган; и то, что в нем соткано не из теперешних наших понятий, следует искать в прежних воплощениях. Оно было соткано именно там, — и навстречу новым притекающим к нам понятиям мы несем в себе этот понятийный орган. Для всех понятий, приходящих из внешнего мира, — будь они даже духовной природы, — мы должны иметь орган. Мы никогда не стоим, так сказать, обнаженными перед тем, что притекает к нам из внешнего мира; мы всегда обусловлены тем, чем мы стали. В одном только случае мы стоим непосредственно перед внешним миром, — а именно, тогда когда мы имеем восприятие «я». Вот почему восприятие «я» — и в этом особое доказательство того, о чем здесь говорится — должно постоянно возобновляться, должно все снова и снова строиться заново. Каждое утро, когда мы встаем, мы, в сущности, возобновляем свое восприятие «я». Наше «я» всегда существует, — оно существует и тогда, когда мы спим. Но восприятие «я» должно строиться заново каждое утро; оно может тогда быть построено заново. И если бы ночью мы совершили путешествие на Марс, то все наше окружение там было бы совсем другим, чем на Земле, — было бы совершенно другим; но как раз восприятие «я» было бы тем же. Ибо оно возникает одинаково при всех условиях, так как для него не нужно никакого внешнего органа, — даже органа понятий. То, что перед нами тогда выступает, представляет собой непосредственное восприятие «я», — и хотя оно выступает как представление, как восприятие, но выступает в своем тождественном, истинном образе. Все остальное лежит перед нами как образ, обусловленный зеркалом и формой. Но восприятие «я» возникает в своем абсолютно точном образе.

Обдумав это, мы можем сказать: когда мы представляем себе свое «я», мы находимся в нем; оно помещается отнюдь не вне нас. Спросим же себя: чем отличается это совершенно единственное представление «я», восприятие «я», от всего остального, что переживает вообще «я» человека? Оно отличается тем, что в восприятии «я», в представлении «я» мы имеем прямой оттиск, слепок «я», а во всех других представлениях, восприятиях вещей мы такого прямого оттиска не имеем. От всего, что нас окружает, мы получаем образы, которые только в известном отношении можем сравнить с восприятием «я». Благодаря нашему «я» мы все превращаем во внутреннее переживание. Ибо внешний мир должен стать нашим представлением, дабы вообще получить для нас значение, ценность. Мы строим в себе образы внешнего мира, продолжающие затем жить в нашем «я», — каким бы ни был орган, воспринявший данное чувственное переживание. Мы обоняем, например, запах какого-нибудь вещества; пройдя мимо него, мы уже не имеем с ним непосредственного соприкосновения, мы продолжаем нести в себе образ того, что мы обоняли. Точно так же несем мы в себе образ виденной краски. Образы, возникающие из таких переживаний, остаются в нашем «я». Наше «я» сберегает их как бы в себе. Но если мы хотим указать характерные черты этих образов, мы должны сказать: их особенность в том, что они приступают к нам извне. Все образы, которые мы можем соединить со своим «я», — пока мы, люди, находимся в чувственном мире, — представляют собой оставшиеся в «я» следы чувственных впечатлений от внешнего мира. Одного только чувственный мир не может нам дать: восприятия «я». Оно встает в нас самих.

Итак, в восприятии «я» мы имеем образ, — хотя бы он был только точкой, хотя бы он был сжат в одну точку, — образ, который встает в нас самих.

Представьте себе наряду с этим образом другие образы, вызванные не внешними чувствами, а возникшие в «я» так же свободно, как возникает представление «я», — образы, построенные в том же роде, как «я»: тогда вы будете иметь то, что мы называем образами «астрального мира». Итак, это — образные представления, выступающие в «я» без всякого впечатления извне, идущего на нас из внешнего мира.

Чем же отличаются образы, вызванные в нас чувственным миром, от других наших внутренних образов? Чувственные образы переживаний мы можем нести в себе только после соприкосновения с внешним миром; тогда они становятся внутренними переживаниями, — но переживаниями, вызванными внешним миром. Какие же переживания нашего «я» не вызваны внешним миром? Это — наши чувства, желания, порывы, инстинкты и т. п. Они вызываются не внешним миром. И хотя мы, в указанном выше смысле, находимся не внутри своих чувств, порывов и проч., но мы должны все же сказать: в чувствах, порывах, влечениях и т. д. в наше внутренне протискивается некий элемент. Чем отличаются порывы, влечения и т. д. от чувственных образов, которые мы носим в себе как последствия чувственных восприятий? Вы можете почувствовать это различие. Чувственный образ покоится в нас, мы стараемся по возможности сохранить в себе верность ему, после того как отвернемся от внешнего мира. Наши же порывы, влечения, инстинкты действуют в нас, представляя собой, таким образом, некую силу.

И хотя внешний мир не участвует в возникновении астральных образов, все же при их появлении должны действовать некие силы. Ибо без производящей причины ничего не совершается, ничто не может возникнуть. При возникновении чувственного образа побуждающей силой является впечатление внешнего мира. При возникновении астрального образа побуждающей силой является то, что лежит в основе желаний, порывов, чувств и т. д. Но в обыкновенной человеческой жизни, в своем теперешнем состоянии человек огражден от того, чтобы его влечения и порывы развивали такую же силу, какая вызывает появление образов, — образов, переживаемых точно так же, как образ самого «я». Отличительный признак современной человеческой души заключается в том, что порывы и влечения действуют недостаточно сильно, чтобы пробудить к образному бытию то, что противопоставляет им «я». Когда «я» противостоит мощным силам внешнего мира, в нем возбуждаются образы. Когда оно живет в самом себе, то обыкновенный человек имеет возможность воспринять один только возникающий в нем образ — образ самого «я».

Итак, порывы, влечения действуют недостаточно сильно для того, чтобы стать образами, подобными единственному в своем роде переживанию «я». Если же они действуют достаточно сильно, то они должны приобрести то свойство, какое несут в себе все внешние чувственные переживания. Это свойство исключительно важно. Все внешние чувственные переживания не снисходят до того, чтобы с нами считаться: если кто-нибудь, например, живет в комнате, где слышен неприятный шум, то этого шума нельзя устранить с помощью пожеланий, порывов. Желтый цветок, которому кто-нибудь предпочитает красный, не может покраснеть от одного желания, от одной склонности человека. Особенность чувственного мира состоит именно в том, что он выступает совершенно независимо от нас. Этого никак нельзя сказать о наших влечениях, желаниях и страстях. Они направляются нашей личной жизнью. Что же должно с ними происходить, когда они восходят до образного бытия? Они должны стать такими же, как внешний мир, который не оказывает нам никакого снисхождения, строя и развивая чувственные образы, и принуждает нас создавать чувственный образ в соответствии с впечатлением от внешнего мира. Для того чтобы образы астрального мира сложились правильно, человек должен быть столь же независим от себя самого, от своих личных симпатий и антипатий, как независимо от него происходит построение образов внешнего мира. Его желания, вождения не должны иметь для него никакого значения.

В последний раз я сказал вам, что поставленное тем самым требование может быть сформулировано так: «Нужно быть не эгоистичным». Но это требование нельзя принимать легкомысленно. Не так-то просто

быть неэгоистичным. Нужно продумать следующее: как различен наш интерес к тому, что является нам извне, и к тому, что встает в нас внутри. Несоизмеримо больше интерес человека к своей внутренней жизни, чем к внешнему миру. Правда, для иных и внешний мир, переходя в образ, подпадает действию их субъективных чувств: все вы знаете, что люди часто плетут небывлицы, даже когда не лгут и верят тому, что сами рассказывают. Здесь всегда действуют симпатия и антипатия: они вводят в обман относительно подлинной данности внешнего и меняют создаваемый образ. Но можно сказать, что это исключительные случаи, ибо человек недалеко бы ушел, если бы обманывал себя по отношению к внешней жизни. Везде вскрылось бы несогласие с внешней жизнью. И от этого ему было бы мало пользы; он должен быть правдивым по отношению к внешнему миру; действительность исправляет его. Так и происходит с обычными чувственными переживаниями, внешняя действительность является здесь прекрасным регулятором. Но этот регулятор отпадает с началом внутренних переживаний. И человеку не так-то легко принять тогда исправляющее впечатление от внешней действительности. Поэтому он позволяет здесь действовать своим интересам, своим симпатиям и антипатиям.

Итак, мы должны сказать: самое главное, что от человека требуется прежде всего, это умение относиться к себе так же хладнокровно, как мы относимся к внешнему миру, когда думаем о том, чтобы начать вступление в духовный мир.

В древней пифагорейской школе эта истина преподавалась в строгой формуле, — причем в связи с очень важным вопросом человеческого познания — с вопросом о бессмертии. Подумайте, сколько людей заинтересованы в бессмертии! Это обычное явление в жизни — то, что люди стремятся к бессмертию, к жизни за пределами рождения и смерти. Но эта заинтересованность личная, это стремление личное. Вас сравнительно мало затронет то, что вы разобьете стакан. Но если бы люди были лично заинтересованы в существовании стакана даже после того, как он разбит, если бы они были заинтересованы в этом так же, как в бессмертии человеческой души, то будьте уверены, большинство людей верило бы в бессмертие стакана. — Поэтому данное требование было сформулировано в пифагорейской школе так: «Созрел для познания истины о бессмертии только тот, кто смог бы вынести, что истинным является обратное, кто смог бы вынести, что вопрос о бессмертии решается ответом «нет». Если хочешь узнать что-нибудь о бессмертии в духовном мире, — так говорили учителя древних пифагорейских школ, — ты не должен жадно стремиться к бессмертию; ибо пока остается это стремление, все сказанное тобою будет необъективно. И все направляющие суждения о жизни по ту сторону рождения и смерти могут исходить только от тех, кто спокойно лег бы в могилу, если бы даже не было никакого бессмертия». Это говорилось ученикам древних пифагорейских школ, чтобы показать им, как трудно приготовить себя, созреть для принятия какой-либо истины.

Быть готовым для истины так, чтобы судить, исходя не из себя, — для этого нужно вполне определенное подготовление, состоящее в том, чтобы стать совершенно не заинтересованным в этой истине. Но именно о бессмертии можно сказать: «Не может быть, чтобы нашлось много людей, не заинтересованных в бессмертии; не может быть, чтобы таких людей было много». И этим заинтересованным можно говорить о перевоплощении и вечности человеческого бытия, несмотря на то, что они заинтересованы в этом. Ибо воспринять истину и применить ее в жизни могут также и те, которые сами не в состоянии ее устанавливать. Если чувствуешь себя незрелым для последнего, это еще не причина, чтобы не воспринимать истины. Напротив, для нужд жизни совершенно достаточно принять истину и отдать жизнь на служение ей.

Что же является необходимым условием для принятия истины? Ее можно спокойно принять, даже если не чувствуешь себя достаточно зрелым. Но необходимое условие заключается в следующем: нужно стать готовым к принятию истины в том смысле, что жаждешь истины для крепости, удовлетворения, уверенности в жизни; и нужно быть осторожным в самостоятельном установлении высших истин, — таких истин, которые могут быть открыты только в духовном мире. Из этого вытекает важное правило нашей теософической жизни: можно с доверием принимать и применять все, что нам нужно для жизни; но нужно быть как можно более недоверчивым при самостоятельном установлении истин, — и особенно нужно быть недоверчивым к своим астральным переживаниям. Осторожность требуется прежде всего в применении своих астральных переживаний там, где никак не можешь быть незаинтересованным, — а именно там, где дело идет о собственной жизни. Допустим, что благодаря своему астральному развитию человек созрел для того, чтобы узнать свою завтрашнюю судьбу, узнать то, что он переживет завтра. Это — личное переживание. И пусть остерегается испытывать книгу своей личной жизни тот, кто не может здесь быть незаинтересованным. Например, легко могут сказать: «Почему ясновидящие не исследуют точно время своей собственной смерти?» Они не делают этого по той причине, что они не в состоянии быть здесь вполне незаинтересованными и отстранить все, что касается их собственной личности. Все, что не относится к собственной личности, — относительно чего человек может быть уверен, что это не касается его собственной личности, — и только это, — может быть исследовано в духовных мирах так, что результаты исследования имеют объективную ценность. Но нельзя выносить объективных суждений при личной заинтересованности. Поэтому тот, кто хочет сообщать только объективно ценное, свободное от личного интереса, не может на основании впечатлений, исследований высшего мира говорить о чем-либо, касающемся его самого. Если бы он сообщал нечто, касающееся его самого, он должен был бы быть вполне уверен, что эти вещи вызваны не его заинтересованностью. Но в таком случае весьма трудно проверить, не

подсказаны ли эти вещи, касающиеся его самого, его личной заинтересованностью.

Итак, вы видите, что в основании всякого стремления в духовный мир должно лежать правило: не пытайтесь руководствоваться тем, что относится к вашей собственной личности; устрани до конца свою личность. И я должен прибавить, что это устранение своей личности в высшей степени трудно: часто думают, что собственная личность устранена, а между тем это не так. Поэтому большая часть астральных образов, открывшихся тому или иному человеку, суть не что иное, как отражение его собственных желаний, собственных страстей. Пока человек достаточно силен в духовном, чтобы сказать себе: «Ты должен быть недоверчивым к своим духовным переживаниям», до тех пор эти духовные переживания абсолютно безвредны. С того лишь мгновения, когда этой силы нет, когда человек объявляет свои переживания определяющими для своей жизни, он начинает терять направление. Это похоже на то, как если бы мы захотели выйти из комнаты не в том месте, где находится дверь и намеревались прошибить головой стену. Поэтому всегда нужно помнить правило: «Следует быть в высшей степени осторожным при проверке своих сверхчувственных переживаний». Эта осторожность проявляется в полной мере тогда, когда таким переживаниям в себе человек не придает другого значения, кроме значения ценности познания, ценности понимания, когда он не использует их в своей личной жизни, но берет их в качестве источника для понимания.

Хорошо, когда мы подходим к этому с таким чувством: «1 ты хочешь только того, чтобы тебе это объяснили», ибо тогда может быть тотчас же исправлено всякое неверное представление.

Все, что я сказал сегодня, составляет лишь часть исследований этой зимы. Но я хотел бы этим подготовить вас к рассмотрению человеческой душевной жизни - к исследованию «психософии», которым мы займемся через неделю после генерального собрания.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 7 ноября 1910 г.

Мы часто рассматривали в различных отношениях то развитие человечества, которое совершалось в послееатлантическую эпоху, то есть в наше время, — после атлантической катастрофы. Мы указывали на различные эпохи, различные периоды этого послееатлантического развития: мы упоминали древнеиндийский, персидский, египетско-халдейский и греко-латинский периоды, а затем указали на нашу собственную эпоху, являющуюся пятым периодом послееатлантического развития. Мы обращали внимание на то, что до наступления великой катастрофы пройдут два следующих периода и что тогда будут насчитываться уже семь таких периодов развития земного человечества. Понятно, что мы описывали в различных отношениях эти эпохи земного человечества. И мы можем почувствовать, к какому будущему мы идем, если мы, современные люди, известным образом ориентируемся в наших собственных задачах, если мы знаем свою связь с этими различными эпохами. Мы повторяем вновь и вновь, что можно различать отдельного человека как маленький мир — микрокосм, и большой мир — макрокосм. При этом маленький космос-человек во всех отношениях является отображением великого мира — макрокосма. И хотя это — истина, все же это сначала довольно абстрактная истина, и мы можем очень мало извлечь из нее в таком виде, как ее преподносят нам; она становится только тогда значительной, когда мы подробно можем постигнуть то или другое в человеке как принадлежность малого мира и поставить в соотношение с другим — великим миром.

Современный человек, в сущности говоря, принадлежит всем семи эпохам послееатлантического периода, так как он воплощался и будет воплощаться во всех этих семи эпохах. Мы прошли в прежних воплощениях прежние эпохи и пройдем будущие в воплощениях следующих эпох. В каждом воплощении мы усваиваем то, что нам может дать данный период времени. И, усваивая это, мы несем в себе плоды прошедшего развития, так что по существу самое интимное, что мы несем в себе, это то, что мы присвоили себе в течение вышеназванных периодов времени. Нужно ведь сказать: то, что каждый отдельный человек усвоил себе в те периоды времени, частично выступает в современном человеческом сознании, но то, что мы получали, как все люди, во время наших воплощений в атлантическую эпоху, происходило в совсем других состояниях сознания и было потом отеснено в подсознание, так что оно не проявляется так, как все приобретенное нами в послееатлантическое время. В известном отношении человек атлантического времени был гораздо лучше защищен от того, чтобы испортить себе то или иное в своем развитии, так как его сознание тогда еще не достаточно проснулось: это произошло лишь в послееатлантическое время. Поэтому все, что мы несем в себе как плоды атлантического развития, гораздо точнее соответствует мировому порядку, чем то, что происходит в следующих эпохах, когда мы уже сами вносили беспорядок в самих себя. Конечно, и в атлантическую эпоху ариманические и люциферические сущности оказывали на людей свое влияние. И это влияние все больше и больше вступает в сознание в послееатлантической культуре, — осознание этого является самым существенным в ней.

В этом отношении развитие человечества после атлантической катастрофы до следующей великой катастрофы является известным образом и макрокосмическим. Все человечество на протяжении семи послееатлантических эпох развивается как один великий человек. И то самое важное, что должно возникнуть в этих семи культурных эпохах в человеческом сознании, переживает такие же периоды, какие переживает каждый отдельный человек. Мы различаем возрасты человека (на это указано в «Тайноведении»), считая

первые семь лет от рождения и до смены зубов первым периодом его жизни. Мы говорили, что физическое тело человека достигает окончательного развития своих форм при появлении вторых зубов; впоследствии человек, правда, еще растет внутри этих форм, но сами формы, в сущности, уже определились. В первые семь лет совершается построение этих форм. Это время нужно правильно понимать во всех отношениях. Поэтому мы должны закономерно отличать первые зубы, которые человек получает в первые годы жизни, от заменяющих их вторых зубов. Эти два рода зубов сильно отличаются по отношению к закономерности тела: первые зубы — наследуются; они происходят, так сказать, от прежних органов предков как плоды, и только вторые зубы рождаются из нашей собственной физической природы. Это мы должны запомнить. И только принимая во внимание такие подробности, мы можем уяснить себе, что здесь действительно есть различие. Первые зубы мы получаем потому, что наши предки передали их нам в наследство вместе с организацией; вторые зубы мы получаем, благодаря нашему физическому организму. Первый раз зубы наследуются непосредственно; второй раз наследуется физический организм, который со своей стороны производит вторые зубы.

Затем мы должны различать второй период жизни — от смены зубов до половой зрелости, т. е. до 14-го, 15-го года. В этот период происходит развитие эфирного тела. Третий период, продолжающийся до 21-22 лет, представляет собой развитие астрального тела. Затем следует развитие «я», идущее через развитие души ощущающей, затем души рассудочной и души сознательной. Так различаем мы периоды жизни человека. В течение этих периодов, как вы знаете, закономерно протекает собственно только то, что относится к первым периодам жизни. Так должно быть, и это верно для современного человека.

Эта закономерность в разделении первых периодов в дальнейшем уже не имеет места: их продолжительность уже нельзя определить с такой же точностью. Говоря о причине этого, нам надо уяснить, что между тремя первыми периодами мирового развития и четырьмя остальными лежит как бы середина этого развития. Мы сейчас находимся в послееатлантическом периоде и несем в себе плоды трех первых эпох и эпохи четвертой; мы живем уже в пятой эпохе и идем навстречу шестой.

И мы можем с полным правом найти некое сходство между развитием послееатлантических периодов и развитием отдельного человека, и это сходство говорит о подобии макрокосмического и микрокосмического. Возьмем, например, то, что особо характеризует первую послееатлантическую эпоху, которую мы обозначаем как древнеиндийскую, потому что у индийского народа послееатлантическое развитие протекало весьма специфично. В эту первую эпоху существовало прежде всего высокое всеобъемлющее, широко разветвленное древнее знание, древняя мудрость. То, чему учили семь святых Риши в Индии, было в принципе тем же, что видели некогда в духовном мире древние ясновидящие и большая часть народа. Это древнее знание существовало в индийскую эпоху как наследие прошлого. В атлантические времена оно приобреталось путем ясновидения. Теперь же это была преимущественно древняя, унаследованная и сохраненная мудрость, возведавшаяся теми людьми, которые вновь подымались в духовные миры с помощью инициации, — т. е. святыми Риши. В сущности, то, что проникало таким путем в человеческое сознание, являлось унаследованным достоянием; поэтому оно вовсе не имело характера нашего современного знания. И получают совершенно неверное представление, когда важнейшие вещи, которые передавались в первый послееатлантический период святыми Риши, пытаются выразить в таких формах, в каких мы выражаем наше знание в современной науке. Но это плохо удается: сегодняшние научные формы сами возникли только в послееатлантической культуре. Знание древних Риши было совсем другого рода. Оно было таково, что тот, кто его сообщал, все время чувствовал, как оно действовало, бродило в нем в момент возникновения. И мы должны прежде всего усвоить нечто характерное, если хотим понять, каким тогда было знание: оно было построено не на памяти, которая при познании тогда еще не играла никакой роли. Я прошу вас обратить на это особенное внимание. Сегодня память играет ведущую роль при сообщении знаний. Когда какой-нибудь университетский профессор или оратор поднимается на кафедру, то он должен заранее позаботиться, чтобы знать то, о чем будет говорить, чтобы вызвать это из памяти. Правда, теперь есть люди, которые говорят, что они этого не делают, но следуют своему гению; но с этим далеко не уедешь. В наше время сообщение знаний действительно большей частью построено на памяти.

Как передавались знания в атлантическую эпоху, лучше всего выразить в следующих словах: знание возникло в голове передающего его, и именно в тот момент, когда он его передавал. Раньше знание не подготовляли таким образом, как делается теперь. Древние Риши подготовляли себя, погружаясь в благоговейное настроение, в благочестивое настроение; и то, что Риши сообщал, он переживал так: «Я должен сперва сделать свою душу благочестивой и наполнить ее благоговейными настроениями». Он подготовлял настроение и чувства, но не то, что должен был сказать. И затем в момент сообщения он как бы читал из невидимого. Слушатели, которые хотели бы что-то записывать, были немыслимы в то время. Это было абсолютно исключено, так как знания, принесенные таким путем, считались бы не имеющими никакой цены. Только то имело цену, что вынашивалось человеком в собственной душе, а затем воспроизводилось таким же образом, как воспроизводилось им уже раньше в себе самом. И было бы осквернением того, что сообщалось, записывать что-либо из сообщений. Почему? Потому что в духе того времени имели вполне правильное убеждение: то, что стоит на бумаге не есть то же самое, что сообщается, и не может быть им.

Эта традиция сохранялась долгое время, так как такие вещи сохраняются в чувствах гораздо дольше,

чем в понимании. И когда в Средние века к искусству письма добавилось искусство книгопечатания, то это последнее было принято народом сперва как черное колдовство, потому что в душах еще жили старые ощущения: люди чувствовали, что то, что должно жить и передаваться от души к душе, не могло сохраняться в такой грубой форме, — как нечто изображенное на белом листе черной печатной краской, что сперва превращается как бы в нечто мертвое, чтобы потом ожить, может быть, утратив свою назидательность. Следовательно, именно эту непосредственную передачу, поток, текущий от души к душе, мы должны воспринимать как нечто характерное для тогдашнего времени. Это была тенденция первых послееатлантических времен, и ее нужно истолковывать правильным образом, если хотят понять, например, древних рапсодов, которые еще в древнегерманскую и в греческую эпохи странствовали по земле и распевали свои длинные, длинные произведения. Если бы вы для этого пользовались вашей памятью, то не смогли бы делать подобного. То было свойством их душ, душевной силой, лежащей в их основе, и силой необычайно живой.

Когда сегодня кто-нибудь произносит стихотворение, то он его заучивает заранее. Эти же люди переживали то, что они воспевали, и здесь действовал некий вид человеческого творчества. Все это поддерживалось еще тем, что на первый план выступали преимущественно душевные элементы в совсем ином объеме, чем это бывает теперь. В наше время — и с известным правом — подавляется все душевное. Если сегодня что-то декламируется, то дело идет о смысле, и в процессе речи вырабатывается смысл слов. Но этого не было даже и тогда, когда средневековый певец пел песнь о Нибелунгах. Он обладал еще чувством внутреннего ритма; он даже топал ногой, отмечая такт ритмического повышения и понижения. Но это только отзвуки того, что жило в старые времена. И все же вы создали бы себе неправильное представление о древних Риши и их учениках, если бы думали, что они без записей недостаточно верно передавали древнее атлантическое знание.

Для следующих эпох характерным является то, что древне-атлантическое знание перестало действовать. До заката древнего индийского культурного периода знание, полученное человечеством как наследие, продолжало расти: тогда еще был налицо рост знания. Но это окончилось с концом первого послееатлантического периодами после индийского периода уже нельзя было извлечь ничего нового из человеческой природы, чего не существовало бы уже раньше. Следовательно, увеличение знания было возможно только в первый период, а затем это прекратилось. И в древнеперсидский период стало уже возможным у тех, кто находился под влиянием заратустрианства, по отношению к внешней науке то, что можно сравнить только со вторым периодом жизни человека и что лучше всего можно понять с помощью такого сравнения. Древнеиндийский период лучше всего сравнить с первым периодом жизни человека — временем от рождения и до седьмого года, когда вырабатываются все формы, тогда как все последующее является только ростом внутри установившихся форм. Так обстояло дело с духовностью в первый послееатлантический период. И то, что за этим последовало в древнеперсидскую эпоху, можно сравнить с неким видом обучения. Как человек в своем втором жизненном периоде проходит школьное обучение, так и древнеперсидскую эпоху можно сравнить с периодом обучения. Нужно только уяснить себе, кто были ученики, а кто учителя. Тут я хотел бы сказать следующее.

Разве вы уже не обратили внимания на то, что Заратустра, водитель второго послееатлантического культурного периода, видится нам совсем иначе, чем, например, индийские Риши? В то время как Риши являются личностями, посвященными в древнюю священную мудрость, в которых изливается древнее атлантическое знание, Заратустра выступает как первая личность, пронизанная послееатлантическим знанием. Следовательно, наступает нечто новое. Заратустра — это фактически первая послееатлантическая личность, первая историческая личность, посвященная в мистерии — в знание, которое было подготовлено так, чтобы быть понятным прежде всего разумом и рассудком послееатлантического человечества. И в первых школах Заратустры вначале достигалось возвышенное сверхчувственное знание, но оно впервые выступало в этих школах в человеческих понятиях, которые тогда только начинали формироваться. В то время как древнее знание Риши не может быть передано в формах нашей современной науки, знание Заратустры уже удобнее передавать таким образом. Это, правда, вполне сверхчувственное знание, которое сообщает нам о вещах сверхчувственного мира, но оно облечено в понятия, в целом подобные понятиям и идеям послееатлантического времени. И у его последователей возникает теперь то, что можно назвать системой понятий человечества. Это значит: берется древнее, святое сокровище мудрости, которое развивается до конца индийской эпохи и передается от поколения к поколению; ничего нового больше к нему не добавляется, но теперь это старое перерабатывается. И задачу мистерий второго послееатлантического культурного периода мы можем себе представить на следующем примере. Предположим, что сегодня вышла какая-нибудь оккультная книга. И конечно, каждая оккультная книга, которая действительно основывается на исследованиях высших миров, вполне может быть облечена в логические рассуждения. Но тогда, например, мое «Тайноведение» должно было бы стать произведением в пятидесяти томах, и каждый том был бы равен одному моему тому. Таким образом можно было бы выделить все отделы и облечь их в логические формы. И все это вполне возможно. Но можно поступить иным образом: можно оставить читателю кое-что в первоначальном виде и дать ему задуматься над этим. Теперь надо уже поступать именно так, иначе вообще невозможно продвигаться вперед в занятиях оккультизмом. Сегодня, в пятом послееатлантическом периоде, человек уже имеет возможность подойти к оккультному знанию с теми рассудочными понятиями, которые

он выработал, и перерабатывать это знание. Но в эпоху Заратустры нужно было сперва найти понятия для этих фактов, а эти понятия вырабатывались только постепенно. Такие науки, которые имеются теперь, тогда не существовали. Имелся как бы остаток от древнего знания Риши, и выступало нечто такое, что должно было облечься в человеческие понятия. Но сами эти человеческие понятия надо было сперва найти, чтобы в них перелить сверхчувственное содержание. И этот оттенок — облечение сверхчувственного в человеческие понятия — еще только зарождается. Поэтому можно сказать: Риши говорили еще таким образом, каким только и можно было передавать сверхчувственное знание — они говорили на языке различных образов, картин, — на имажинативном языке. Они как бы изливали свое знание из души в душу в ярких образах, непрерывно возникавших тогда, когда они сообщали свое знание. И тогда не было речи о причине и следствии, равно как и о других понятиях, имеющихся теперь у нас, о какой-либо логике и т. п. Все это пришло уже позже. И в отношении сверхчувственного знания именно с этого начали во второй послееатлантический культурный период. Тогда впервые почувствовали как бы сопротивление материального бытия; почувствовали необходимость выразить сверхчувственно так, чтобы оно приняло формы, в каких человек мыслит на физическом плане. Это и было, в сущности, задачей древнеперсидской культурной эпохи.

Затем пришел третий послееатлантический период: египетско-халдейская культура. Теперь люди уже обладали сверхчувственными понятиями. Но для современного человека это опять представляет трудности. Только представим себе: еще нет физической науки, есть лишь понятия о сверхчувственном, полученные также сверхчувственным путем. Люди знали, что происходило в сверхчувственных мирах, и умели выразить это в мыслительных формах физического плана. Теперь же, в третьем культурном периоде, начали применять то, что получили из сверхчувственного мира, на самом физическом плане. И это снова можно сравнить с третьим периодом жизни человека. Если человек во втором периоде жизни учится применять все то, чему он научился в первом, но еще свободно не владеет этим, то в третьем периоде жизни большинство людей должны уже применять это на физическом плане. Ученики Заратустры были учениками небесного знания во втором культурном периоде. В третьем периоде культуры люди начали применять на физическом плане то, что они получили сверхчувственно. Чтобы лучше представить себе это, приведем такой пример: люди научились из созерцания сверхчувственного познавать, что сверхчувственное можно представить в образе треугольника, треугольник стал образом сверхчувственного, и стало возможным воспринимать сверхчувственную человеческую природу, которая вливается в физическую, как некую троичность. Также постигали и другие понятия и начали соотносить физические вещи со сверхчувственным. Например, геометрию вначале преподавали как систему символических понятий. Итак, появились математические понятия и началось их применение: египтяне применяли к измерению земли при ее обработке, халдеи — к ходу созвездий, что положило начало астрологии и астрономии. И то, что считалось раньше чем-то сверхчувственным, применялось теперь к тому, что видели физически-чувственным образом.

То, что родилось из сверхчувственного знания, стали разрабатывать на физическом плане; так что в третьем культурном периоде началось, так сказать, применение полученного сверхчувственного знания к чувственному миру. Это происходило в третий культурный период.

В четвертом периоде — греко-латинском — особенно важным было то, что человек все это осознал. Раньше он совершал то же самое, но не осознавал положения вещей. Древним Риши это было не нужно: они получали знание непосредственно из духовного мира. Во времена Заратустры только усваивали духовное знание, но не знали еще вполне точно, как формулируется само сверхчувственное знание. В египетско-халдейскую эпоху облакали сверхчувственные понятия тем, что наблюдалось на физическом плане. А в четвертом периоде говорили: «Вправе ли мы применять то, что образовалось из духовного мира, в мире физическом? Подходит ли действительно то, что получено в духовном мире, к вещам физического мира?» Этот вопрос человек мог задавать себе только в четвертом культурном периоде, после того как в течение некоторого времени он в полной невинности применял сверхчувственное знание к физическим опытам и физическим наблюдениям. Но потом он почувствовал свою ответственность в деле познания и спросил себя: «Какое я имею право применять сверхчувственные понятия к свершению физическому, к физическим фактам?»

В каждом периоде непременно появляется личность, выполняющая какое-либо особенно важное задание этого периода и сознающая то, что она делает. На примере такой личности, которая осознает, можно ли применять сверхчувственные понятия к физическим фактам, очень хорошо видно, как осуществляется то, на что я здесь только указал. Так, например, вы можете видеть, как Платон имел еще вполне живое отношение к древнему миру и применял понятия к физическому миру еще в старой форме. Его ученик Аристотель уже спрашивает: «А можно ли совершать это?» Поэтому Аристотель и стал основателем логики.

Те, кто не соприкасается с духовной наукой, должны были однажды спросить: «Почему, собственно, «Логика» возникла только в четвертом периоде? Неужели человечество, развивающееся с неопределенно далеких времен, не имело никаких оснований поставить себе раньше в какой-либо момент вопросы о логике?» Если рассматривать вещи реально, можно всюду указать важные узловые пункты развития, падающие на какой-то определенный момент. Например, таким важным моментом в развитии является промежуток времени, лежащий между Платоном и Аристотелем. Хотелось бы сказать следующее.

Действительно, в описанном периоде мы имеем перед собой нечто такое, что еще принадлежит к той

старой связи с духовным миром, которая существовала в атлантические времена. Живое знание, правда, умерло с наступлением индийского периода; но вместе с его умиранием наступало нечто новое. У человека появилась способность быть до некоторой степени критичным и ставить вопрос: можно ли применять сверхчувственное к физически-чувственным вещам? Другими словами: человек только теперь осознал, что он сам нечто совершает, когда внешне наблюдает мир, что он сам нечто в него привносит. Это был важный период времени.

Относительно понятий и идей еще можно ощущать, что они являются чем-то сверхчувственным, если в понятиях и идеях видят подтверждение существования сверхчувственного мира. Но очень немногие чувствуют это. Для большинства людей то, что лежит в понятиях и идеях, есть нечто слишком тонкое и непрочное. И хотя в них живет нечто такое, что может доказать, например, бессмертие человека, это показалось бы неубедительным, потому что понятия и идеи по отношению к грубой реальности, требуемой человеком, действительно являются слишком тонкой паутиной. Это самое тонкое из того, что человек постепенно спрядал из субстанций духовного мира после того, как он спустился в физический мир. Самой тонкой, последней нитью из сверхчувственного мира являются понятия и идеи. И в то время, когда человек дошел до этих последних им спряденных нитей, которым он уже не мог больше доверять, когда он уже полностью высвободился из духовного мира, — тогда-то мы подмечаем самое мощное воздействие из сверхчувственного мира — импульс Христа. Так вступает в наше послеплатоническое время самая значительная духовная реальность, и она появляется именно в тот период времени, когда человек обладал наименьшей духовной одаренностью, потому что он был духовно одарен только для понятий и идей.

Для того, кто рассматривает развитие человечества в «большом времени», имеется одно довольно интересное сопоставление, которое может потрясти душу, но оказаться необычайно интересным и с научной точки зрения. А именно, речь идет о том, что вы сопоставите бесконечную духовность того существа, которое врывается в человечество вместе с принципом Христа, с тем вопросом, который человек незадолго до этого задал себе: каким образом связана его последняя спиритуальная паутина со спиритуальностью? (То есть вы можете сопоставить с этим аристотелевскую логику — эту ткань из тех самых абстрактных понятий и идей, до которых человек дошел к этому времени.) Трудно даже и представить себе большее расстояние между духовностью, которая спустилась на физический план в Существо Христа, и тем, что человек спас сам для себя из спиритуальности. И так вы сможете понять, что в первые столетия христианства вообще было невозможно с помощью системы понятий и идей, сложившихся в аристотелизме, понять духовность Христа. И только постепенно люди стали постигать факты и события с помощью аристотелевской логики. Это и стало задачей средневековой философии.

Очень важно то, что четвертую послеплатоническую культурную эпоху можно сравнить в человеческой жизни с периодом развития «я», ибо тогда «я» всего человечества само, как молния, входит в развитие человечества, а человек как таковой дальше всего отстоит от духовного мира. Это и есть причина того, почему человек сперва был неспособен принять Христа иначе, чем с помощью веры. Поэтому-то христианство должно было сперва быть только делом веры, и лишь постепенно оно становится и будет становиться делом познания. Только теперь начали проникать в Евангелия с помощью знаний. Христианство было делом веры в течение столетий и должно было быть им, потому что тогда человек дальше всего отошел от духовных миров. И если это было так в четвертый послеплатонический период, то теперь стало необходимым, чтобы после такого глубочайшего падения человек вновь начал подниматься. Четвертый период увлек человека в известном отношении дальше всего вниз, но зато он же дал ему взамен величайший духовный толчок, который он, естественно, не мог понять и который, возможно, будет понятен только в следующем периоде. Но мы теперь начинаем понимать нашу задачу: она — в том, чтобы вновь пронизать наши понятия изнутри спиритуальностью.

Развитие мира протекает не так просто. Если шар пришел в движение и покатился в известном направлении, то он обладает инерцией — катится все дальше. И для того чтобы покатиться в другом направлении, он должен получить другой импульс, который толкнет его в другом направлении. Так дохристианская культура обладала тенденцией устремления в физический мир, сохранения этого устремления и внесения его в нашу эпоху. А тенденция устремления вверх находится еще только в начале, и кроме того она нуждается в постоянном поощрении и поддержке. Особенно, например, это ясно в случае человеческого мышления, где мы можем отчетливо видеть продолжающееся действие этой инерции устремления вниз. И большая часть того, что теперь называют философией, есть не что иное, как движение катящегося вниз шара.

Аристотель поистине обладал еще предчувствием того, что в этой ткани человеческих понятий фактически скрыта духовная реальность. Но через несколько столетий после него люди вообще уже были не в состоянии знать, как же связано с действительностью то, что возникает в человеческой голове. Самым сухим и жестким в старом развитии является кантианство и все, что с ним связано. Кантианство ставит вопрос так, что вообще разрывает для себя всякую связь между тем, что человек развивает в себе как понятия, между представлениями как внутренней жизнью — и тем, чем являются настоящие понятия. Это все отмирающее, старое, и потому оно не способно дать будущему нечто оживляющее. Теперь вы больше не будете удивляться тому, что конец моих психософических лекций имел теософическую подкладку. Я обращал ваше внимание на то, что перед вами во всех наших исследованиях, особенно в науке о душевном,

стоит задача: то знание, которое было даровано богами людям и опустилось к ним, чтобы побудить их к работе, это знание должно быть вновь принесено в жертву на алтарях перед богами. Только для этого мы должны сначала усвоить такие понятия, которые идут из спиритуальности. И не из дерзости, но из закономерности нашего времени я утверждаю следующее: необходимо заниматься психологией, учением или наукой о душе, чтобы вывести ее из мертвенного, застывшего состояния, в котором она находится. Конечно, существовало много психологов, имеется их много еще и теперь, но все они работают с понятиями, не пронизанными духовностью. Поэтому знаменательно, что такой человек, как Франц Brentano, выпустил в 1874 году только первый том своей психологии, в котором, правда, многое неправильно, но основа его все же верная. Затем он объявил о выходе второго тома, который должен был появиться еще в том же году; но он не смог справиться с этой задачей и остановился на полпути. Схематизировать он еще мог, но если он хотел пойти дальше, то для этого нужен был спиритуальный уклон. Такие современные психологи, как, например, Вундт и Липпс, собственно говоря — не психологи, потому что они работают только с предвзятыми понятиями, и с самого начала было видно, что у них ничего не получится. Из психологии же Франца Brentano, напротив, могло что-то выйти, но она остановилась на полпути. Такова судьба всякой отмирающей науки. В естествознании это не так скоро откроется. Там можно работать с пустыми понятиями, так как там собирают факты и можно заставить их говорить. Но это менее достижимо в психологии: там сразу утрачивают научность, если хотят работать с обыкновенными пустыми понятиями. Сердечная мышца сразу не теряется, даже если ее будут рассматривать как минеральный продукт, не зная ее истинной сущности. Но таким образом нельзя анализировать душу.

Так науки умирают одна за другой. И постепенно люди придут к тому, что хотя на практике они смогут применять законы природы, но это не будет иметь никакого отношения к «науке». Изготовление машин и орудий производства, телефонов и т. п. — это нечто совсем другое, чем истинное понимание и дальнейшее развитие наук. Можно конструировать электрические аппараты, не имея никакого понятия об электричестве. Но настоящая наука умирает все с большей неотвратимостью. И должна быть оживлена духовной наукой. Именно наш пятый культурный период несет в себе эту катящуюся по инерции вниз науку. И если шар не может катиться дальше, то он останавливается, как это было у Brentano. Наряду с этим должно все больше оживать стремление человечества подниматься вверх. И так оно и будет. Но это может совершиться только благодаря тому, что такие стремления будут оплодотворять внешне полученное знание, что и предлагает духовное, оккультное исследование.

Наш пятый, послееатлантический, период, как я уже упоминал, будет принимать такой характер, что в нем произойдет как бы повторение древнего египетско-халдейского периода. Я хотел бы обратить ваше внимание на следующее: в этом повторении мы еще ушли не далеко и находимся только в его начале. И что это так, вы могли бы заметить, вдумываясь в то, что говорилось о различных областях на генеральном собрании. Так, например, вы слышали доклад Зейлера об астрологии и смогли почувствовать, что все вы, как духовноведы, способны связать с астрологическими понятиями известные представления, между тем как это совершенно невозможно для понятий современной физической астрономии, для которой все, о чем говорит астрология, является бессмыслицей. Эта невозможность проистекает не от астрономической науки как таковой. Ведь астрономическая наука более всего имеет возможность вновь быть приведенной к духовности. Для нее это весьма возможно. Но настроение людей еще очень далеко от возвращения к духовному. Конечно, существует легкий метод, чтобы из того, что предлагает современная астрономия, вновь прийти к основным истинам ныне так презираемой астрологии. Но пройдет еще некоторое время, прежде чем будет перекинут мост между ними. А пока будут изобретаться всевозможные теории, например, о движениях планет, объясняющие эти движения чисто материалистически. Труднее обстоит дело с химией и тем, что связано с жизнью. Здесь перекинуть мост будет еще труднее.

Легче всего это сделать в области психологии. Для этого необходимо только принять то, что составляет конец моей «психософии», — то, что поток душевной жизни течет не только из прошлого в будущее, но и из будущего в прошлое, что мы имеем два потока во времени: эфирный — идущий в будущее, и то, что мы противопоставляем ему — астральный, стремящийся назад, из будущего в прошедшее. Едва ли найдется кто-нибудь на Земле, кто откроет нечто подобное, если он не будет обладать духовным импульсом. И только когда люди поймут, что из будущего нечто постоянно притекает к нам навстречу, они поднимутся к истинному пониманию душевной жизни. Иначе это совсем невозможно. Это понимание — единственное, что тогда будет нужно. Для этого надо будет, правда, освободиться от того образа мышления, когда вообще считаются только с прошлым, говоря о причине и следствии. Мы не должны считаться только с прошлым, таща его за собой, но мы должны говорить о будущем как о чем-то реальном, что идет нам навстречу.

Пройдут еще многие годы, пока люди освоят эти понятия. Но до тех пор не будет и психологии. Деятнадцатый век породил довольно милое понятие «психологии без души». И этим понятием гордятся, желая сказать им следующее: «Следует просто изучать человеческие душевные проявления, но не следует говорить о какой-то душе, якобы лежащей в их основе». Учение о душе — без души! Методологически это еще возможно; но что при этом получилось, — можно выразить в грубом сравнении, — это трапеза без съедобных продуктов. И это — психология! Но люди, получившие вместо еды пустые тарелки, мало довольны этим. Зато наука XIX века вполне довольна, когда ей подадут психологию, не говоря в ней о душе. Это началось уже сравнительно давно. И в это должна будет излиться духовная жизнь.

Итак, мы должны отметить у нас начало совершенно новой жизни. Старое как бы иссякло, и должно развиваться новое. Мы должны почувствовать, что нам была дана древняя мудрость старого атлантического периода, что она постепенно иссякла и мы поставлены перед задачей уже в нашей теперешней инкарнации начать собирать новую мудрость для будущего человечества. И это — возможно, для этого с нами — импульс Христа. Он будет все больше развивать живую деятельность. Из импульса Христа будут, может быть, тогда работать больше всего, когда все традиции и все, что связано с ними исторически, — умрут, и люди придут к истинному, настоящему, историческому Христу. Мы можем видеть, что послеатлантическую эпоху с ее развитием действительно можно сравнить с отдельной человеческой жизнью: это некий образ макрокосма, стоящий против микрокосма — человека. Но отдельный человек находится в очень своеобразном положении: что же остается ему для второй половины жизни? Только перерабатывать то, что он приобрел сам в первую половину ее? И когда все это поглощено, тогда следует смерть. Победить смерть может только тот дух, который в новой инкарнации будет развивать то, что постепенно начинает умирать, когда мы завершаем первую половину жизни. Наше развитие идет вперед до 35 лет; затем начинается развитие, ведущее нас вниз, но дух только тогда начинает свое восхождение. И то, что он не в состоянии развить в теле во вторую половину жизни, расцветет полностью в следующей инкарнации. Итак, мы видим, как тело постепенно умирает, а дух постепенно возрождается и расцветает.

Макрокосм человечества являет нам совершенно ту же картину: до четвертого послеатлантического культурного периода мы имеем юношески стремящееся вверх развитие культуры, а затем — умирание ее. В отношении развития человеческого сознания всюду господствует смерть; но в то же время происходит вступление новой, духовной жизни, которая вновь инкарнируется в качестве духовной жизни человечества в эпоху, следующую за нашим культурным периодом. Человек должен вполне сознательно работать над тем, что должно вновь инкарнироваться. Прочее же должно поистине умереть. И мы пророчески смотрим в будущее: возникнут и возникают многие науки, — и конечно, это благо для послеатлантической культурной эпохи; но они подлежат умиранию. И жизнь, вливающаяся в человеческую жизнь непосредственно под влиянием импульса Христа, расцветет в будущем так, как расцвело послеатлантическое знание в святых Риши.

Относительно коперниканства сегодня во внешней науке известна только та его часть, которая подлежит умиранию. Та же часть, которая должна продолжать свою жизнь, и то, что из коперниканства должно стать плодотворным, — не то, что действовало уже в течение четырех столетий, но то, что должно жить в будущем, — это человечество еще должно будет завоевать. Истинное учение Коперника не таково, каким его считают теперь. И только духовное исследование покажет это. Так обстоит дело с тем, что современное человечество считает наиболее истинным в астрономии. Так будет и со всем остальным, что теперь признается наукой. Конечно, современная наука может быть полезна, в ней есть польза. И поскольку сегодняшняя наука становится техникой — она оправдана; но там, где она хочет дать что-то человеческому познанию, — она мертвый продукт. Она полезна для человечества в отношении простого ремесла. Для этого она хороша, и здесь ей не нужно духовного содержания. Но поскольку она претендует на раскрытие тайн Вселенной, она принадлежит к отмирающей культуре. И чтобы обогатить знание о тайнах Вселенной, она должна вложить во все, что дается сегодня внешней наукой, то, что идет из духовной науки. Таково введение к рассмотрению Евангелия от Марка, к которому мы теперь приступаем. Но предварительно мне нужно было указать на необходимость величайшего духовного воздействия в ту эпоху, когда у человечества осталась только одна последняя, тоненькая ниточка, связывающая его с духовным миром, — это система идей и понятий.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 6 декабря 1910 г.

Из моей книги «Христианство как мистический факт», вы все могли понять, что Евангелия должны быть восприняты особым образом. Продолжая этой зимой рассмотрение Евангелий, я ведь не стану опять все начинать с начала для более молодых членов собрания, для которых, конечно, многое в последующих разъяснениях будет трудным для понимания. Я неоднократно говорил генеральному собранию, что молодым членам Общества необходимо посещать курсы, открытые для повторения пройденного, — иначе мы не сможем идти вперед. Но я хотел бы еще особенно отметить: по-видимому, нельзя добиться того, чтобы молодые члены Общества действительно энергично работали над повторением начальных стадий теософической жизни. И поэтому ситуация будет все снова повторяться, — я говорю сейчас об этом гипотетически: молодые члены Общества будут находить многое, относящееся к высшим областям духовной науки и требующее известных предпосылок, — непонятным и составят себе странное представление о духовной науке. Но это будет зависеть от членов Общества, а не от сказанного здесь.

В моей книге «Христианство как мистический факт» показано, что мы должны принимать Евангелия как книги посвящения, то есть эти Евангелия, в сущности — не что иное, как некое описание древних ритуалов посвящения. Что же заключалось в таких древних правилах посвящения или инициации? В них содержалось в основном описание того, как руководить кандидатом для постепенного обучения его на пути в высшие миры, как он получал известные внутренние переживания, как он пробуждал силы, дремлющие в его душе; как высшая ступень присоединялась к низшей ступени — вплоть до той ступени инициации, на

которой душа посвященного пронизывается духовным миром и к нему приближаются тайны духовного мира. И тогда он может видеть в этом духовном мире различных существ отдельных иерархий, которых мы упоминали здесь в течение лекций и охарактеризовали в различных отношениях. Следовательно, содержанием таких книг посвящения было то, что должен был делать и как должен вести себя посвящаемый.

Если мы проследим теперь дохристианские времена, то мы обнаружим, что множество людей посвящалось в различных местах, где совершались мистерии, — не всегда именно так, но, в сущности, подобным же образом. Их вели по ступеням до того момента, когда они могли проникнуть в духовный мир и воспринять существ отдельных иерархий. Так было в дохристианские времена. Что же означало для этих посвященных в древние мистерии христианство? Чем являлся для них импульс Христа? Он означал для них то, что Существо, известное для восприятия на физическом плане как Иисус из Назарета, открывало тайны духовного мира не обычным путем древних мистерий, не так, как это было принято в дохристианские времена, но иным образом. Личность, посвященная с помощью древних ритуалов, после того как великое событие, которое я только что охарактеризовал, прошло перед ее душой, могла выступить перед другими людьми и говорить о тайнах духовных миров. Но в событии Христа пришло нечто такое, благодаря чему Иисус из Назарета мог говорить о тайнах духовных царств, не будучи к ним приведен старыми, привычными путями. Ибо Иисус из Назарета был приведен к этому тем, то Он принял в Себя во время крещения на Иордане, — Духом Христа.

С того момента, когда Иисус из Назарета во время крещения в Иордане, — следовательно, во время исторического события, — был посвящен, так сказать, всемирно-историческим путем, Дух Христа, — но еще более высоким образом, — говорил о тайнах духовного царства окружающему миру. Следовательно, с Христом на физическом плане появилось открыто для всего мира то, что раньше было достижимо только в глубинах мистерий и достижимо только до известной степени. Если представить это образно, то можно сказать: мы смотрим в старые храмы мистерий и видим, как иерофанты совершали посвящения и посвящаемые могли взирать в духовные миры, а затем учить о них. Все это происходило всегда в глубокой тайне в храмах мистерий. Но во внешнем мире, вне мистерий, такой возможности проникновения в высшие миры и сообщения о них не существовало. Теперь же то, что так часто совершалось в глубинах мистерий, было вынесено в Палестину и обнаружилось как мировое историческое событие во всемирно-историческом посвящении Иисуса из Назарета — в Мистерии Голгофы. Следовательно, это была мистерия, как бы вынесенная в мировую историю, явленная как исторический факт перед всем миром, — вот как должны мы воспринимать связь мистерии Голгофы с мистериями древних святых храмов.

Но предписания для посвящения, хотя, в сущности, они содержали всюду одни и те же ступени, все же отличались между собой у народов в различных местах Земли тем или иным образом, сообразно человеческим индивидуальностям во времени и пространстве. Перенесемся вместе со всем, о чем мы только что сказали, в душу одной из тех личностей, которые принимали участие под именем евангелистов в написании наших Евангелий. Такие лица, благодаря собственному оккультному обучению, знали предписания для посвящения у того или иного народа, в тех или иных мистериях. Они знали, что надо было пройти, чтобы подняться к возможности сообщать о тайнах духовных царств и духовных иерархий. И теперь они восприняли, благодаря событию в Палестине и Мистерии Голгофы, что то, что мог созерцать только посвященный в храме мистерий, — совершилось на великом плане мировой истории для всех людей и в будущем должно все больше и больше внедряться в их сердца и души.

Евангелисты не были биографами в нашем смысле слова, когда в биографии людей вносят то, что вовсе не касается мира и что совершенно не обязательно знать о данном деятеле. Они не были биографами, фиксирующими детали, — но они описывали жизнь Христа Иисуса так, что могли сказать: «С Иисусом из Назарета, в котором был Христос, свершилось нечто такое, что мы неоднократно видели в мистериях, — но там это не было историческим событием, длившимся несколько лет. Здесь же оно стало историческим событием, но является повторением ритуалов в храме. Следовательно, мы могли описывать жизнь Иисуса, указывая те ступени, которые обычно проходились при посвящении.

Поэтому Евангелия являются, так сказать, предписаниями для посвящения, перенесенными в мировую историю. Мы вновь находим эти предписания посвящения древних мистерий в Евангелиях, но при этом известным образом указывается причина, почему то, что раньше происходило в глубинах храмов, вынесено на великую арену мировой истории. Это известным образом мотивируется. Можно сказать, что евангелист, который начинает с обоснования того, почему он собственно пишет о событии мировой истории, в котором заключается предписание о посвящении в большом масштабе, — это тот, кто написал Евангелие от Марка. С самого начала он говорит о том, как развивалось человечество, чтобы могло наступить это великое событие, когда посвящение выносится из глубин храмов на арену мировой истории. Он сразу же обращает внимание на то, что здесь есть связь с необычайно важным событием для всего человеческого развития, которое предсказывали еврейские пророки. — То, что совершилось в Палестине как Мистерия Голгофы, истинные посвященные, — а к ним известным образом относятся и еврейские пророки, — предвидели и предсказывали.

Если мы углубимся в душу такого человека, как пророк Исайя, о котором говорится в самом начале Евангелия от Марка, то в его словах мы увидим приблизительно следующее. Он говорит: «Придет время, когда в душах человеческих все будет выглядеть совсем иначе, чем сейчас; но это время уже

подготавливается». Так думал Исайя в свое время. Что же хотел он сказать? Вы знаете, что Евангелие от Марка сразу же начинается мощными словами этого пророка. Вы знаете эти слова, как они обычно употребляются и как они приводятся в Евангелии от Марка. Я беру обычный перевод этих слов из перевода Карла Вейцекера: «Вот я посылаю вестника Моего перед лицом Твоим, который приготовит путь Твой перед Тобою. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему».

Вот эти слова в одном из лучших немецких переводов Евангелия.

Эти слова пророка Исайи указывают на великое событие в мировой истории, происшедшее в Палестине — на Мистерию Голгофы. Вы знаете, сколько труда нам стоило при рассмотрении других Евангелий перевести на наш немецкий язык важные места хотя бы отчасти понятным образом. Ведь дело здесь не в том, чтобы дать условный перевод, но передать обороты речи так, чтобы все глубокое значение и смысл, скрытые в них, могли звучать навстречу нам в немецких словах так же, как они звучали тем, кто знал все своеобразие тогдашнего языка, — и звучать для нас не только ради теоретического восприятия, но и для всех наших чувств. Тогдашний способ выражения был ведь совсем иным, чем теперешний. Прежде всего нужно обратить внимание на то, что тогдашний способ выражения не был таким абстрактным, трезвым и филистерским, как наши теперешние навыки речи: способ выражения в те времена был таким, что всегда, наряду с непосредственным смыслом слов, люди воспринимали более глубокий смысл и богатое значение, усваивая тем самым содержание в его полноте. Очень существенно, чтобы мы поняли, что тогда люди извлекали из слов целый мир, — гораздо больший, чем теперь слышат в том, что говорится. Особенностью древнееврейского языка является именно это необычайное богатство его, способность скрывать за словами целые миры, — с помощью образа, взятого из чувственного мира. Такие выражения, как «приготовьте пути» или «сделайте прямыми стези», — это суть образы, взятые из чувственного мира, — как бы приготовление пути лопатами и заступами. И когда нечто подобное говорилось (это было особенностью возвышенного по сравнению с другими языками), то за выражениями, применявшимися к чему-то внешнему, скрывались духовные миры, — причем их нельзя было толковать любым образом, как поступают, например, наши современные ученые с поэтами, вычитывая из них всевозможные вещи. Там же нельзя было делать это произвольно, вкладывая в слова любой таинственный смысл. Частично это основывалось на том, что в древнееврейском языке имела возможность передавать в звуке мировые тайны, специфическим образом употребляя гласные звуки, не выражающиеся письменно. Тогда существовало чувственное восприятие таких мировых тайн.

В греческом (именно на этом языке мы имеем первый текст Евангелий) эти особенности еще сохранились, но не в такой сильной степени. И все же было возможно и без оккультизма дать с греческого гораздо лучшие переводы, чем те, которые были сделаны людьми, переводившими Евангелия, так как, по существу, один переводчик просто переписывал у другого, даже не пытаясь проверить филологически, как обстоит тут дело, если иметь перед собой греческий текст. Я покажу Вам позже на отдельных примерах, как здесь делались ошибки и т. д. Сегодня же я не хочу этим задерживать наши рассуждения, но хочу попробовать — не филологически, но с помощью того, что можно знать из духовного исследования, — показать Вам кое-что существенное в начале Евангелия Марка. Я хотел бы привести то важное место в пророчестве Исайи, где он говорит о том, что придет с Палестинским событием, чтобы вы почувствовали, что под этим подразумевается.

*Ἴδοὺ ἐγὼ ἀποστέλλω τὸν ἄγγελόν μου πρὸ προσώπου σου, ὃς
κατασκευάσει τὴν ὁδὸν σου ἔμπροσθέν σου·
φωνὴ βοῶντος ἐν τῇ ἐρήμῳ· ἑτοιμάσατε τὴν ὁδὸν κυρίου, εὐθειᾶς
ποιεῖτε τὰς τρίβους αὐτοῦ.
(Idū egō apostellō ton angelon mū pro prosōpū sū, hos
kataskeuasei tēn hodon sū emprosthen sū,
fōnē boōntos en tē erēmō: hetoimasate tēn hodon kyriū, eutheiās
poieite tās tribūs autū.)*

Прежде всего важно, чтобы мы уяснили себе, что слово «Angelos», — «вестник» или «Ангел», — в те древние времена употреблялось только в том смысле, как мы его употребляем при разговоре об иерархиях, — то есть как обозначение таких существ, которые при перечислении иерархий сверху вниз непосредственно предшествуют человеку. Нужно почувствовать, что под словом *φπн Βγγελλν* подразумевается именно сущность этой иерархической ступени. Если же это не чувствуется, то и все место не может быть верно понято. Поэтому только духовная наука может стать основой для понимания таких вещей. Но если это понимается правильно, то мы можем создать основу того, что оккультизм говорит о событии Христа. Ибо какова сущность импульса Христа? Мы выразили это так: благодаря импульсу Христа в душу человека пришло полное сознание того, что в ней должно утвердиться «я», самосознающее «я», и что постепенно из этого «я» в течение следующего земного развития должны придти все те тайны, которые раньше приходили из астрального тела с помощью определенного естественного ясновидения.

Времени, в котором мы живем, предшествовало другое время, когда люди, и в послеатлантической культуре, обладали в некоторой степени природным ясновидением, благодаря которому они могли видеть в

духовном мире. И тогда, в известных ненормальных состояниях души, тайны духовного мира нисходили вниз; тогда люди взирали вверх к иерархиям. Конечно, больше всего и дольше всего они могли взирать к той иерархии, которая была ближе всего к человеку — иерархии Ангелов. Они видели Ангелов как существ, непосредственно стоящих над человеком. В эти времена древнего ясновидения человек еще не воспринимал того, что он имеет в самом себе нечто такое, что может его вести в духовный мир. Он должен был считать это милостью, оказываемой ему внешними силами, как нечто посылаемое в его душу духовными силами. И поэтому пророки могли указывать на будущее следующим образом: «Придет время, когда человек почувствует в себе свое «я»; и он будет знать, что это есть самосознающее «я», из которого должны произрастать тайны духовных миров. Все пройдет во времени. И придет время, когда человек сможет сказать: «Если мое «я» живет во мне, то я могу проникнуть силою этого «я» вверх, в тайны духовного мира».

Но это должно было быть подготовлено. Следовательно, должна была быть подготовлена, так сказать, низшая ступень иерархий — человек, — причем человеку посылается то, чего еще не было в нем, чтобы он мог подготовиться к тому, чем он должен стать. Вестник, Ангел, должен был принести человеку весть, что он должен стать «я» — в полном смысле слова. И в то время как прежние ангелы имели задачу показывать человеку духовный мир, теперь особый Ангел должен был получить особую задачу, пойти дальше в сообщении откровений людям и сказать им, что они должны проникнуть в свое «я», тогда как прежние Ангелы приносили откровения, предназначенные не для «я».

Исайя обращает внимание на это: «Придет время для восприятия тайны «я», и из сонма Ангелов будет отделен один, который покажет вам, что эта тайна «я» придет». Только так мы поймем, что значит: «Ангел, вестник будет послан вперед». Перед кем же посылается этот вестник? Он посылается перед тем человеком, который должен прийти к своему самосознающему «я», и он должен прийти как сущность из иерархии Ангелов, которая до сих пор еще не обращалась к человеку как к самосознающему «я». Следовательно, этот вестник, о котором говорит пророк Исайя, должен прийти и возвестить человечеству, что оно должно подготовиться и создать в своем внутреннем, в своей душе место для «я», для полноправного «я». Здесь подразумевается, в сущности, великий переворот в развитии человеческой души, так как люди, которые прежде знали, что они должны выходить из самих себя, чтобы подняться в духовный мир, — теперь смогут оставаться в своем «я» и из этого самого «я» выносить тайны духовного мира.

Давайте сравним такую древнюю душу с душой в эпоху приближения импульса Христа. Представим себе человека дохристианского времени, особенно глубокой древности. Когда он хотел подняться в духовные миры, то не мог сделать этого, сохраняя самосознание, поскольку оно уже было у него тогда развито. Он должен был, так сказать, отказаться от него, чтобы подняться в мир иерархий, в мир чистой духовности. Его сознание понижалось. Это было древним чувством прежнего, дохристианского времени.

В каком положении оказался теперь человек, который уже не жил в том времени, когда было правильным проникать в духовные миры, отказываясь от самосознания, который жил уже во времени, когда он мог развивать свое «я»? «Я» существовало уже и в атлантическое время; но чтобы из него могли изливаться с полной достоверностью величайшие тайны, — это могло придти только с импульсом Христа. Именно поэтому человек древнего посвящения мог сказать: «Если я хочу придти в духовный мир и получить из него откровения, то я должен подавить в себе некоторые стороны моей души и сделать живыми другие ее стороны».

Что он должен был подавить? И что сделать особенно живым? — То, что должно было постепенно вырастать как его «я», — это он должен был подавить, сделать в своей душе темнее и глуше. Он совершенно не должен был считаться с ним; оно должно было стать в нем чем-то пустым, как бы ничем не заполненным. Наоборот, астральное тело, тело, сообщающее некое просветление, должно было как бы воспламениться. И тогда в него входили древние наблюдения и возникало ясновидение.

Как сказано, «я» уже присутствовало тогда в известной степени, но им нельзя было пользоваться для исследования тайн духовного мира. «Я» должно было быть подавлено, а астральное тело должно было воспламениться. Но существование импульса в астральном теле становилось все более и более невозможным. В древние времена к элементарным свойствам человека принадлежала возможность подавления «я» и возбуждения деятельности астрального тела — ради того, чтобы тайны духовного мира смогли проникнуть в него. Но именно в том и состояло дальнейшее развитие, что астральное тело все более становилось неспособным достигать того, что раньше люди достигали в древнем ясновидении. Человек говорил тогда: то, что уже существует во мне — мое «я» — оно еще не готово, чтобы из себя самого достичь чего-либо.

И самые лучшие из ясновидящих больше всего ощущали как бы некую пустоту в душе. Это и было «я», которому еще не дан был импульс. Наряду с этим они ощущали невозможность проникновения в духовный мир с помощью «я». — Отсюда вы можете понять настроение, в котором находился человек во времена приближения Христова импульса, желая проникнуть в духовный мир. Он должен был сказать себе: в моем астральном теле я не могу больше развивать то, что было возможно раньше; но иное «я» еще не может иметь силы, в моей душе заключена пустота и она не может подняться в духовный мир.

Тогда, во времена приближения Христова импульса, применялись определенные методы, определенная тренировка для того, чтобы ознакомиться с тем, что еще не могло быть наполнено духом. Кто желал подняться в высшие миры, должен был услышать: «Уясни себе: с твоим астральным телом ты не

можешь подняться туда; ты должен вступить в то место в твоём внутреннем, где ты, как человек, ощущаешь себя так, как будто ты не имеешь никакой связи с внешним миром».

Таково было настроение во времена приближающегося Христова импульса в том, кто искал посвящения. И каждый, ищущий посвящения, должен был уяснить себе: «В отношении моего астрального тела я должен отказаться от проникновения в духовный мир, так как время, когда это было возможно, уже прошло. «Я» же еще не подготовлено для этого. Но в том, что хочет подняться и проникнуть в духовный мир, что хочет принять импульс — о нем я могу только узнать, но не более того, — что существует нечто такое, что стремится к духовному импульсу со всей силой и мощью».

И этот опыт души каждого, кто в то время искал путь к духовному свету, называли «путем в одиночество души» или же «путем в одиночество». Что же должен был сделать вестник, подготавливавший к Событию Христа? Он должен был рассказать людям, желавшим что-то знать о приближавшемся импульсе, о том, что такое это «одиночество». Он должен был глубоко знать это одиночество и быть проповедником этого одиночества души.

Все больше вы будете познавать, именно с помощью Евангелия от Марка, что в известных случаях великие духовные сущности, через которых должны совершаться важные события человеческого развития, выбирают себе орудия среди физических существ, если они для этого подходят; и тогда совершается инкарнация этих духовных сущностей, они живут в душе, воплощенной в физическом теле. И тот «вестник», о котором говорил Исайя и который не является человеком в обычном смысле этого слова, он воплотился в душе вновь инкарнированного пророка Илии, жил в нем и был «вестником», обращавшим внимание людей на приближающийся импульс Христа. Из души Иоанна Крестителя говорил тогда «вестник», на которого указывал Исайя.

Где же, следовательно, звучит голос «вестника»? Он звучит в том, что я вам сейчас охарактеризовал как «одиночество души». И мы читаем в Евангелии от Марка: «Внимайте голосу из одиночества души». Мы не можем переводить эти слова *ἐν τῇ ἐρημῳ* (*en tē erēmō*) так, как будто в них подразумевается внешняя картина пустыни: ведь здесь налицо образ, через который мы должны воспринимать духовный мир. И слово *ἐν τῇ ἐρημῳ* (пустыня) здесь означает «в одиночестве».

Чтобы понять это изречение глубже, мы должны немного заняться тем значением, которое еще остается в виде следов в греческом языке и может быть установлено, если придерживаться древних традиций в значении того, что ощущалось при слове «Κυριος» или «Господин» и что здесь обычно переводится как «приготовьте путь Господину». Это слово не имело того абстрактного, филистерского значения в древней сокровищнице языка, в древнем способе выражения, какое имеет теперь. Во времена материализма люди стали филистерами, особенно в отношении языка, и не имеют больше в языке того, что можно назвать телом духовных сущностей, — когда в словах ощущался целый мир, как это было в древние времена. Сегодня мы можем лишь попытаться оживить нечто подобное вновь. Я пытался изобразить во «Вратах посвящения», как можно в словах ощущать миры.

Что чувствовали при слове «Господь», если его произносили в такой вышеуказанной связи? Чувствовали, что под этим подразумевается образ того, что происходит в самом человеке, что открывается человеку во внутренней жизни души; ощущали подымающееся из подоснов души и все больше стремящееся выйти на поверхность «я» — как появление «Господина» и «Властителя», дающего направление силам души, т. е. тому, о чем мы говорим теперь: человек обладает мыслью, чувствами и волею; эти различные силы души являются, так сказать, слугами души. Но «Господин души», — «Κυριος» — один: это «я». Это выражается в том, что мы не говорим теперь «что-то мыслит в нас»! В древние времена нельзя было сказать «я мыслю», но говорили — «что-то мыслит». И по отношению к чувству и воле говорили также «что-то чувствует» и «что-то во лит там внутри».

Но когда появлялся Господин душевных сил — «я», этот великий переворот в развитии человечества почувствовали так, что начали говорить: «Я мыслю, я чувствую, я волю». Таким образом, в прежние времена души жили известным образом в подсознательном состоянии, как бы в плену, погруженные в служащие силы. Теперь же приблизился Господин душевных сил — «я». И здесь вовсе не подразумевается сперва какая-либо личность или сущность, но мыслится лишь возникновение «я» как Господина душевного сосуда: «Господин грядет изнутри души!»

Это и возвещали в храмах, в которых происходила подготовка того, что должно было совершиться с человечеством. Это возвещалось со священным благоговением и страхом: до сих пор души обладали лишь такими служебными силами, как мысль, воля и чувство. Теперь же приближается Господин изнутри человеческой души, совершается нечто великое. Правда, оно развивается лишь постепенно, вплоть до конца земного бытия, постепенно становясь все могущественнее. Но это происходит, а вначале Христос приносит импульс. Это — великий час в ходе мировых часов, и в нем живет Христос. Эти мировые часы стоят под знаком того, что восходит все могущественнее, как Господин душевных сил; и это восхождение достигнет цели тогда, когда Земля упадет вниз в космосе и человек поднимется на высшие ступени.

И только ощущая все это так, как в те древние времена, получаешь представление о том, что хотел сказать Исайя и что вновь повторил Иоанн Креститель. Надо было указать на великое событие в человеческой душе и на ее дальнейшее развитие. Но тогда мы должны также и слово

εὐθείας (eutheias) переводить не «прямыми», как это обыкновенно абстрактно переводится, но и «открытыми», т. е. чтобы можно было идти этими путями. Следовательно, «Господин» грядет по направлению к человеческой душе. Но человек должен что-то сделать, чтобы Он смог овладеть его душой. Путь должен быть освобожден и открыт. Короче говоря, мы должны это место переводить так, чтобы можно было что-то сделать, исходя из него, если мы хотим немного придерживаться традиции.

«Заметь» («зри» — это уже неправильно): я посылаю перед «я» в тебе — Ангела моего; он должен приготовить направление.

«Слушайте зов» («душа» там не стоит, иначе это знал бы каждый) в душевном одиночестве, — тот зов, который жаждет пришествия Господина души: «Приготовьте направление — путь властителю души; работайте, чтобы «путь» (или «стеzi») был открыт для него».

В такой последовательности слов вы имеете приблизительно то, что дает возможность почувствовать содержание слов Исайи. Эти слова и то, что лежит в их сочетании, принял вновь Ангел в душе Иоанна Крестителя. Почему же он смог сделать это? Здесь мы должны немного проникнуть в способ посвящения самого Иоанна Крестителя, в то, как инициация действовала в его душе.

Из прежних представлений вы знаете, что человек может получить посвящение, проникая в глубину собственной души; или же он может быть разбужен для выхода его души, для освобождения ее от тела и для излияния душевных сил в макрокосм. Этим двух путей различные народы придерживались по-разному. Если человек хотел излить свою душу в макрокосм, то он должен был пройти двенадцать ступеней, которые как бы отмечались двенадцатью знаками Зодиака, и его душа изливалась в макрокосм в определенных направлениях. В общем было сделано уже необычайно много для достижения определенной цели во всемирно-историческом развитии, когда какая-либо душа развивалась уже настолько, чтобы принять в себя те силы макрокосма, которые имели свой исток в мировых тайнах одного-единственного созвездия. Вообще у древних посвященных было так, что один получал, например, посвящение в тайны макрокосма таким образом, что его душа изливалась в макрокосмическое, двигаясь в направлении «Козерога», у другого это происходило в направлении «Рака», «Весов», «Девы» и т. д. Я неоднократно указывал, что существуют двенадцать различных возможностей излиться в макрокосмическое, и они обозначены символически двенадцатью знаками Зодиака. Если кто-нибудь должен был достигнуть наивысшей инициации — инициации Солнца, — или же частичной инициации, то его душевный взгляд, его душевный свет направлялся на тайны, связанные с определенным созвездием. Но для этого его взор должен был обрести независимость от восприятия материального; поэтому заботились о том, чтобы либо в ритуалах мистерий, либо с помощью «благодати сверху» (как в случае Иоанна Крестителя) взор данного человека направлялся к одному из созвездий, но так, чтобы между ним и данным созвездием лежала Земля. То есть ночью его взгляд должен был направляться сквозь Землю — к созвездию. Если смотреть на созвездие физическими глазами, то и видят физическое созвездие. Но если умеют смотреть через материальное Земли, — причем физическое созвездие закрыто материальным Земли, — то видят не физическое, а духовное, то есть те тайны, которые выражает собой созвездие.

Иоанна Крестителя обучали, чтобы его взор ночью мог сквозь материальное Земли направляться к созвездию Водолея; следовательно, он получил такое посвящение, когда Ангел овладевает душой, — которое называют «посвящением Водолея». И Иоанн Креститель со всем тем, что он сам знал и чувствовал, смог отдать все свои способности в распоряжение Ангела, чтобы через него было высказано все, чем являлось посвящение Водолея, а также то указание, что грядет в душе господство «я» — власть «Господина». Это давалось посвящением Водолея.

Но одновременно Иоанн Креститель указывал и на то, что это посвящение Водолея является как бы переходным к другой инициации, долженствующей заменить его с целью полностью понять приближающееся господство «я». Поэтому он говорил своим интимным ученикам: «Я тот, кто в состоянии отдать в распоряжение своему Ангелу все силы, которые идут из посвящения Водолея. Но после меня должен придти Другой, который сможет иные силы отдать в распоряжение своего Ангела».

Если вы возьмете ход Солнца днем в направлении от созвездия Овна — через Тельца, Близнецов и т. д. до созвездия Девы, то вы должны принять тогда ночью направление от Весов к Водолею и до созвездия Рыб, то есть направление к духовному Солнцу. Иоанн получил посвящение Водолея, и он указывал на то, что Тот, Кто придет, будет иметь посвящение Рыб, то есть то посвящение, которое следует за посвящением Иоанна и считается более высоким. И поэтому Иоанн Креститель говорил своим интимным ученикам: «Благодаря моему посвящению Водолея я могу предоставить моему Ангелу только те силы, с помощью которых он может возвестить, что Господин придет; но придет Тот, Кто имеет силы, символизируемые посвящением созвездия Рыб. И Он примет в Себя Христа!»

Этим Иоанн Креститель указывал на Иисуса из Назарета. И поэтому древние традиции придали Христу-Иисусу символ Рыб. Ведь все, совершающееся вовне, является символом внутренних событий, и поэтому помощники инициированного под знаком Рыб именуются рыбаками. Это все внешние исторические события, но одновременно в смысле выражения духовных тайн — это глубокие символические действия.

Иоанн говорил: «Для человечества придет более высокое посвящение!» Он же мог давать только то посвящение, которое исходит от Водолея. И Иоанн называл себя «Водным человеком». Это совершенно

ясно. И теперь мы все больше будем видеть, как с образами, употребляемыми для человеческих тайн, связаны астрономические, космические тайны. «Я крестил вас водой», — говорил Иоанн. Крещение водой было во всяком случае тем, что находилось во власти посвященного, получившего с неба посвящение Водолея. И в то же время духовное Солнце идет в направлении, противоположном к физическому Солнцу, которое движется от созвездия Девы к Весам, — духовное Солнце идет своим путем в таком же смысле, как происходит движение от Иоанна Крестителя к Иисусу из Назарета — от Водолея к Рыбам. Причем в мире шествует некто, обладающий посвящением Рыб, — тот, кто в состоянии принять те духовные силы и духовные импульсы, орудием которых является посвящение Рыб, и тогда становится возможным не только крестить так, как крестил Иоанн, но — крестить в более высоком смысле; это крещение обозначается Иоанном как «крещение Духом Святым».

В моей сегодняшней лекции я привел вам в известном отношении нечто двоякое по смыслу. С одной стороны, в этом важном месте Евангелия от Марка подразумеваются исторические события в развитии человечества, хотя при этом и говорится о высшей силе того, что является не человеком, но Ангелом, который и говорит в теле Иоанна Крестителя; с другой стороны, я показал, что в данных представлениях подразумеваются события на небе, — а именно, продвижение духовного Солнца от созвездия Водолея до созвездия Рыб. Евангелие от Марка действительно содержит в каждой строчке нечто такое, что можно прочесть, только имея в виду одновременно человеческий и космический, астрономический смысл, причем если мы уясним себе, что в человеке живет то, что можно найти в его истинном значении только на небе.

Но для этого нужно точнее понимать связь макрокосмических тайн с тайнами человеческой природы. Я могу сегодня только указать на то, что скрыто за этим. И вообще мне хотелось бы в этом направлении представить только предчувствия. Мы должны погрузиться в такие глубины Евангелия от Марка, о которых вам придется очень долго размышлять, если Вы захотите поднять их до чего-то большего, чем только предчувствие. Как нужно читать Евангелие от Марка, я хотел бы показать Вам на следующем примере.

Вы знаете, что такое радуга. Она стоит на небе, — скажем, для ребенка, — как некая реальность. Ребенок будет сперва думать, если ему не объяснить этого, что он может взять ее руками; позже человек поймет, что, по существу, эта радуга совсем не зависит от себя самой, но она возникает как известная конstellация дождя с солнечным светом, и когда дождь и солнечный свет оказываются в других отношениях между собой, то она исчезает. Следовательно, она — не реальность, а лишь иллюзия. По отношению к радуге действительностью являются дождь и солнечный свет.

Когда человек немного продвинулся на пути оккультного развития, то перед ним выступает нечто такое, что он может сравнить с радугой, и тогда он говорит: «Собственно говоря, это — не действительность, а только иллюзия, возникшая благодаря внешним вещам.» Знаете ли вы, что такое эта иллюзия? Это сам человек. Человек — это только иллюзия. И если его воспринимают чувствами как реальность, то тем самым отдаются иллюзии, отдаются Майе — «великому небытию». Ибо слово «Майя» составлено из частей «mahat aya» — великое, «ya» — бытие, «a» — не (отрицание). Следовательно, «aya» — это небытие; «mahat aya» означает «Великое небытие».

На пути оккультного развития человек приходит к сравнению себя с радугой. Человек это только иллюзия. И иллюзия — все, что выступает перед физическими чувствами. И Солнце, как физическое мировое тело, — иллюзия. То, что физическая наука описывает как газовый шар в мировом пространстве, годится для практических целей; но тот, кто принимает это за действительность, отдается Майе — иллюзии, Великому небытию. Истинно же то, что Солнце является местом собрания духовных иерархий, чьи поступки, деяния выражаются в тепле и свете, которые притекают к нам с Солнца. То, что мы воспринимаем физически как тепло и свет, — это иллюзия. Но ведь все есть иллюзия. Человек думает, что он имеет в груди сердце. Но сердце — лишь иллюзия, и не более того. Это подобно тому, когда мы вечером, на улицах, в осеннем тумане видим как бы кольца вокруг фонарей; но эти кольца тоже — не действительность, но нечто вызванное определенными силами. Также и человеческое сердце — нечто вызванное определенными силами. Вы можете это представить себе следующим образом. Предположите, что этот круг представляет собой небесный свод; с одной стороны притекает один вид сил, с другой

— другой вид сил; эти силы пересекаются. Там, где человек думает, что существует сердце, — нет ничего, кроме сил, притекающих с неба и пересекающих друг друга. Представьте себе только эти силы, собирающиеся так же, как в радуге: результатом этого является человеческое сердце. Так же обстоит дело и с другими органами: они возникают благодаря пересечению соответствующих мировых сил.

Рисунок 1

Когда вы идете от одного места к другому и говорите: «Во мне существуют импульсы, действующие так, что я иду от одного места к другому», — то вы высказываете нечто такое, что принадлежит известным образом Майе. Почему? Потому что из макрокосма приходят силы, которые здесь пересекаются, вызывая тем самым иллюзию относительно направления и сил при ходьбе. То, что здесь внизу следует одно за другим, есть только пересечение космических сил. И если мы хотим знать истину, то мы должны спросить: «Что совершается в макрокосме? Что совершают космические силы, верхние и нижние?» То, что они вызывают в нас, выглядит так, как будто мы имеем сердце, печень и пр.; или же это выглядит так, что мы говорим: я иду сюда и туда. Если мы хотим описать действительность всего этого, то мы должны описывать соответствующие космические силы.

Если мы хотим описать то, что совершал Иоанн Креститель, когда он крестил людей, то мы должны описать то, что приказывал ему делать макрокосм, т.е. силы, которые символизированы силами Водолея. Великой Мировой Ложей однажды было принято решение, и они были посланы в силы Иоанна Крестителя. Так должны мы читать на мировом языке то, что совершилось однажды в определенном месте. Так читал автор Евангелия от Марка в небесных событиях то, что совершилось в Палестине. Он описывает астрономические события и говорит: «Воспринимайте мои сообщения так: если здесь на стене видна игра теней, то вы должны, если хотите узнать истинную причину этого, посмотреть на то, что собственно отражается в этой игре теней. Я описываю то, что совершилось на Иордане, но служило лишь орудием для чего-то другого; на самом деле я описываю то, что через астрономические силы из макрокосма воздействует на Землю».

Итак, автор Евангелия от Марка описывает космические силы. Всюду у него присутствуют небесные явления. И то, что он описывает, — это отражение, игра теней, которые отбрасывают явления макрокосма на маленькую земную область — Палестину. Это мы должны уяснить себе, если хотим хоть немного проникнуть в величие и значение провозвестия Евангелия от Марка. Но сначала мы должны были создать предчувствие того, что, собственно, в нем заключено. Мы должны были понять, что в начале Евангелия от Марка говорится следующее. Пророк Исайя предсказал, что придет Господин душевных сил человека и что вестник этого будет жить в Иоанне Крестителе, который подготовит людей к приближению Владыки душевных сил. Этот вестник должен был появиться в теле, принадлежащем человеческой душе, посвященной силами Водолея. И оттого он мог указать пути, на которых такая личность, как Иисус из Назарета, могла совершить то, к чему она была предназначена на Земле, — подготовиться к принятию посвящения Рыб и благодаря этому принять Христа.

То, что совершается на Земле, является отражением космических событий и относится к космическим событиям так, как радуга к дождю и солнечному свету; и мы должны изучать дождь и солнечный свет, если мы хотим объяснить радугу. И если мы хотим знать то, что было в сердцах Крестителя или Иисуса из Назарета, в котором обитал Христос, то мы должны изучать космические события. Ибо весь мир говорил в события, которое совершилось для-людей в Палестине и на Голгофе. И тот, кто читал Евангелие от Марка видя там лишь буквы, а не знаки великих мировых событий, тот стоит на точке зрения человека, говорящего «здесь — группа таких-то черточек, а там — группа других»: он не указывает на то, что означает слово «Господин», усматривая в этом слове группу черных черточек. В таком духе описывается Евангелие от Марка в наше время. При таком прочтении то, что рассказывает нам Евангелие от Марка, — это лишь только внешнее сочетание букв. А чтобы понять его смысл, нужно подняться к тому, на что указывают события в Палестине, нужно понять, что это только отражение, игра теней.

Попробуйте понять, что стоит за словами: «Земные события — это теньевые образы макрокосмических событий,» — и этим вы сделаете первый шаг к постепенному пониманию одного из величайших провозвестий мира — Евангелия от Марка.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 19 декабря 1910 г.

В последний раз здесь была сделана попытка дать некоторые указания о природе и характере Евангелия от Марка. И из этого вытекало, что при рассмотрении Евангелия от Марка, больше даже, чем в других Евангелиях, речь идет о великих законах человеческого развития, а также и о космическом развитии вообще. Надо сказать, что связь этого Евангелия с глубинами христианских мистерий дает возможность еще глубже проникнуть во многие тайны и законы космического и человеческого становления.

Вначале я думал в течение этой зимы дать значительные и интимные указания на вещи, о которых мы в рамках нашей духовной науки до сих пор не слышали, — или, лучше сказать, на вещи такого духовного порядка, к которому мы еще пока не прикасались. Но придется все же отступить от этого первоначального зимнего плана — по той простой причине, что берлинская ветвь за последние недели так сильно разрослась, что уже невозможно довести до понимания все то, что надо сказать. Если, например, для математики или какой-либо другой науки необходима предварительная подготовка при восхождении на определенную ступень, то тем более это необходимо в том случае, когда в духовнонаучном рассмотрении хотят подступить к еще большим высотам. Поэтому придется обдумать, как можно довести до широкого круга слушателей те части Евангелия от Марка, которые еще не могут обсуждаться в широком кругу.

Но прежде всего, если мы хотим понять такую вещь, как Евангелие от Марка, необходимо точно представить себе те важные факторы, через которые прошло развитие человечества. Всегда отмечалось в качестве абстрактной, общей истины, что во все времена имелись водители человечества, которые, в силу их причастности к мистериям, к духовным, сверхчувственным мирам, могли внедрять в развитие человечества импульсы, способствующие его преуспеванию и дальнейшему развитию.

Теперь имеются два главных способа, какими человек может придти к сверхчувственным, духовным мирам. Первый из них лучше всего изучать, указывая на образ великого вождя человечества — Заратустры, что и будет сделано в ближайшее время в открытой — экзотерической лекции. Во-вторых же, то, как такие вожди человечества могут вступать в отношения с духовными мирами, может встать перед нашим душевным оком, если мы вызовем в душе образ великого Будды во всем его своеобразии. Эти великие вожди человечества — Будда и Заратустра — очень отличаются друг от друга в отношении способа их действия. Мы должны уяснить себе, что в том погружении, — так называют его Будда и буддизм, — которое наступило под «деревом Бодхи», являющемся символическим выражением для известного мистического погружения, углубления Будды, — дан путь в глубину собственного существа, на который вступает человеческое «я». Этот путь, который выбрал таким необычайным образом Будда, является погружением человеческого «я» в глубины собственной человеческой сущности. Вы получите более точное представление об этом, если уясните себе, что мы проследили развитие человека на протяжении четырех стадий, из которых три уже закончены, а в четвертой находимся сейчас. Мы проследили развитие человечества через эпохи Сатурна, Солнца и Луны и находимся сейчас в периоде земного развития. Мы знаем, что эти три стадии развития человечества соответствуют образованиям физического, эфирного и астрального тел человека и что мы находимся теперь в периоде земного развития, которое означает образование человеческого «я», поскольку именно это «я» должно быть сформировано в качестве члена человеческого существа. Мы охарактеризовали этого человека с различнейших точек зрения в качестве заключенного в трех оболочках. При этом астральная оболочка соответствует лунному развитию, эфирная оболочка соответствует солнечному развитию и физическая оболочка соответствует сатурническому развитию. Мы можем схематически изобразить этого человека так:

Человек, находящийся сегодня в своем нормальном развитии и разивший сознание, собственно говоря, ничего не знает и не имеет сознания своего астрального тела, эфирного тела и физического тела. Вы, конечно, скажете, что человек имеет сознание своего физического тела. Но это не так, ибо то, что мы обычно рассматриваем как физическое тело человека, является лишь Майей — иллюзией. То, что выступает перед человеком и что он считает своим физическим телом, является по существу взаимодействием четырех членов человеческой сущности: физического тела, эфирного тела, астрального тела и «я»; а результатом этого взаимодействия является то, что можно видеть глазами и осязать руками, что человек видит как физическое тело. Если бы вы действительно хотели видеть физическое тело, то подобно тому, как из химического четырехчленного состава выделяют три вещества и оставляют одно, так и из человеческого существа вы должны были бы выделить «я», астральное тело и эфирное тело, — тогда у вас останется физическое тело. Но при теперешних условиях земного бытия это невозможно. Вы, может быть, подумаете: так ведь это же совершается каждый раз, когда человек умирает. Но это неправильно. То, что остается после смерти человека, не есть его физическое тело, — это его труп. Физическое тело не могло бы жить по тем законам, которые действуют теперь в нем после смерти. Это — не его изначальные законы, это законы, принадлежащие внешнему миру. Следовательно, если вы проследите ход этих мыслей, то скажете себе: то, что обыкновенно называют физическим телом человека, есть Майя — иллюзия, а то, что мы в духовной науке обозначаем как физическое тело, это та закономерность, тот организм законов, который создает физическое тело человека внутри нашего минерального мира так, как закон кристаллизации кварца или смарагда образует кварц или смарагд. Человеческая организация, действующая в минеральном физическом мире, собственно и есть физическое тело человека. И в духовной науке имеется в виду именно это, когда говорится о физическом теле человека. Все, что человек знает теперь о мире, есть не что иное, как результат его чувственного восприятия, то, что воспринимают его органы чувства. Но то, как воспринимают человеческие чувства, может быть воспринято только таким организмом, в котором живет «я». Современный поверхностный способ рассмотрения, конечно, предполагает, что, например, и животное воспринимает внешний мир так же, как это делает человек с помощью своих чувств. Но это совершенно неверный взгляд, и люди очень удивились бы, если бы их (это когда-нибудь должно будет произойти) приобщили к тому способу, каким лошадь, собака или какое-либо другое животное получают картину мира. «Окружение собаки» или «окружение лошади», нарисованное или изображенное в красках, оказалось бы совершенно отличным от человеческой картины мира. Ибо для того чтобы органы чувств воспринимали мир, как воспринимает его человек, нужно чтобы «я» излилось в мир и наполнило бы органы чувств — глаза, уши и др. Итак, только тот организм, в котором живет «я», имеет такую же картину мира, какую имеет человек; и внешний организм человека включен в нее и принадлежит только этой картине мира. Поэтому вы должны сказать: то, что люди привыкли называть «физическим телом» человека, является лишь результатом нашего чувственного рассмотрения, а не реальностью.

Рисунок 2

Когда мы говорим о физическом человеке, обо всем, что человек имеет вокруг себя как физический мир, то все это есть «я», которое с помощью органов чувств и разума, связанного с мозгом, рассматривает и воспринимает мир. И поэтому человек знает только то, на что распространяется его «я», то, что принадлежит к нему. Но как только его «я» каким-либо образом не может участвовать в картине мира, то она вообще перестает существовать как восприятие; тогда человек засыпает. Вокруг него нет больше картины мира; он теряет сознание. И куда бы вы ни взглянули, в каждой точке ваше «я» связано с тем, что вы воспринимаете, то есть оно изливается на все ваши восприятия, так что вы, собственно, знаете только содержание вашего «я». Нормальный человек знает теперь лишь содержание своего «я». А то, что является его настоящей природой и сущностью, во что он каждое утро спускается при пробуждении, — астральное тело, эфирное тело, физическое тело, — этого он не знает, будучи современным человеком; в тот момент, когда современный человек просыпается, он не видит своего астрального тела. Современный человек даже ужаснулся бы, если бы он мог воспринять свое астральное тело, то есть совокупность всех желаний, устремлений и страстей, которые накопились в течение повторных земных жизней. Человек не видит и своего эфирного тела, он не мог бы вынести этого зрелища. Когда он погружается в свою собственную природу, — в физическое тело, эфирное тело и астральное тело, — то он отвлекается восприятиями внешнего мира и видит тогда то, что добрые боги раскрыли для него в плоскости его восприятия, чтобы он не получил возможности — так как он этого не вынес бы — погрузиться в свою собственную внутреннюю сущность.

И поэтому мы вправе сказать об этом событии в духовной науке: в тот момент, когда человек утром просыпается, он вступает во врата собственного существа. Но у этих врат стоит страж: это Малый страж порога, который не допускает человека сознательно войти в его собственную сущность, отвлекая его во внешний мир. Каждое утро человек встречает этого Малого стража порога. И кто при пробуждении сознательно вступает в оболочки своей природы, тот учится познавать этого Малого стража порога. И, собственно говоря, для развития мистической жизни речь идет только о том, что этот Страж порога или оказывает нам, как людям, благодеяние, оглушая нас в отношении к нашему собственному внутреннему существу и не позволяя нам спуститься в него, направив наше «я» на наше окружение, — или же, пропуская нас через врата, позволяет нам вступить в нашу собственную сущность.

Итак, мистической жизнью является вступление через вышеупомянутые врата мимо Малого стража порога в настоящую человеческую сущность. И то, что для великого Будды символически обозначается как сидение под деревом Бодхи, есть не что иное, как погружение в собственную внутреннюю сущность через врата, которые обычно закрывают ее от нас. То, что Будда должен был переживать, чтобы спуститься в эту внутреннюю сущность, — это заключено внутри буддизма. Это не только легенды, но воплощение глубоких, внутренне пережитых истин и душевных реальностей.

То, что Будда пережил при погружении в свою собственную сущность, это описано в буддизме как так называемое искушение Будды. Будда описывает это как историю искушения, когда существа, наиболее любимые им, приближались к нему в тот момент, когда он хотел мистическим путем погрузиться в свою внутреннюю сущность. Он описывает, как они приближались к нему и предлагали сделать то или иное, — например, предпринять ложные упражнения, чтобы неправильным путем вступить в свою внутреннюю сущность. Нам говорится даже об образе матери Будды, — он видит ее духовным взором, — и она предлагает ему вступить на путь ложного аскетизма. Это, конечно, не настоящая мать Будды. Но именно в этом и состоит искушение, что перед его еще только развивающимся духовным зрением выступает не его настоящая мать, но маска, Майя, иллюзия.

Но он устоял перед этим. Затем перед ним выступают демонические образы, которые он описывает как жадность по отношению к чувству голода и жажды или же как страсти — как пробуждение гордости, высокомерия, честолюбия и скупости. И все они подступают к нему, но как? Они выступают постольку, поскольку они еще существуют в оболочках его собственной природы, в его астральной сущности, и поскольку он победил их в свои сильные минуты, во время сидения под деревом Бодхи. Чудесным образом изображается нам в этом искушении Будды, как выявляются все силы и власти нашего астрального тела, которые существуют только потому, что мы становились все хуже и хуже из-за нисходящего развития че-

ловчества в течение друг за другом идущих инкарнаций. Несмотря на то, что он поднялся уже так высоко, он может еще их видеть и должен в своем восхождении победить то последнее для его астрального тела искушение, которое еще существует и является в виде искушающих демонов.

Что же найдет человеческая личность, когда она спустится через область астрального тела, — через область искушения, в физическое и эфирное тела, т. е. если она теперь действительно узнает оба эти члена человеческого существа?

Если мы хотим узнать это, мы должны обратить внимание на то, что может пережить человек в этом погружении в собственную сущность. Мы должны обратить внимание на то, что человек в течение своих воплощений во время развития Земли мог очень сильно испортить свое астральное тело, но в гораздо меньшей степени мог он это сделать в отношении эфирного и физического тел. Астральное тело мы портим тем, что можно назвать разного рода «эгоизмом» человеческой природы: завистью, ненавистью, себялюбием в самом общем смысле, высокомерием, гордостью и т. д. Люди портят всем этим астральное тело, портят его также всеми низменными побуждениями. Эфирное тело портят, собственно говоря, благодаря лжи и бессознательно благодаря заблуждениям, — другими возможностями для этого современный нормальный человек не обладает. Но и тогда может быть испорчена только часть эфирного тела. Другая часть эфирного тела настолько крепка, что человек, — даже если он и будет очень стараться испортить его, — не сможет этого сделать, так как эфирное тело окажет ему противодействие. Человек не может своими личными силами так глубоко проникнуть в собственную природу, чтобы испортить свое эфирное или физическое тело; только в последующих инкарнациях смогут действовать на физическое и эфирное тело те ошибки, которые человек пропускает в себе. Они проявляются тогда как болезни, как повреждения и предрасположения к заболеваниям и в физическом теле. Но человек не может действовать на свое физическое тело непосредственно из своей индивидуальности. Если он порежет себе палец, то это не будет воздействием из души на физическое тело, как и в случае заражения физического тела. В течение своих инкарнаций человек стал способным воздействовать лишь на свое астральное тело и на часть эфирного; но на физическое тело он может действовать только косвенным, а не прямым путем.

Поэтому мы можем сказать: когда мы спускаемся в ту область эфирного тела, на которую мы имеем непосредственное воздействие, то в ней скажется все то, что человек приобрел в ходе своих друг за другом следовавших инкарнаций; в тот момент, когда человек погружается в свою собственную сущность, он погружается также и в предыдущие, лежащие в ее глубине инкарнации. Человек находит, следовательно, путь к прежним воплощениям путем погружения в собственную сущность. И если это погружение настолько интенсивно, мощно и всеобъемлюще, как это было у великого Будды, то это проникновение в инкарнации идет все дальше и дальше.

Но человек первоначально ведь является духовной сущностью, а все его оболочки образовались позже вокруг его духовной сущности; они — как бы окружающие ее члены. Человек произошел от духа, а все внешнее в нем — это уплотнение этого духа. И поэтому человек при погружении в свою собственную сущность приходит к Духу мира. Это погружение в себя, это прорывание оболочек физического тела есть путь в духовную структуру мира, и совершается он ради познания того, как в течение инкарнаций вновь и вновь строилось это физическое тело. И когда человек проникает достаточно далеко, вплоть до времен, когда он был в своем примитивном ясновидении членом духовного мира, то тогда он действительно глядит в это духовный мир.

В предании о Будде (и это опять — не просто легенда) вы имеете те ступени, которых достиг Будда при погружении в собственную сущность, о чем он и сам говорит нам: «Когда я достиг просветления, — то есть когда он почувствовал себя членом духовного мира, — я поднялся уже настолько высоко, что увидел духовный мир как лежащее передо мной облако; но я не мог еще ничего в нем различать, так как я чувствовал себя еще несовершенно. Затем я продвинулся еще на шаг дальше. И тогда я увидел духовный мир не только как облако перед собой, но я уже мог различать в нем некоторые отдельные образы, однако я все еще не мог видеть того, чем они были, так как я был еще несовершенно. Я поднялся еще на шаг выше — и мог уже найти не только различающиеся между собой сущности, но уже знал, какие это были сущности». И так продолжалось дальше, пока он не увидел свой прообраз, которой проходил из инкарнации в инкарнацию, и не рассмотрел этот прообраз в его правильных отношениях к духовному миру.

Это и есть один путь, мистический путь, — прохождение через собственную сущность до того момента, когда прорывается граница в духовный мир. Таким путем одна часть водителей человечества достигает того, чем должны обладать такие индивидуальности, чтобы сообщать импульсы для дальнейшего развития человечества.

И совсем иным путем достигают возможности стать водителями человечества такие индивидуальности, как, например, Заратустра. Если вы еще раз оглянетесь на то, что я говорил вам о Будде, то вам станет ясно, что в своих предыдущих инкарнациях, в которых он дошел до степени Бодисатвы, он должен был подниматься со ступени на ступень. Через просветление — пребывание под деревом Бодхи, — которое следует изображать так, как я описал это выше, индивидуальность, благодаря своим достоинствам поднимавшаяся так высоко, доходит до созерцания духовных миров. Если бы человечество имело только таких водителей, то было бы невозможно вести человечество вперед так, как оно теперь идет. Имелись еще и другие водители. Одним из водителей совсем другого рода и был Заратустра. (Я говорю сейчас не об

индивидуальности Заратустры, но о личности первого Заратустры, возвестившего об Аура-Маздао.) Если мы будем изучать такую личность на том месте в мире, где она встретилась нам, то сперва в ней не будет той индивидуальности, которая поднялась чрезвычайно высоко благодаря собственным заслугам; но такая личность выбирается затем, чтобы стать носителем, оболочкой для духовной сущности, для духовной индивидуальности, которая не может сама физически воплотиться в мире, но может лишь светить в человеческой оболочке и действовать внутри нее.

Я обратил на это внимание в моей розенкрейцеровской мистерии «Врата посвящения» и показал, как человеческая сущность в определенное время, — если это нужно для развития мира, — пронизывается духом некоей высшей сущности. Здесь подразумевается не просто поэтический образ, но поэтическое изображение оккультной действительности.

Следовательно, личность первого Заратустры не была такой, чтобы подняться самостоятельно так высоко, как Будда; но она была избрана для того, чтобы более высокая индивидуальность как бы заняла в ней место, одухотворила ее. Таких личностей можно было найти во всех культурах и во все времена, т. е. во всех дохристианских культурах, которые развивались в Европе, в северо-западной Азии, но не в тех культурах дохристианских времен, которые распространялись по Африке, Аравии, а также через переднеазиатские страны в Азию. В то время как в этих последних странах господствовал тот вид посвящения, который я только что описывал в его наивысшем выявлении в великом Будде, — у северных народов господствовал преимущественно другой вид посвящения, — особо описываемый мной в Заратустре. И в наших странах три или четыре тысячелетия тому назад существовала еще возможность такого посвящения, которое я сейчас хочу описать.

Личность Заратустры была избрана следующим образом для того, чтобы стать носителем высокой сущности, которая не могла сама воплощаться. Духовными мирами было предназначено: в этого ребенка должна спуститься божественно-духовная сущность, которая сможет действовать в этом человеке и пользоваться его мозгом, его членами и волей, когда ребенок подрастет. Но с этим человеком должно совершиться нечто совсем другое, чем то, что обычно совершается в человеческом индивидуальном развитии. И действительно, совершаются события, которые будут сейчас описаны, — но происходят они не на физически-чувственном плане, а, скорее, во всем существе этого подрастающего человека на протяжении всей его жизни, — причем, конечно, человек, наблюдающий за таким ребенком с помощью одних грубых чувств, не заметил бы этого.

Однако кто умеет наблюдать, тот видит, что между душевными силами такого ребенка и внешним миром происходят конфликты, что этот ребенок обладает такой волей и импульсивностью, которые находятся как бы в противоречии с тем, что совершается вокруг него. Но в этом и состоит судьба божественных, одухотворенных личностей, что они растут как чужие среди своего окружения, не имеющего чувств и разумения для их понимания. Обычно только немногие, а может быть, только одна личность, имеют предчувствие того, что собственно растет в таком человеке. У него легко назревают конфликты с окружающим миром, и уже в раннем детстве, а не только в более поздние годы, наступает то, что я описал вам как историю искушения Будды, которая совершается, когда человек погружается в собственную сущность.

У нормального человека его индивидуальность рождается в природных оболочках, которые даются ему от родителей и народа. Правда, индивидуальности не всегда и не вполне согласуются с их внешними оболочками, и поэтому люди бывают отчасти не удовлетворены теми условиями, в которые их поставила судьба* **Ангелиус Силезиус говорит, что человек, достигший известной духовной высоты, чувствует себя хорошо в любых жизненных условиях. (Такое достижение происходит в зрелом возрасте, а иной раз даже только к старости.) — Прим. пер.* Но такой суровый, такой мощный конфликт, который происходил у Заратустры, невозможен, если индивидуальность человека развивается в соответствии с законами обыкновенной человеческой жизни. Если рассмотреть такого ребенка, каким был Заратустра, ясновидчески, то выяснится, что он имеет в себе ощущения, способности, мысли и волевые силы, совершенно отличающиеся от того, что развивается кругом в человечестве как ощущения, волевые импульсы, представления и т. п. И прежде всего выясняется (и это бывает всегда, — только на это не обращают внимания, потому что в настоящее время не умеют наблюдать психические, физические и духовные факты), что окружение ничего не знает об истинной природе такого ребенка, но оно инстинктивно ощущает ненависть к такому человеку, так как ему не нравится то, что растет в нем.

Это и есть тот острый конфликт, который воспринимается сновидческим взором: ребенок, который родился, чтобы стать спасителем человечества, вызывает вокруг себя бурю ненависти. Это неизбежно. Ибо столь редким противоречивым путем в человечество притекают великие импульсы. Такие вещи рассказываются нам о Заратустре и подобных ему личностях.

Говорят, что новорожденный Заратустра мог совершать то, что наступает у людей только через несколько недель после рождения: он мог воспринимать гармонию мира с его «улыбкой Заратустры». Эта улыбка новорожденного Заратустры в первую очередь показывает нам его полное отличие от всех остальных людей.

А вот и второе сообщение. В области, где родился Заратустра, появляется его враг — некий царь вроде Ирода; его звали Дуранзарун, и он пытался собственноручно, после того как ему сообщили халдейские маги о рождении Заратустры, убить ребенка. Легенда рассказывает: в тот момент, когда он хотел убить ребенка и

поднял меч, у него отнялась рука и он не смог выполнить задуманное. Все это только образы, которые могло увидеть духовное сознание, — образы духовной реальности.

Далее рассказывается, как этот враг ребенка Заратустры, не смогуший сам убить его, велел своему слуге отнести его в пустыню к диким зверям, чтобы они его уничтожили. Но когда затем его отыскивали, оказалось, что ни один зверь его не тронул, и его нашли спокойно спящим. Когда и это не удалось, враг ребенка велел посадить его на пути стада коров и быков, чтобы они его растоптали. Но первое же животное — так рассказывают легенды — обхватило ребенка ногами и отнесло его в сторону; все стадо прошло мимо, и с ним ничего не случилось. То же самое повторилось с табуном коней. И вот последняя попытка врага: ребенка Заратустру положили среди диких зверей, у которых были отняты их детеныши. Но и тут оказалось, что и эти звери ничего не сделали ребенку и что даже, как говорит легенда, «небесная корова» продолжала затем кормить его.

Присутствие божественной сущности, духовной индивидуальности, которая спускается в такую душу, вызывает действие особых сил, приводящих такого ребенка к дисгармонии с его окружением, необходимой для того, чтобы дать развитию человечества импульсы, ведущие его вверх. Ибо там, где действительно идут к совершенству, всегда нужны дисгармонии. Затем нужно указать на то, что эти силы необходимы для такого существа, для такого ребенка, чтобы вести его вверх к соединению с духовным миром, в который он должен войти. Но благодаря чему сам ребенок переживает все эти конфликты?

Представьте себе, что в тот момент, когда человек просыпается, происходит вхождение души в ее собственную сущность.

Если душа может пережить в себе физическое и эфирное тело, то она проходит развитие, которое я описал вам на примере Будды. Представьте себе теперь момент засыпания. Ныне он таков, что человек, засыпая, теряет сознание, оно прекращается — и вокруг человека в качестве картины мира простирается иллюзия «ничто». Представьте себе теперь, что человек при засыпании сохранял бы сознание. Тогда он был бы окружен духовным миром, в котором оказываются во время сна. Но тут опять существуют известные препятствия: вечером, когда мы засыпаем, пред вратами, которые мы должны пройти, стоит страж порога. Это — Великий Страж порога, который не пропускает нас в духовный мир, пока мы еще не зрелы, — не пропускает по той причине, что мы подвергнемся опасности, если захотим вступить с «я» в духовный мир, в который мы входим при засыпании, не укрепив наше «я», не сделав его достаточно сильным и крепким.

Эта опасность заключается в том, что мы, вместо того чтобы видеть в духовном мире объективно существующее в нем, видели бы только то, что мы сами внесли в него в качестве наших фантазий, наших мыслей, ощущений и чувств. И мы вносим туда как раз самое скверное в нас, не соответствующее истине. Поэтому такое незрелое вступление в духовный мир будет означать, что человек увидит в нем не действительность, а фантастические образы, обозначаемые технически в духовной науке как то, что не есть человеческое видение. Если бы человек увидел нечто объективное в духовном мире, то он поднялся бы ступенью выше и увидел бы нечто связанное с человеком. Признаком фантастического видения бывает всегда то, что человек, поднимаясь в духовный мир, видит образы животных и эти образы обозначают его собственные фантазии, возникающие из-за того, что он слишком мало укрепил себя. То, что не осознано ночью, должно принять в себя силу, чтобы внешний духовный мир стал объективным; иначе он станет субъективным, и мы внесем наши собственные фантазии в духовный мир. Вообще мы их и так вносим, но Страж порога оберегает нас от их лицемерия. Восхождение в духовный мир является чисто внутренним событием, и этими образами животных, со всех сторон нападающих на нас, мы вводимся в заблуждение. Мы должны все больше окружать себя духовной силой, и тогда сможем вступить в духовный мир объективно.

Если такое дитя, как ребенок Заратустры, исполнено высшей сущностью, тельце его, конечно, незрело и должно сперва созреть. И то, что является человеческой организацией, организацией разума и чувств, — как бы приподнимается над окружающим. Такой ребенок пребывает в мире, который действительно может быть назван «пребыванием среди диких зверей». Мы часто говорили, что при подобных описаниях историческое и образное являются только двумя различными сторонами одного и того же факта. И тогда события совершаются так, что духовные силы обнаруживаются внешне как нечто враждебное, например, в случае с ребенком Заратустрой — в лице царя Дуранзаруна. Но все в целом в своем прообразе находится в духовном мире, так что внешние действия соответствуют тому, что происходит внутри духовного мира. Человеку с современным образом мышления не легко понять такую мысль, когда говорят, что события Заратустры имеют значение в духовном мире; человек думает тогда: «Значит, они не действительны». Но если доказывают, что это исторические события, тогда современный человек склонен рассматривать каждую личность только как себя самого. В этом же состоит стремление и теперешних либеральных теологов: уподобить, например, образ Иисуса из Назарета своему собственному идеалу, или же то, что немного возвышается над ним. И материалистическому душевному покою человека теперь очень мешает, если он должен себе представить великие индивидуальности. В мире не должно существовать ничего такого, что может сильно возвыситься над идеалом современного профессора или теолога. Но при великих событиях мы имеем дело с тем, что является одновременно историческим и символически-духовным, которые не исключают друг друга. И кто не понимает, что внешнее обозначает еще и нечто другое, тот вообще не придет к пониманию истинного и существенного.

Итак, душа ребенка Заратустры была в раннем детстве подвержена большим опасностям; но в то же

время рядом с ней находились помогающие ей (так утверждает легенда) небесные коровы, которые укрепляли ее.

Во всех великих мировоззрениях при их основании, от Каспийского моря до Западной Европы, вы обнаружите, что такие личности, которые не поднялись вверх благодаря собственному развитию, пронизываются некоей духовной сущностью, чтобы стать водителями человечества. Кельтский народ обладал многими подобными сказаниями. Так, в них рассказывается об одном основателе кельтской религии — Хабихе, который также подвергался опасностям и был выкормлен небесными коровами; он подвергается преследованию врагов, и животные отступают от него. Эти описания опасностей, грозивших кельтскому вождю Хабиху, таковы, что можно сказать: здесь были выбраны некоторые из семи чудес Заратустры, потому что именно Заратустра является величайшей личностью такого рода. Отдельные черты чудес Заратустры вы найдете повсюду — от Греции до кельтских стран. Достаточно только вспомнить о Ромуле и Реме, чтобы встретить знаковый пример.

Таков другой путь возникновения водителей человечества. Этим мы охарактеризовали в более глубоком смысле то, что уже не раз рассматривали: два великих культурных течения послееатлантической эпохи. После великой атлантической катастрофы одно культурное течение шло через Африку, Аравию и южную Азию в направлении к центральной Азии; другое проходило севернее — через Европу и северную Азию к центру Азии, где оба течения встретились. То, что возникло из этого, и есть наша послееатлантическая культура. Северное течение имело водителей, один из которых представлен вам мною как Заратустра, величайшим же представителем южного течения был Будда.

Если вы вспомните теперь о том, что мы уже знаем о событии Христа, то возникает вопрос: каким же предстает теперь перед нами Крещение от Иоанна на Иордане?

Христос нисходит вниз, духовно-божественная сущность сходит в человеческую, — как это было у всех северных водителей и основателей религий, и прежде всего, у Заратустры. Это то же самое событие, только неизмеримо более великое. Христос спускается в человеческую сущность, но не в детстве, а на тридцатом году жизни, и личность Иисуса из Назарета подготавливается для этого совершенно особым образом. Обе тайны водительства человечества предстают перед нами в синтезе, в соединении, в гармонии друг с другом. И в то время как оба евангелиста — Матфей и Лука — повествуют преимущественно об образовании человеческой личности, в которую спускается Христос, Евангелие от Марка говорит больше о том, какой была сама Сущность Христа. Изливающийся духовный элемент этой великой индивидуальности представлен особенно в Евангелии от Марка. Поэтому Евангелия от Луки и от Матфея описывают с необычайной ясностью иную картину искушения, чем Евангелие от Марка, так как последний описывает Христа, вошедшего в Иисуса из Назарета. И тут должна выступить та история искушения, которая обычно является в детском возрасте: пребывание среди зверей и помощь духовных сил. Поэтому вы видите здесь повторение чудес Заратустры, когда нам рассказывается величественно и просто: «И дух повел Его в одиночество; и Он был там со зверями, и Ангелы (т. е. духовные сущности) служили Ему». Евангелие же от Матфея рассказывает совсем другое — нечто такое, что напоминает искушения Будды, то есть то, что совершается при погружении в собственную сущность, когда к человеческой душе подступают все искушения и соблазны.

Итак, мы можем сказать: Матфей и Лука описывают путь, пройденный Христом, когда Он погрузился в оболочки, предоставленные ему Иисусом из Назарета. А Евангелие от Марка описывает то, что Христос пережил как некую историю искушения, когда Он столкнулся с окружением, как сталкивались с ним все основатели религий, инспирированные духовной сущностью свыше. Христос переживает и то и другое, тогда как прежние водители человечества всегда проходили через что-либо одно. В Нем соединяются оба пути в духовный мир. Это и есть самое существенное: то, что раньше совершалось в двух великих течениях, в которые затем вливались и другие более 'мелкие, сливается здесь в один поток.

Только с этой точки зрения можем мы понять кажущиеся или действительные противоречия между Евангелиями. Тот, кто писал Евангелие от Марка, был посвящен в такие мистерии, которые дали ему способность описать то, что является искушением у Марка: уход к зверям и помощь духовных сущностей.

Лука получил иное посвящение. И каждый из писавших Евангелие описывал то, что было ему близко и знакомо. Следовательно, то, что описано в Евангелиях, является различными сторонами события в Палестине, или Мистерии Голгофы.

Я хотел здесь еще раз провести перед вами, — с точки зрения, которую мы здесь еще не могли обсуждать, — то, как надо понимать ход развития человечества и вступление в него таких индивидуальностей, которые поднимаются через развитие от Бодисаттвы к Будде; и также то, как надо понимать развитие тех, у кого надо обращать внимание не на то, чем они являются как люди, но, скорее, на то, что спускается в них сверху. Только в образе Христа соединяются оба этих вида, и, зная это, можно понять его правильно.

Благодаря этому вы поймете также, почему в мифических личностях обнаруживаются некоторые неправильности. Когда описывается, что некоторые одухотворенные существа совершили то или иное в смысле справедливости или несправедливости, как, например, в случае Зигфрида, то часто можно услышать: «но ведь он же был посвященным»? Но у таких личностей, через которые действует духовная сущность, дело не в индивидуальной эволюции, как, например, если речь идет о Зигфриде. Зигфрид может делать

ошибки. Но вопрос стоит о том, чтобы передать нечто развитию человечества. И для этого должна быть выбрана подходящая личность. Нельзя все стричь под одну гребенку; о Зигфриде нельзя судить таким же образом, как судят о личности водителя человечества, принадлежащего южному потоку, так как вся их природа и образ действия иные, чем у тех, которые погружаются в собственную сущность.

Следовательно, можно сказать: духовная сущность пронизывает северных водителей, вытесняет их из собственного существа и делает возможным их поднятие в макрокосм. В южных культурах человек погружается в микрокосм, — в северных же течениях культуры он изливается в макрокосм и благодаря этому приходит к познанию всех иерархий; так, например, Заратустра познал духовную природу Солнца.

Следовательно, мы можем резюмировать все сказанное следующим образом: внутренний мистический путь, путь Будды, ведет через собственную внутреннюю сущность так глубоко, что прорывая ее, человек попадает в духовный мир. Путь же Заратустры вырывает человека из микрокосма и изливает его в макрокосм, где ему открываются его тайны. Мир мало понимает великих личностей, которые должны раскрыть тайны великого мира. Поэтому так мало понимают, например, сущность Заратустры. Мы увидим, как сильно отличается то, что мы должны сказать о Заратустре, от того, что обычно говорится о нем.

Таков один из экскурсов, которые постепенно должны вас ознакомить с сущностью Евангелия от Марка.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 16 января 1911 г.

Когда вы будете читать дальше Евангелие от Марка, то после тех мест, которые мы пытались объяснить при обсуждении этого Евангелия в последний раз, вы придете к одному значительному месту, похожему, правда, на сообщения других Евангелий, но полное значение которого лучше всего можно усмотреть именно в Евангелии от Марка. Это место говорит о том, что Христос Иисус, после Крещения на Иордане и переживаний в пустыне, пришел в синагогу и учил там.

Обычно это место переводится так: «И они ужаснулись Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как ученые книжники». Чем является эта фраза для современного человека, даже если он хорошо знает Евангелия? Не более чем абстрактными словами: «Ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как ученые книжники». Если мы возьмем греческий текст, то найдем слова, которые на современном языке переведены таким образом: «Он учил как власть имеющий — а не как ученые книжники».

*ἦν γὰρ διδάσκων αὐτοὺς ὡς ἐξουσίαν ἔχων, καὶ οὐχ ὡς οἱ
γραμματεῖς (ēn gar didaskōn autūs hōs exūsian echōn, kai ūch hōs
hoi grammateis)*

Если мы захотим теперь проникнуть в смысл этого значительного места, то это введет нас в то, что можно назвать тайным благовестием Христа Иисуса. — Я уже обращал ваше внимание на то, что Евангелия, так же как и другие писания, имеющие начало в области инспирации, не могут быть так просто поняты: для понимания их нужно собрать все представления и идеи относительно духовных миров, приобретаемые нами в течение многих лет. И только такие представления могут ввести в то, что подразумевается под словами Евангелия: ибо он учил тех, которые собрались в синагоге, как «Exusiai», как некая власть, как откровение, а не так, как те, которые здесь названы учеными книжниками *граммате́и* (grammateis).

Если мы хотим понять такое место, то должны вспомнить все, что усвоили о высших, сверхчувственных мирах в течение последнего времени. Мы знаем, что человек, каким он живет в нашем мире, является, так сказать, низшим членом иерархического порядка, то есть мы должны поставить человека на низшую ступень иерархической лестницы. А над ним начинается сверхчувственный мир. В нем мы находим прежде всего тех, кто именуется в христианской эзотерике Ангелами (Angeloī), — первых сверхчувственных существ, стоящих над человеком и имеющих на него влияние; затем идут Archangeloī или Архангелы, затем Archai, или Духи Личности; за ними следуют Exusiai, Dynamis, Kyriotetes, а далее мы имеем Престолов, Херувимов и Серафимов. Таким образом, мы имеем иерархический порядок из девяти последовательно восходящих над человеком духовных существ.

И если мы хотим уяснить себе, как воздействуют на нашу жизнь эти различные духовные, сверхчувственные существа, то мы должны понять, что Ангелы — это те существа, которые ближе всего стоят к человеку, живущему на Земле, как вестники из сверхчувственных миров; это те существа, которые оказывают влияние на то, что мы можем назвать судьбой каждого отдельного человека на физическом плане. Но как только переходим к Архангелам, мы говорим о духовных существах, охватывающих, так сказать, более широкий круг деятельности. Здесь речь идет уже о существах, которых можно назвать Духами народов, так как они управляют все тем, что относится к целым народам. Когда современный человек говорит о Духе народа, то он подразумевает, — на что я часто обращал ваше внимание, — столько-то тысяч людей — просто население известной территории. Если же мы говорим о Духе народа в смысле духовной науки, то мы подразумеваем народную индивидуальность и ясно представляем себе, что мы имеем в виду не число людей, но подлинную индивидуальность, так же как мы подразумеваем ее в случае каждого отдельного человека. И когда мы говорим о духовном водительстве целокупной народной индивидуальности, то называем духовного руководителя данной народной индивидуальности Архангелом

(Archangeloi). Следовательно, если мы говорим об этих высших существах, то мы говорим о них как об истинных сверхчувственных созданиях, обладающих своей сферой действия. Касаясь Archai, Духов личности или Начал, мы говорим о тех духовных существах, которые отличны от Духов народов. Если мы, например, говорим о Духе французского, немецкого, английского и т. д. народов, то говорим о чем-то связанном с различными областями Земли. Но имеется нечто общее всем людям, по крайней мере всем современным западным народам, — то, в чем эти народы понимают друг друга. И тогда мы можем, в отличие от Духов отдельных народов, говорить о Духе времени; мы должны будем говорить об одном Духе времени в эпоху Реформации и о другом Духе времени в нашу эпоху. Следовательно, над отдельными Духами народов стоят те духовные существа, которых мы обозначаем как Духов времени; и эти водители друг за другом следующих эпох суть Архаи. Они являются в то же время Духами времени.

Если мы поднимемся еще выше до Ehusiai, то будем иметь дело с совершенно иными сверхчувственными силами. Чтобы составить себе представление о том, как отличаются сущности высших иерархий от трех вышеупомянутых, от Ангелов, Архангелов и Архаев, подумаем о том, что представитель какого-либо народа в отношении внешней физической конституции, например, в необходимости пить и есть, — в основном очень похож на представителей других народов. Нельзя сказать, что то, что выходит за пределы душевного и духовного, отличает народы друг от друга. Друг за другом следующие эпохи таковы, что мы можем сказать: руководящие духовные существа имеют отношение только к духовно-душевному. Но человек зависит не только от духовно-душевного. Духовно-душевное, по существу, имеет влияние на человеческое астральное тело. В человеке имеются и более плотные члены его существа: эфирное и физическое тело. И они не очень сильно отличаются в отношении того, что могут совершить с ними Ангелы, Архангелы и Архаи. Но на эти более плотные члены человеческого существа имеют творческое влияние те сущности, которые идут дальше вверх, начиная с Ehusiai. Язык, идеи эпохи — этим мы обязаны Духам времени, Духам народов — Архам и Архангелам. Но на человеческое существо имеет влияние также и то, что живет в свете и воздухе, в климате определенной области. Иное человечество созревает на экваторе, — иное — в местностях, ближе к северному полюсу. Мы не можем, правда, вполне согласиться с высказываниями одного немецкого профессора философии в его очень распространенной книге: «Самые существенные культуры должны были развиться в умеренной зоне, так как существа, которые создали эти основные культуры, замерзли бы на северном полюсе, а на южном — сгорели бы». Но мы можем сказать: в различных климатах мы видим, как различно действуют на человека питание т. п. И для характера народа вовсе не безразличны внешние природные условия, — например, живет ли человек в горных долинах или же на широких равнинах. Силы природы воздействуют на всю человеческую конституцию; и так как мы благодаря духовной науке знаем, что должны видеть в силах природы проявление тех существ, которые обладают духовной, сверхчувственной природой, то должны сказать: в силах природы действуют духовные, сверхчувственные существа, которые через эти силы воздействуют на человека. Поэтому мы можем усматривать между Архам и Ehusiai следующую разницу: Ангелы, Архангелы и Архаи действуют на человека, не нуждаясь для этого в силах природы. Они пользуются только тем, что воздействует на человека духовнодушевно, как язык, идеи эпохи и т. д. Их действия не захватывают низшие члены его существа — ни эфирного тела, ни физического. Напротив, начиная с Ehusiai мы имеем существ, действующих на человека через силы природы; они — руководители и направляющая сила в свете, воздухе и в переработке питательных веществ в царствах природы. Они как бы стоят позади этих царств природы. То, что мы имеем в молнии и громе, в дожде и солнечном свете, произрастании различных съедобных растений в той или иной местности, — короче говоря, все упорядочение земных условий мы приписываем духовным существам, которых находим в высших иерархиях. Поднимая взор к Ehusiai мы находим результаты их деятельности не только в невидимых воздействиях, как, например, в случае откровений Духа времени, — но мы видим в Ehusiai то, что как свет действует на нас и на растения.

Рассмотрим теперь то, что дается людям как культура, как то, чему они должны научиться, чтобы идти дальше. Каждому человеку в его эпоху дается то, что рождает сама эта эпоха, и то, что дали предыдущие эпохи. И вот только это может сохраниться исторически и стать предметом исторического преподавания и изучения — то, что идет от низших иерархий, вплоть до Духа времени. А то, что вытекает из царств самой природы, не может сохраниться в традициях и преданиях. Но те, кто может проникнуть в духовные миры, проникают благодаря Духам времени, к более высоким откровениям. Такие откровения превышают то, что существует благодаря собственным сверхчувственным познаниям выше Духов времени к более высоким откровениям. Такие откровения превышают то, что существует благодаря Духам времени; они значительно больше того, что происходит от них; они действуют на людей совершенно особым образом. Каждый разумный человек должен однажды серьезно задуматься и спросить себя: что действует на мою душу больше — то, что я могу узнать из преданий отдельных народов и от Духов времени, из исторических сообщений с начала исторических времен, — или же чудесный восход Солнца, т. е. манифестация самой природы, откровение сверхчувственных миров? Человек может осознать, что восход Солнца во всем его величии и мощи может вызвать в душе бесконечно больше, чем любая наука, чем вся ученость и искусство всех времен. То, что открывает нам природа, сможет почувствовать именно тот, кто объездил все галереи Италии и видел все то, что сохранилось в них от Рафаэля, Микеланджело, Леонардо да Винчи и т. д., — тот, кто дал всему этому в полной мере воздействовать на себя и кто затем поднялся на одну из швейцарских гор и любовался жизнью

— картинами природы. И тогда этот человек спросит себя: кто же больший художник — Рафаэль и Леонардо да Винчи или те силы, которые рисуют восход Солнца, который можно наблюдать с Риги? И придется сказать себе: как бы мы ни восхищались тем, что создали люди, все же то, что открывается нам как духовно-божественное откровение, — неизмеримо прекраснее.

Когда перед нами являются те духовные водители человечества, которых мы называем посвященными и которые говорят, исходя не из преданий, а из первоисточников, то их откровения — это откровения самой природы. Но то, что говорят другие о восходе Солнца, никогда не может действовать так, как самый восход Солнца. Природа действует сильнее того, что мы получили из предания о Моисее, о Заратустре, т. к. это является передачей и сообщается так, как оно сохранено во внешней культуре Духами времени и Духами народов. В самих же откровениях Моисея и Заратустры это действовало тогда с такой же природной силой потому, что эти откровения изливались непосредственно из переживаний сверхчувственных миров. Мощь изначальных человеческих откровений заключается в том, что они притекают как откровения самой природы. Но это начинается лишь тогда, когда мы предчувствуем *Exusiai* как высшую иерархию в силах природы.

Что же переживали те, кто находились в синагоге, когда Христос Иисус появился среди них?

До сих пор они слышали то, чему учили «грамматики», — те, которые изучили то, что им сообщали Духи времени и Духи народов. К этому все привыкли. И вот пришел Тот, Кто учил не как они, но так, что Его слова являлись непосредственным откровением сверхчувственных сил в самой природе, как бы в молнии и громе. Зная о восходящем порядке иерархий, мы понимаем эти слова Евангелия и всю глубину их значения. Так мы должны чувствовать эти слова в Евангелии от Марка.

Правда, в произведениях Рафаэля, Леонардо да Винчи и т. д. человек, обладающий восприятием сверхчувственных миров, может ощутить то, что скрыто за этими произведениями, — то, что сохранилось в них впоследствии и что было вложено в них первоначально. И поистине, произведения искусства таких великих людей, как Микеланджело, могут действовать подобным образом. Если нам удастся увидеть то, что, например, Рафаэль сумел вложить в свои произведения, чтобы вновь оживить дело Заратустры, то мы сможем тогда услышать нечто из того, что проникает к нам через *Exusiai*.

Но в том, что сообщали ученые книжники в синагогах и что было ими принято от Духов народа и Духов времени, нельзя было услышать ничего такого, что звучало бы как откровения самой природы. Поэтому мы можем сказать: в подобных евангельских словах указывалось на то, что люди в те дни начали чувствовать и ощущать нечто совершенно новое, что говорилось им; что через этого пришедшего к ним Человека открывалось нечто новое, как истинная сила самой природы, как сверхчувственные силы, стоящие за ее явлениями. Люди стали смутно предчувствовать, что собственно вошло в Иисуса из Назарета и что символизируется в Крещении от Иоанна. И они были не далеки от истины, — эти люди в синагоге, говорившие: «Он говорит так, что ощущаешь: в нем говорят *Exusiai*, а не только Духи времени и Духи народов».

И только тогда, когда удастся вновь оживить ставшие абстрактными и потерявшие силу современные переводы Евангелий, — когда удастся сделать их содержательными благодаря тому, что мы приняли в себя через духовную науку, — только тогда мы поймем, что нужно многое, чтобы действительно проникнуть в то, что дано в Евангелиях. Понадобятся целые поколения, чтобы хоть приблизительно исследовать ту глубину, которую уже можно предчувствовать в наш век. Многое же в Евангелиях может быть исследовано только в будущем.

То, что особенно хотелось изобразить автору Евангелия от Марка, является, в сущности, дальнейшим разъяснением того, чему учил тот, кто одним из первых, благодаря непосредственному сверхчувственному познанию понял сущность и природу Христа, — речь идет об апостоле Павле. Нужно понять, чему собственно учил Павел и что он воспринял в себя через откровение в Дамаске. Это событие описывается в Библии как внезапное просветление, и всякий, кому известна суть события просветления, знает также, что оно может совершиться в любое время с тем, кто хочет подняться в духовный мир; и тогда он становится благодаря всему пережитому совершенно другим человеком. У Павла подробно описывается, как он стал совершенно иным человеком благодаря откровению на пути в Дамаск.

И вы уже знаете даже из не особенно глубокого исследования Евангелий и посланий Павла, что Павел видит в событии Христа и Голгофы центр всего развития человечества и связывает это событие непосредственно с тем событием, которое выражено в Библии как первое становление человека под именем Адам. Павел хочет сказать: «То, что мы можем назвать духовным человеком, подлинным человеком, от которого в Майе имеется только Майя и который существует для иллюзии в том облике, который он должен был принять в ряде последовательных земных инкарнаций, — это духовное существо спустилось некогда в Древнелемурийскую эпоху на Землю и стало человеком на лемурийские, атлантические и послеплатонические времена, вплоть до События Христа. Затем пришло событие Голгофы».

Это все было очевидно для Павла после его видения у Дамаска. В событии Голгофы было дано нечто такое, что было связано с нисхождением человека во плоть. Ибо при этом событии человеку был дан импульс для постепенного преодоления тех форм земного бытия, какие человек принял через Адама. Поэтому Павел называет человека, появившегося во Христе, «Новым Адамом», в которого каждый человек может облечься через связь со Христом.

Таким образом, мы видим постепенное нисхождение человека в материю (называем ли мы его Адамом или как-нибудь иначе), начиная с лемурийского человека и вплоть до человека дохристианского времени, — а затем мы видим силу и импульс, ведущие снова вверх, так что человек со всем земным опытом и со всем тем, что с ним происходит на Земле, сможет вернуться к первоначальному духовному состоянию, в котором он находился до своего нисхождения на Землю. Но нельзя спрашивать, если не хочешь неправильно понимать настоящий смысл развития: «Разве нельзя было избавить человека от этого нисхождения? Зачем нужно было человеку воплощаться, проходить через различные инкарнации, чтобы затем вновь подняться к тому же, чем он обладал раньше?» Такой вопрос мог бы возникнуть только при полном непонимании истинного смысла развития. Человек берет с собой все плоды и опыты из земного развития и обогащается содержанием инкарнаций, так как этого содержания он не имел раньше.

Представьте себе гипотетически человека, спускающегося в первую инкарнацию: он учится, учится он и во второй инкарнации, и во всех следующих инкарнациях. Они протекают сперва как нисходящие: человек связывается все сильнее и сильнее с физическим миром. Затем он начинает вновь подниматься, — и он может идти все дальше вверх, вплоть до принятия импульса Христа. Он опять поднимется в духовный мир, но он уже возьмет с собой то, что смог получить на Земле.

Итак, Павел во Христе видит подлинный центр всего земного развития человека, — то, что дает ему импульс подняться в сверхчувственный мир со всем его земным опытом.

Как же смотрит Павел с той точки зрения на Жертву на Голгофе, на самое распятие? Довольно трудно выразить этот факт Жертвы на Голгофе, — этот важнейший факт развития человечества, — и представить в современных понятиях в каком смысле его понимал Павел. Ибо этот смысл является и смыслом автора Евангелия от Марка. Для этого мы должны хорошо освоиться с той мыслью, что в человеке, как он стоит и теперь перед нами, заключен малый мир — микрокосм, и что мы должны изучать все, что с этим связано.

Человек, каким он стоит перед нами теперь и как он развивается между рождением и смертью в одной инкарнации, являет нам две части развития, очень отличные друг от друга. Обычно их не различают, а нужно было бы весьма и весьма их различать. Я уже неоднократно обращал ваше внимание на эти две, друг от друга в корне отличные части в развитии человека (ибо все наше духовнонаучное исследование построено гораздо более систематически, чем это обыкновенно думают). Одну из них можно видеть во время человеческого развития между рождением и тем моментом времени, начиная с которого современный человек может вспоминать свою отдельную, индивидуальную жизнь. Если вы проследите свои воспоминания, то вы дойдете до определенной точки в прошлом, дальше вы уже ничего не помните. Хотя вы и существовали до этого и ваши родители, братья и сестры рассказывают о том, что вы делали раньше, и вы поэтому знаете об этом, но сами не можете помнить дальше определенного момента. Нормальное воспоминание обрывается на известной точке. Она лежит в лучшем случае около третьего года жизни. Однако до этого момента человек является необычайно впечатлительным. Чему только не учатся в это время — на первом, втором и третьем годах жизни! Но как человек получал впечатления от вещей, об этом современный человек не помнит ничего. Затем начинается время, когда нить воспоминания «я» тянется непрерывно.

Оба эти периода в развитии человека нужно различать очень хорошо, так как они необычайно важны для понимания всего человека в целом. Надо только точно и без предвзятости современной науки проследить развитие человечества. Ведь научные факты подтверждают то, что я хочу сказать. Но не надо привлекать в качестве советчика предубеждения науки, так как иначе можно вступить на пути, уводящие нас очень далеко от истины. Итак, если точно проследить развитие людей, то можно сказать: как общественное существо, как социальная индивидуальность, человек может жить только в том состоянии, которое обусловлено непрерывной линией воспоминаний, которая в благоприятном случае тянется приблизительно с третьего года жизни. Здесь лежит все, о чем можно сказать: это направляет сознательную человеческую жизнь; все, что мы сознательно воспринимаем как законы, которые направляют нас, как импульсы, достойные подражания, и т. д., — все это лежит в воспоминании. То, что лежит до этого момента, мы тоже воспринимаем, но бессознательно для «я»-сознания. Следовательно, в течение почти трех лет жизни нашего «я»-сознания окружающий нас мир совершенно иначе действует на нас, чем впоследствии.

Разница радикальна. Если бы мы могли наблюдать ребенка в это время, то обнаружилось бы, что он до момента, которого достигают позже воспоминания человека, чувствует себя главным образом в общей макрокосмической жизни: он еще не выделился из нее, не изолировался, он считает себя гораздо сильнее принадлежащим ко всему окружению и даже говорит о себе так, как к нему обращаются другие, — т. е. он не говорит «я хочу», но «Карлхен хочет», — и только позже он учится говорить о себе как о «я». Это факт, который критикуют и порицают современные детские психологи, но который противоречит не истине, а только взглядам современных психологов. Ребенок чувствует себя в первые годы частью своего окружения, его членом. Он начинает изолироваться из этого окружения в качестве самостоятельного существа только с того момента, с которого начинает помнить себя.

Итак, мы можем сказать: то, что человек может воспринимать как законы жизни и что может образовать содержание его сознания, это принадлежит второму периоду его развития, начиная с указанного нами выше момента времени. Первому периоду развития присуще совершенно иное отношение человека к

окружающему миру, иное пребывание в нем, иная связь и непосредственное общение с ним. И то, что должно быть сказано, вы сможете хорошо продумать, если представите себе гипотетически ситуацию, при которой человек сохранил бы в себе то сознание, которое дается в первые детские годы, сохранил бы непосредственное общение и связь с окружающим миром, это осталось бы в нем и в более поздние годы. Тогда человеческая жизнь протекала бы совершенно иначе: человек не чувствовал бы себя таким изолированным, а наоборот — он чувствовал бы себя в более поздние годы членом всего макрокосма, он чувствовал бы себя внутри этого великого мира. Это он утерял. Он не имеет впоследствии связи со всем великим миром и считает себя изолированным в нем. Если он — обыкновенный человек, эта изоляция встает перед ним только абстрактно; она отчетливее входит в его сознание только тогда, когда он все больше и больше вырабатывает в себе эгоизм, когда он хочет, так сказать, отгородиться от всего своей кожей. Наивные люди думают, — и это, конечно, полная бессмыслица, — что человек живет только в границах своей кожи; но ведь в тот момент, когда делается выдох, весь вдохнутый воздух выходит наружу, так что мы уже через вдыхание и выдыхание находимся в постоянном общении со всем окружающим миром. Полной Майей является представление человека о своем собственном существе. Но его сознание сложилось так, что он должен жить в этой Майе. Он не может иначе. Люди в наше время не достаточно зрелы для того, чтобы сознательно пережить свою карму. Если, например, кому-нибудь сегодня выбьют окна, то он воспринимает это (потому что он чувствует себя изолированным существом) как лично ему причиненный вред, и будет сердиться. Но если бы он постиг карму, то чувствовал бы себя принадлежащим всему макрокосму и знал бы, что на самом деле мы сами бьем себе стекла. Ибо человек действительно связан со всем Космосом. И совершенная бессмыслица — думать, что мы замкнуты в оболочке нашей кожи. Но этим чувством связи с макрокосмом обладает только ребенок в первые годы своей жизни; человек теряет его с того момента, с которого начинает помнить себя.

Так было не всегда. В старые времена, которые отстоят, собственно, не так уж далеко от нас, человек обладал определенным сознанием первых детских лет и в более позднее время. Это было во времена древнего ясновидения. Но с этим был связан совсем иной образ мышления и даже изложения фактов. Эту особенность развития человечества должен вполне уяснить себе духовный исследователь.

Когда человек рождается среди нас, то чем же является он тогда для окружающих? Для современного человека он есть главным образом сын своего отца и матери. И если в гражданской жизни он не имеет метрики и свидетельства о крещении, в котором записаны его отец и мать и по которому можно установить его личность, то вообще о данном человеке ничего не знают и даже оспаривают (при известных обстоятельствах) его существование. Таким образом, для современного сознания человек — физический сын своих родителей.

Но люди старого времени, не так уж далеко отстоящего от нас, так не думали. Однако так как современные ученые и исследователи не знают, что люди раньше думали иначе и что в их словах и определениях был совсем иной смысл, то они и приходят к совершенно другому истолкованию старых сообщений. Например, нам сообщают о греческом певце Орфее. Я упоминаю о нем потому, что он принадлежал к эпохе, непосредственно предшествовавшей христианству. Орфей был тем, кто основал греческие мистерии. Греческий период был четвертым в нашей послеплатонической культуре, так что культура Орфея как бы подготовила то, что позже было дано человечеству в Событии Христа. Следовательно, для Греции Орфей был великим подготовителем. Что сказал бы современный человек, если бы встретил такого человека, как Орфей? Он сказал бы: это сын такого-то отца и такой-то матери. И современная наука, может быть, стала бы искать у Орфея «унаследованные признаки». Сегодня уже существует толстая книга, в которой показаны «наследственные признаки семьи Гете»; люди хотят, таким образом, исходя из суммы этих признаков, представить самого Гете. Но так не думали во времена Орфея и не считали самым существенным внешнего, плотского человека и его свойства; в те времена в Орфее считали существенным то, благодаря чему он стал подлинным вождем дохристианской греческой культуры, ибо ясно представляли себе, что то, что жило в нем как физический мозг и нервная система, — существенным в нем не являлось. Существенным в гораздо большей степени считали в нем то, что он нес в себе, в своих переживаниях, — нечто непосредственно происходящее из сверхчувственных миров, то, что затем через него, через его личность, встречалось с чувственным физическим элементом.

Грек видел в Орфее не физическое существо, происходящее от отца и матери, а может быть, и от дедушки с бабушкой: это было для Орфея несущественно и являлось лишь его внешним выражением, оболочкой. Существенным было для него то, что происходило из сверхчувственного и встречалось в нем на физическом плане с чувственным. Поэтому грек говорил себе: когда я вижу Орфея перед собою, то для меня неважно, что он происходит от отца и матери: важно для меня то, что его душевное, благодаря которому он стал тем, что он есть, происходит из сверхчувственного, никогда не имевшего ничего общего с физическим планом, и что на это сверхчувственное в его личности, благодаря тому, чем были уже тогда люди, могло воздействовать чувственно-физическое и соединиться с ним. И поскольку греки считали в Орфее существенным чисто сверхчувственное начало, они говорили: «Он происходит от Музы». Он был сыном музыки Каллиопы; он был не только сыном физической матери, но происходил от сверхчувственного элемента, никогда не имевшего связи с чувственным.

Если бы он был только сыном музыки Каллиопы, то он мог бы выявить только то, что было проявлением

сверхчувственного мира, но он был призван, благодаря своему времени, выразить также и то, что должно было послужить и физическому плану. Поэтому он был не только рупором для музыки Каллиопы, как в прежние времена Риши были только рупором для сверхчувственных миров, но он изживал это сверхчувственное так, что на его переживания оказывал влияние физический мир. Это выразилось в его происхождении от отца Эагра, фракийского речного бога. То, о чем сообщал Орфей, было со стороны отца связано с климатом Греции, с тем, что давала внешняя природа Греции фракийскому богу Эагру.

Это показывает нам, что существенным в Орфее было то, что жило в его душе. Раньше о людях судили на основании именно этого. Их определяли не так, как позже, когда говорили: он — сын того-то или того-то, или: он происходит из того или другого города; но людей характеризовали в соответствии с их духовной ценностью. Очень интересно видеть на примере Орфея, как интимно ощущалась судьба такого человека, который, с одной стороны, происходил от музыки, а с другой — от фракийского речного бога. Такой человек воспринимал уже не только сверхчувственное, как древние пророки, — но и чувственное. Он был уже подвержен всем влияниям, которые оказывал на него чувственный мир.

Мы знаем теперь, что существо человека состоит из различных членов: из физического тела — низшего члена, затем эфирного тела, о котором мы говорили, что в нем кроется другой пол, и затем из астрального тела и «я». Такой человек, как Орфей, прозревает, с одной стороны, в духовный мир, потому что он происходит от музыки (вы знаете теперь, что это значит). С другой стороны, его способности для жизни в духовном мире подавляются, благодаря жизни на физическом плане, благодаря происхождению от отца — фракийского речного бога. Этим и ослабляется его духовная жизнь. Через прежних вождей человечества во вторую и третью послеплатоническую культурную эпоху происходила только передача сообщений из сверхчувственного мира, и дело обстояло таким образом, что они могли воспринимать собственно эфирное тело как нечто отделившееся от физического тела. Когда во времена древних ясновидческих культур, — например, еще даже у кельтов, — человек должен был что-то воспринять из высших миров, чтобы затем передать это людям как откровение, — то он получал это откровение благодаря тому, что его эфирное тело выступало из физического тела. Эфирное тело становилось тогда носителем тех сил, которые нисходили к нему. Если эти ясновидцы были мужчинами, а следовательно, их эфирные тела были женскими, то они воспринимали то, что им передавалось из духовного мира, в женском образе.

Также следует отметить, что Орфей, как сын речного фракийского бога, находясь в общении с чисто духовными силами, мог не удержать того, что ему открывалось через его эфирное тело. И чем больше он вживался в физический мир и выявлял в себе то, чем он был как сын своей страны, тем больше терял свою способность ясновидения. Это представлено в следующих образах: из-за укуса ехидны — то есть из-за присущего ему человеческого начала — у него отнимается Эвридика, — его вдохновительница и невеста его души, которая похищается подземным миром. Он может вновь обрести ее через посвящение, которое затем получает. Всюду, где говорится о нисхождении в подземный мир, подразумевается посвящение. Таким образом, он должен был вновь завоевать свою супругу путем посвящения. Но Орфей уже был слишком связан с физическим миром. Правда, он смог проникнуть в подземный мир, но когда опять поднялся наверх и вновь увидел дневное Солнце, Эвридика вновь исчезла для него. Почему? Потому что когда он увидел дневное Солнце, он совершил нечто такое, чего не должен был делать — оглядываться назад. Это значит, что он нарушил запрет, строго данный ему богом подземного мира. Что же это за запрет? Он состоит в том, что физический человек, каким он живет теперь на Земле, не должен оглядываться назад дальше того охарактеризованного выше момента, где лежат макрокосмические переживания ребенка, которые, проникни они в более позднее сознание, дали бы ему древнее ясновидение. «Ты не должен, — говорит бог подземного царства, — видеть тайны детства, вспоминать о том, что лежит за воздвигнутым порогом». Но так как он делает это, то теряет способность ясновидения.

Таким образом в этой потере Эвридики Орфеем изображается нечто весьма тонкое и интимное. И последствием этого является то, что человек — Орфей — становится жертвой физического мира. Он попадает своим существом, которое еще коренилось в сверхчувственном, в физический мир и становится тем, чем он должен был стать на физическом плане. Из-за этого все силы физического плана наступают на него, и он теряет «Эвридику», свою собственную невинную душу, которую должен потерять современный человек; он потерял ее. И силы, которым он затем отдается, разрывают его. Это — как бы вид жертвы Орфея.

Что же переживает Орфей, стоящий на переходе от третьего послеплатонического периода в четвертый? Он переживает прежде всего то, что обрывает первую ступень сознания ребенка, связь с макрокосмом. Ее нет больше, она не переходит в сознательную жизнь. И человек, каким он тогда является, поглощается, умерщвляется жизнью физического тела, которая начинается, собственно, только с названного периода времени. Представьте себе теперь этого человека, каким он является нам, так сказать, как человек физического плана, который в своем нормальном сознании вспоминает себя до определенного момента времени, — до того момента, перед которым лежат три года детства. Этот человек настолько связан нитью своих воспоминаний с физическим планом, что подлинное существо Орфея не может выдержать своего пребывания в нем и разрывает его. Таков истинный дух человека настоящего времени, — тот человеческий дух, который показывает нам, как глубоко может быть связан человек с материей. Это — тот дух, который в смысле христианства апостола Павла именуется «сыном человеческим». Вы должны усвоить себе это

понятие — «сын человеческий»: это тот, кто находится в человеке с того момента, с которого он помнит себя со всем тем, что может усвоить себе от культуры. Представьте себе этого человека и подумайте затем, чем он мог бы быть благодаря связи с макрокосмом, если бы к нему добавилось все то, что проникает в человека из макрокосма в первые годы детства. В первые детские годы это может быть только основой, так как тогда развитое человеческое «я» еще отсутствует. Но если бы это содержание вошло в развитое человеческое «я», то тогда про-, изошло бы то же самое, что случилось в тот момент, когда на Иисуса из Назарета спустился «Дух свыше» во время Крещения в Иордане: три невинных года развития ребенка слились бы с остальным человеческим в нем. Это прежде всего. А что же было бы следствием этого? Следствием было бы то, что когда эта невинная жизнь ребенка стала бы развиваться на физической Земле, то она могла бы совершать это лишь в течение трех лет, как это и бывает всегда, — и затем нашла бы своей конец на Голгофе, то есть она не могла бы больше сливаться с тем, чем становится человек с того момента, с которого он начинает помнить себя нормальным образом.

Если вы все это продумаете — ситуацию, при которой в человека влилась бы та связь с макрокосмом, которая возникает смутно и сумеречно в первые годы детства, но не может по-настоящему светить в нем из-за того, что ребенок еще не обладает «я»-сознанием, и если вы осмыслите дальше, как все это расцветало бы в более позднем сознании, как нечто образовалось бы и вошло в нас, нечто, происходящее не из человека в нас, но из всей мировой глубины, из которой мы рождаемся, — то тогда вы поймете смысл слов, сказанных по отношению к тому, что изображено в нисхождении голубя. «Это Сын Мой возлюбленный, ныне Я Его явил», «в Котором Мое благоволение». Это значит: Христос воплотился в Иисусе из Назарета, «явился на свет», фактически родился в Иисусе из Назарета в момент Крещения на Иордане.. И Он стоял на высоте того сознания, которым обладают люди в первые детские годы, но обладая при этом всем чувством принадлежности к Космосу, которое должен был бы иметь ребенок, если бы он сознавал все, что чувствует в первые три года жизни. И тогда, конечно, слова: «Я и Отец (космический Отец) — одно» получили бы совсем иное значение.

Если вы дадите всему этому воздействовать на вашу душу, то вы хотя бы немного почувствуете то, что в качестве первого основного элемента выступило перед Павлом в откровении на пути в Дамаск и что выражено в таких прекрасных словах: «Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Эти слова имеют много значений. В частности, и следующее. Павел сказал: «Не я — но Христос во мне», — то есть та сущность, которая обладает таким макрокосмическим сознанием, которым обладал бы ребенок, если бы он мог пронизать сознание первых трех лет сознанием более позднего времени. У современного нормального человека оба эти вида сознания разделены, — должны быть разделены, — т. к. они не вынесли бы друг друга. Так и произошло во Христе Иисусе. После трех лет должна была с необходимостью наступить смерть, — и именно при тех обстоятельствах, как произошло тогда в Палестине. И не случайно сложились они так, но благодаря вживанию друг в друга этих двух факторов: «сына Божия», каким является человек с момента рождения до развития «я»-сознания, и «сына человеческого», каким человек является с момента, когда начинаются воспоминания «я»-сознания. Совместное пребывание Сына человеческого и Сына Божия вызвало те события, которые привели к событию Голгофы.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 28 февраля 1911 г.

Если мы в течение этой зимы будем продолжать наши рассмотрения сообразно с нашей целью, связывая их с Евангелием от Марка, то мы должны понимать эту цель более широко, и тогда, через некоторое время, может быть, обнаружится, почему то или иное рассмотрение, проведенное нами, имеет к ней отношение. Поэтому сегодня мы рассмотрим вопросы, которые как будто довольно далеко отстоят от нашей обычной темы, но очень помогут нам в дальнейшем.

Прежде всего я хотел бы обратить ваше внимание на то, что внешне стоящие люди не могут понять — пока они не ознакомятся более интимно со всей сущностью теософического духовного направления, — именно того, какое значение и какую ценность имеет для людей, не обладающих еще способностью ясновидения, исследование, корни и источники которого лежат в том, что мы можем назвать «ясновидческим исследованием». Можно, конечно, возразить: «Как может возникнуть доверие к духовным истинам у тех, кто еще не может проникать сам в духовные миры?» В таком случае надо все снова обращать внимание на то, что хотя мы не можем видеть в духовных мирах, пока не открылось наше ясновидящее око, но из этих духовных миров все время притекают воздействия и откровения того, что содержится в них. Следовательно, если ясновидческие исследования говорят о том, что человек состоит из четырех членов — из физического, эфирного и астрального тела и «я» — то далеко стоящий от ясновидческого опыта человек может сказать: «Я вижу только физическое тело; как же я могу, прежде чем мне будет дана кармой возможность видеть, например, астральное или эфирное тела, убедиться в том, что говорится об этих высших членах человеческой природы?» (Конечно, при желании можно отрицать все что угодно.) Но последствия процессов, совершающихся в астральном и эфирном телах, человек не может отрицать, они проявляются в человеческой жизни. И я хотел бы вам сегодня показать, для того чтобы вы постепенно поняли строение человеческого существа (об этом говорится по сути в ряде выражений в Евангелиях), как последствия процессов, например, в астральном или эфирном телах обнаруживаются в самой обыкновенной

жизни на физическом плане.

Прежде всего обратим внимание на разницу между человеком, исполненным идеализма, ставящим себе высокие идеалы, — и тем, кто действует только по внешним жизненным побуждениям, то есть ест, когда он голоден, спит, когда ему хочется спать, делает то или иное, когда его толкают на это те или иные страсти или инстинкты. Имеются, конечно, всевозможные промежуточные ступени между этими двумя видами людей. Идеалисты вообще находятся в своеобразном положении по отношению к жизни. Они постоянно убеждаются в том, что в жизни на физическом плане никогда невозможно совершить того, что равноценно нашему высшему идеалу в соответствующей области. В этом идеалисты должны постоянно признаваться: «Я всегда вынужден в своих поступках отставать от моих идеалов». Можно сказать и точнее: идеалисты постоянно думают о своих идеалах, связывают с ними свои ощущения, но все это больше и выше их поступков. Это и отличает идеалиста в духовнонаучном смысле — то, что его мысли больше, шире, чем его поступки. Скажем вполне точно: идеалистом, следовательно, является тот, чьи намерения и мысли больше, чем его возможные поступки на физическом плане.

О том же, кто живет в другом охарактеризованном направлении, мы можем сказать противоположное: его мысли не простираются так далеко, как его поступки. Тот, кто действует, исходя только из инстинктов, страстей, побуждений и желаний, не обладает ни одной мыслью, которая схватила бы все то, что он делает в данный момент, но он совершает такие поступки на физическом плане, которые охватывают вещи и события, о которых он не думает. Таким образом, его намерения, мысли даже меньше его действий и дел на физическом плане.

Ясновидящий скажет вам об этих двух типах людей приблизительно следующее: если мы в жизни совершаем какое-либо действие или работу, которые больше и шире, чем наши мысли, то это действие или эта работа всегда производит отражение в нашем астральном теле. Но вообще все, что мы делаем в жизни, отражается в нашем астральном теле. И мы не можем ничего совершить в жизни, что не оставило бы отражения, — после совершенного действия, — в нашем астральном теле. Это отображение сообщается позже и эфирному телу, и то, как оно сообщается эфирному телу, так оно и запечатлевается в Акаша-Хронике, где ясновидящий может видеть отражение поступков, которые человек совершил в течение своей жизни. И от действий, совершенных из идеализма, тоже остаются отражения в астральном теле, дающие затем отпечаток и в эфирном теле. Но между отражениями действий, совершенных под влиянием инстинктов, грязных страстей и т. п. и отображениями действий, совершенных из идеальных побуждений, есть большая разница: все отражения первого рода вносят в нашу жизнь нечто разрушающее: эти образы и уплотнения нашего астрального тела постепенно действуют на все наше человеческое существо так, что они его, так сказать, медленно съедают. И эти отражения зависят, в сущности, также и от того способа, каким человек медленно поедает сам себя в течение своей жизни, вплоть до своей смерти, — поедает свое существо на физическом плане; тогда как отражения, происходящие из наших мыслей, которые выше и больше наших действий, — имеют нечто оживляющее. Они необычайно благотворны для эфирного тела и вносят постоянно новые животворные силы во все наше человеческое существо.

Итак, по свидетельству ясновидящих, мы носим в нашем человеческом существе на физическом плане разрушающие силы, но и носим в себе также постоянно оживляющие силы. Их действие можно наблюдать в жизни. Так, например, встречаются люди, которые являются ипохондриками, обладающие мрачным темпераментом, не справляющиеся с жизнью собственной души, а эта жизнь души действует в свою очередь на их физический организм. Они становятся боязливыми натурами, и можно наблюдать, как страх, вечно сопровождающий их жизнь, подрывает здоровье их организма вплоть до физического тела. Короче — существуют люди, которые в зрелом возрасте отличаются меланхолическим, мрачным темпераментом и не справляются сами с собой, то есть неуравновешенные люди. Если бы мы проследили причины такого явления, то нашли бы, что эти люди имели мало возможности в более ранние периоды своей физической жизни пережить то, что можно назвать идеалистическим преобладанием мыслей над поступками, то есть когда мысли оказываются больше и выше, чем поступки.

Эти вещи не наблюдаются в обыкновенной жизни, но их последствия выступают очень ярко. Последствия налицо, и многие чувствуют их очень сильно — как свое настроение в жизни, как настроение души и как физическое недомогание. Итак, можно отрицать астральное тело, но его воздействия отрицать нельзя, так как последствия этих воздействий отчетливо переживаются. И когда в жизни обнаруживается подобное, то людям следует понять, что не так уж глупо говорить об этих вещах в подтверждение того, что хотя наблюдения сверхчувственных событий доступны только для ясновидящих, но проявления ясновидчески наблюдаемых фактов всегда можно показать в жизни, вплоть до проявлений в глубине физического организма. Но эти зависимости замечаются только тогда, когда наблюдают за жизнью в течение долгого времени, а не берут во внимание лишь короткие отрезки жизни. Ошибка многих научных рассматриваний заключается в том, что часто определяют действие чего-либо, принимая во внимание только последние пять лет, тогда как действия многих вещей нередко обнаруживаются только спустя десятилетия.

Подумайте о том, что существуют не только люди с чисто идеалистической натурой, которые своими мыслями уходят далеко за пределы отдельных переживаний, и не только те, чьи мысли остаются далеко позади их поступков и переживаний. Мы все имеем множество переживаний, которые с большим трудом можно охватить мыслями. Например, еда и питье — это то, что совершается ежедневно из побуждения, из

инстинкта; и пройдет много времени, пока проходящий духовное развитие приобщит и эти вещи к духовной жизни. Именно самые обычные, повседневные вещи труднее всего втягиваются в духовную жизнь; ибо пищу и питье мы только тогда включим в духовную жизнь, когда будем в состоянии проследить, почему для служения общему ходу жизни мы должны ритмично принимать в себя физические вещества, в каком отношении к духовной жизни стоят эти вещества и каким образом обмен веществ является не только чем-то физическим, но и благодаря своему ритму чем-то духовным.

Безусловно, имеется путь постепенного одухотворения вещей, вызванных только внешней, материальной необходимостью, ибо у нас есть возможность рассматривать эти вещи так, чтобы можно было сказать: мы едим тот или иной плод, и благодаря духовным познаниям всегда можно составить представление о том, как, например, яблоко или какой-нибудь другой плод связаны со всем миром. Но это приходит не скоро. Затем мы приучаем себя видеть в еде не просто материальный факт, но привыкаем обращать внимание, например, на то, какое отношение имеет дух к созреванию плода под лучами Солнца. Таким образом мы одухотворяем также и материальные процессы и получаем возможность проникать нашими мыслями даже в них. Я могу здесь лишь указать на тот способ, каким мысли и идеи могут быть внесены в эти процессы. Но это долгий путь, и мало людей могут в нашу эпоху придти к правильному воззрению на еду.

Итак, мы должны утверждать не только то, что одни люди совершают идеалистические, а другие — инстинктивные поступки: у каждого человека жизнь делится так, что он совершает часть своих действий таким образом, что его мысли не поспевают за действиями, а в другой части жизни мысли и идеалы имеют больший объем, чем его действия. Поэтому мы носим в себе некие силы, которые понижают нашу жизнь и работают над тем, чтобы наш физический организм постепенно, благодаря внутренним причинам, созрел, так сказать, навстречу смерти, — тогда как другие силы оживляют наши астральное и эфирное тела. Эти силы постоянно вспыхивают и светят в астральном и эфирном телах, как новый свет. Они таковы, что действительно остаются в эфирном теле как оживляющие импульсы. Когда после смерти наша духовная сущность покидает свои оболочки, то мы еще сохраняем в первые дни после смерти эфирное тело и благодаря этому получаем обзор всей своей жизни. И лучшее, что остается нам как нечто внутренне создающее, это оживляющие силы, которые возникают благодаря тому, что наши мысли превышают возможности наших действий. Это нечто такое, что действует и после смерти: эти оживляющие силы сохраняются даже для следующей инкарнации.

Поэтому мы можем сказать: те оживляющие силы, которые мы сами себе прививаем, остаются в эфирном теле. Как пребывающая сила юности. И если мы не можем благодаря ей продлить нашу жизнь, то все же мы можем так построить нашу жизнь, чтобы она оставалась дольше юношески свежей, совершая поступки, в которых наши мысли выходили бы за пределы действий.

Получить идеалы, превосходящие поступки возможно, если обратиться к духовной науке, которая введет нас в сверхчувственные миры. Когда, например, мы узнаем из духовной науки о развитии человека, то такие сведения возбуждают силы в высших членах нашего существа и сообщают нам самый конкретный и нужный в наше время идеализм. Если речь идет о вопросе: «Для чего — наряду со всем прочим — особенно нужна духовная наука?» — мы можем сказать: она вливает юные, плодотворные силы в наши астральные и эфирные тела.

Люди по-разному относятся к тому, что мы называем духовной наукой не потому, что они лишены ясновидения, но потому, что они не хотят быть наблюдательными во внешней жизни; иначе они увидели бы, насколько многообразно — даже в самом организме — выявляется то, что мы называем духовно-душевым человеком. В этого душевно-духовного человека современные материалисты не хотят верить; они верят только в физического человека — и становятся благодаря этому особенно материалистическими по отношению к физическому человеку. Под «материалистами» понимают часто только теоретических материалистов, верящих только в материю. Но я часто отмечал: эти теоретические материалисты еще не самые худшие. Ибо таким материалистом может быть и тот, кто черпает свои понятия только из рассудка, а эти понятия — самые близорукие. Поэтому материализм, основывающийся только на разуме, не может быть особенно вредным. Но там, где он подкрепляется чем-то другим, он может принести большой вред для всей жизни, и особенно когда человек всем своим внутренним духовным, сущностным ядром привязан к своей плоти, к своему материальному существу.

И как сильно привязано человечество в нашу эпоху к материи! Существование теоретических материалистов является соблазном в области мысли и чем-то фатальным по отношению к тому, что должно формировать наши души; но особенно сильно влияют многочисленные материалисты на жизненную практику. Чем является материалист для жизненной практики? Это — человек, настолько зависящий от своей физической материи, что он может провести зиму — несколько месяцев — в своей конторе, а летом он непременно должен быть на Ривьере, если он хочет поддерживать свою жизнь. Он целиком зависит от материального воздействия, от материальных комбинаций. Таковы материалисты в жизненной практике. Материалистом становятся из-за того, что целиком зависят от материального и считают нужным в своей душе гнаться за всеми потребностями, диктуемыми жизнью. Но это совсем иной материалист, чем тот, который живет в материализме только своими мыслями и идеями. Теоретический идеализм может привести к убеждению, что теоретический материализм есть нечто неправильное; но вылечить от практического

материализма, исцелить нас от нашей зависимости от материи физического тела может только настоящее углубление в духовную науку.

Если бы люди только захотели мыслить, — т. е. брать мысли не только из рассудка, но также извлекать их из действительности, из самых будничных фактов, они могли бы заметить, например, что имеется большая разница между отдельными членами человеческого существа. Я хочу указать вам, во-первых, на разницу между руками и какой-либо другой частью человеческого тела, например, плечами. Если мы исследуем физического человека только внешне, то мы получим физическое различие, например, в нервных процессах и т. п. Но ведь следует подумать о том, что мы можем оказывать известное влияние на эти нервные процессы. Если бы один только нервный процесс имел решающее значение для души, то мы зависели бы только от материальных воздействий, так как нервный процесс оказывает только материальное действие. Но это вовсе не так: мы можем оказывать влияние на нервный процесс, и притом самое различное, — благодаря тому, что способы действия нашего астрального и эфирного тела, — то есть духовно-душевных частей человека, — бесконечно разнообразны. Мы не можем просто сказать: «Твое физическое тело пронизано астральным и эфирным телами», но надо уточнить, имеем ли мы в виду, например, ту их часть, которая заполняет руки, или ту, которая заполняет плечи и т. п. Эти различные духовные части действуют по-разному, и в этом легко убедиться. Только надо понимать, что все совершающееся в жизни соответствует необходимости и что нельзя проследить это свершение при отсутствии мыслей. Если какое-то движение воздуха происходит не так, как нужно, то физик с помощью своих законов может выяснить, почему воздух движется именно в данном направлении. Но почему люди не задумываются над тем, какое огромное значение имеет в жизни тот факт (это обстоятельство может показаться странным, но именно в наших повседневных явлениях оправдываются сообщения ясновидцев), что человек в жизни чаще всего моет руки, а не какую-либо другую часть своего тела. И это — факт. И фактом является также то, что одни люди часто и охотно моют руки, а другие делают это менее охотно. Такой факт, кажущийся довольно тривиальным, в действительности связан с высшими познаниями. Когда ясновидящий рассматривает руки людей, то он видит, насколько они отличаются от всех других членов тела, даже от лица. Из пальцев исходят и распространяются далеко в окружающем пространстве лучистые образования эфирного тела, которые то неясно, слабо светятся, то ярко простираются в пространстве. И смотря по тому, радостен или печален человек, — его пальцы излучают сияние по-разному; причем верхняя часть кисти иначе излучает сияние, чем внутренняя часть — ладонь. Для того, кто умеет наблюдать духовно — рука с ее эфирной и астральной частью является совершенно чудесным образованием. Но все в нашем окружении, даже если это материя, является откровением духа. Нужно представлять себе материальное по отношению к духовному, — как лед по отношению к воде: оно выделилось из духовного, и вы можете назвать его уплотнившимся духом. И если мы вступаем в отношение с какой-то материей, мы вступаем в отношение с духовным в ней. Всякое соприкосновение с материей на самом деле, — поскольку это соприкосновение материально, — является майей. В действительности мы вступаем при этом в какие-то отношения с духом.

И способ, каким мы вступаем в отношение с духом в воде, когда мы моем наши руки, такой, что придется сказать (при умении тонко и чутко наблюдать жизнь), что на общее настроение человека имеет большое влияние тот факт, как часто он моет руки. Имеются натуры, любящие мыть руки: они совершенно не в состоянии терпеть какую-либо грязь на своих руках и должны ее смыть. Такие натуры имеют или могут иметь известные отношения к своему окружению. Эти отношения не ограничиваются только материальным, но некие тонкие силы в материи начинают действовать на человека, когда он устанавливает описанные отношения между своими руками и элементом воды. Такие люди оказываются в жизни чувствительными натурами в здоровом смысле слова: например, они точнее различают, какие люди находятся около них — с грубыми чувствами или с доброй душой. Люди же, переносящие грязь на своих руках, являются в жизни более грубыми натурами; они как бы воздвигают стену между собой и интимными отношениями со своим окружением. Это так, — и вы можете при желании это сами наблюдать этнографически. Попробуйте наблюдать людей, странствуя по свету, и вы сможете сказать: «Там-то и там-то больше моют руки». Исследуйте отношения между людьми: насколько иначе относятся друзья и знакомые друг к другу в местностях, где чаще моют руки, по сравнению с теми областями, где люди воздвигают стены между собой благодаря тому, что моют руки гораздо реже.

Эти вещи — те же законы природы. Но измененные условия могут их скрывать. Если мы бросим камень в воздух, то линия его падения образует параболу. Но если порыв ветра подхватит камень, то парабола исчезнет. Нужно знать методику, чтобы правильно наблюдать известные отношения. Но откуда это вытекает? Это вытекает из того, что ясновидящему сознанию открывается, как тонко духовно-душевное пронизывает руки. Устанавливается даже особое отношение воды к рукам, причем уже в меньшей степени это имеет место по отношению к лицу и еще в меньшей — для остальных частей поверхности человеческого тела. Но, конечно, это не следует считать за желание создать оппозицию по отношению ко всякому мытью или купанию: это просто должно пролить свет на соответствующие отношения.

Это — доказательство того, что духовно-душевное существо человека находится в разных отношениях с его физическими членами и выявляется в них различно. Вряд ли может случиться так, что кто-нибудь повредит своему астральному телу тем, что будет слишком часто мыть руки. Это надо принять во внимание со всей серьезностью. Справедливо то, что на отношения, возникающие между человеком и его окружением,

— именно, на отношения между астральным телом человека и его окружением, — воздействует здоровым образом отношение рук к воде. Поэтому в этой области не легко впасть в преувеличение. Но если мыслить материалистически и всеми своими мыслями прикрепиться к материи, то придется сказать: «Что хорошо для рук, то хорошо и для остального тела», и этим уничтожить тонкие различия в этих понятиях.

И следствием этого зачастую является то, что с человеческим телом обращаются одинаково при всех условиях. Так, например, рекомендуется в качестве известного метода лечения активно производить холодные обтирания и омовения уже с детского возраста. Но, к счастью, медики убедились, что эти методы в отношении их последствий для нервной системы доведены до бессмыслицы. Благодаря тому, что существует особое отношение между астральным телом и руками, то, что никогда не будет достаточно для рук, может стать вредным экспериментом там, где физическое тело находится в совершенно иных отношениях к астральному телу. Поэтому если благодаря мытью рук вызывается здоровая чувствительность по отношению к окружению, то злоупотребление лечением холодными обтираниями может вызвать нездоровую сверхчувствительность и т. п., которая часто, особенно если это лечение применялось в детском возрасте, остается на всю жизнь. Поэтому важно всюду знать границы, а их можно узнать, только признав, что в физическое тело проникают высшие члены человеческого существа. Тогда будут знать также, что органы, расположенные в глубине физического тела, служащие орудиями нашего физического тела, совершенно особым образом снабжаются духовно-душевной субстанцией. Тогда придется признать, что все, имеющее характер желез, является главным образом орудием эфирного тела, а все, относящееся к нервной системе, — например, мозг, — находится в интимной связи с астральным телом.

Люди никогда не смогут понять, почему существуют определенные явления, если они не примут во внимание этих вещей. Прежде всего материалисты заблуждаются в том, что они во всем принимают во внимание только орудие, действующий орган. Все, что мы переживаем, — мы переживаем в душевном, а то, что мы осознаем эти переживания, зависит от того, что мы должны получать в физическом теле отражение этих вещей; в отношении того, что ему передается, наше физическое тело является только орудием. Это, конечно, ясно для духовного исследователя. Но физическое тело выявляется как орудие различным образом. Укажу лишь на одно — на совершенно своеобразное значение нашей щитовидной железы.

Вы знаете, что щитовидную железу считали органом, не имеющим никакого значения, и ее удаляли при заболевании; следствием этого было то, что данные люди впадали в идиотизм. Но если оставляли хотя бы часть ее, то эта опасность в основном устранялась. Это показывает, что секреция щитовидной железы необходима для развития известных сторон душевной жизни. При этом имеется следующая особенность: если вводить секрецию щитовидной железы овцы людям, потерявшим свою щитовидную железу, то идиотизм уменьшается и немного излечивается, но как только прекращается лечение, больные снова впадают в него.

Материалист мог бы сделать для себя из этого многие выводы; но только духовный исследователь сумеет оценить эти вещи правильным образом. Истинный факт заключается в том, что мы имеем дело с органом, продукт которого мы можем непосредственно вводить в наш организм, где он и действует. Так бывает со всеми органами, интимно связанными с нашим эфирным телом, так что мы можем сказать: нечто подобное тому, что совершается со щитовидной железой, возможно только там, где имеется определенное отношение к эфирному телу. Но там, где есть такое же отношение к астральному телу, это уже невозможно. Я был знаком с не слишком способными людьми, кушавшими овечьи мозги, но они не стали умнее благодаря этому. Это опять указывает на различие между отдельными органами. Это различие столь значительно потому, что одна группа органов имеет интимное отношение к эфирному телу, а другая — к астральному. В этом открывается для духовного рассмотрения еще нечто особенное.

Конечно, кажется странным то, что человек глупеет, если у него нет щитовидной железы, и что он опять становится умным, если ему вводят секрецию щитовидной железы. Это кажется странным, потому что непонятен факт влияния всего этого на мозг. Здесь вы опять имеете один из случаев, когда внешнее человеческое наблюдение должно быть приведено к духовнонаучному способу наблюдения. Ибо духовная наука показывает, что человек вовсе не становится глупым, когда удаляется его щитовидная железа. «Однако, — скажете вы, — факты же показывают, что человек глупеет!» Но в действительности люди становятся идиотами не потому, что они не могут мыслить, а потому, что они теряют возможность иметь орган для внимания к своему окружению. Они становятся идиотами не из-за отсутствия разума, а из-за того, что они делаются тупыми по отношению к окружающему. Но стать тупым — это совсем другое, чем потерять разум. Не развивать разума — это еще не значит потерять его, — это лишь потеря внимания. Если вы не думаете о предмете, то вы не можете и высказаться о нем: вы должны сперва подумать, чтобы стать в известное отношение к предмету. Участие, живой интерес к вещам уничтожается, когда удаляют щитовидную железу. Люди делаются безучастными, — и в такой степени, что они не могут применять свой разум.

Таково тонкое различие между применением одного органа к разуму, — в случае частей мозга, — и другого органа, имеющего дело с железой, — с щитовидной железой. Таким образом мы можем осветить те способы, какими наше физическое тело становится орудием, и благодаря этому мы сможем, — если будем внимательны, — отличать различные части человеческого существа.

Также и о нашем «я» мы можем сказать, что оно по-разному проявляется в его отношениях к

окружающему миру. Здесь нужно обратить внимание на такие вещи в отношении «я», о которых я говорил уже и с других точек зрения, а именно: человек как бы входит все больше и больше своим «я» в себя самого, пытаясь воспринять самого себя, — или же, напротив, он больше отдается внешнему миру и пытается установить связь с ним. Мы осознаем известным образом наше «я», погружая взор внутрь себя, когда мы имеем повод подумать о том, что нам дает жизнь и что она от нас отнимает и т. п. Тогда мы осознаем наше «я». Или же осознаем его, вступая в соприкосновение с внешним миром, — например, натолкнувшись на камень. Или когда не можем решить какую-нибудь задачу, мы также осознаем наше «я», которое в данном случае бессильно по отношению к внешнему миру. Короче: мы можем осознать наше «я» через нас самих или же через внешний мир. И совершенно особым образом мы осознаем свое «я», когда наступает то магическое отношение к людям или к окружающему миру, которое мы называем сочувствием. Здесь особенно выявляется то, что от души к душе и от духа к духу изливается некое магическое действие. Мы ощущаем тогда мировые события — то, что чувствуется и продумывается в мире, — как нечто происходящее в нас самих; то есть мы еще раз переживаем в себе самих нечто духовно-душевное, происходящее вовне. Тогда мы действительно погружаемся в наше внутреннее, так как сочувствие — это внутреннее, душевное переживание. И если наше «я» еще не вполне зрело для этого переживания и ему необходимо укрепиться в самом себе, то это выражается душевно — в печали, а физически — в слезах. Печаль — это переживание души, благодаря которому «я» чувствует себя крепче по отношению к внешнему переживанию, чем оно чувствовало бы себя, оставаясь безучастным. Печаль повышает содержание, интенсивность «я», а слезы — это лишь выражение того, что «я» в этот момент действительно совершает усилие, чтобы пережить внутренне нечто большее, чем то, что переживается при безучастности. Поэтому мы должны поражаться поэтической фантазии молодого Гете, глубоко связанной с мировыми тайнами: он доводит слабость Фауста по отношению к его «я» до того, что Фауст хочет погасить свое «я» физически, то есть приближается к самоубийству; но в этот момент начинается звон пасхальных колоколов, и при их звуках «я» Фауста начинает укрепляться; это выражается в том признаке, который обычно является знаком печали: «Я слезы лью, мирюсь я с жизнью земной!» Это значит: то, что принадлежит Земле, окрепло, когда слезы увлажнили глаза. Мы видим здесь внутреннее возрастание интенсивности «я», выраженное в слезах.

В том же, что мы знаем как смех и веселость, мы опять-таки имеем нечто связанное с силой или слабостью нашего «я» в его отношении к внешнему миру. Веселость или смех означают, что наше «я» чувствует себя более крепким в отношении познания и понимания вещей и событий. В смехе наше «я» стягивается и усиливается так, что оно легко изливается в свое окружение. Это выражается в веселости, в том, каким образом мы веселимся. С этим связано то, что печаль по существу такова, что здоровый человек хочет, чтобы поводом к ней служила подлинная действительность. То, что в этой действительности побуждает нас к сочувствию, благодаря чему наше «я» укрепляется в его внутренней деятельности, настраивает нас на печаль. Но если печаль опирается на то, что не действительно, а является лишь художественным изображением, тогда здоровый человек чувствует, что ему необходимо еще нечто иное, чтобы противостоять действию печали. Он чувствует, что к тому, что его настраивает печально, необходимо еще добавить как бы предчувствие возможности победы над тем, что настраивает нас печально. (Сегодня надо только указать на это обстоятельство, чтобы при случае разъяснить его дальше.) Здоровая душа чувствует в себе стремление подняться, наполниться силой по отношению к горю. И только не совсем здоровая натура вступит в такое отношение с этим «подражанием горю», что в ней не будет перспективы победы над этим горем. Поэтому мы требуем от драмы, чтобы в ней для личности, впавшей в несчастье, существовала перспектива одержать победу. И эстетика не может произвольно требовать, чтобы изображались только повседневные элементы жизни; очевидно, что человек, следуя своей здоровой природе, не справится, так сказать, со своим «я», если он будет стоять только перед изображением несчастья. Нужна вся мощь действительности, чтобы наше «я» стало собранным и поднялось до сочувствия.

Почувствуйте в своей душе, что дело обстоит иначе по отношению к комическому, действующему в нашем окружении. Человек, который может смеяться над подлинной глупостью, является в известном смысле чудовищем. Над глупостью, которая выступает в действительности, мы не можем смеяться. Но очень хорошо посмеяться над глупостью, которую изображают. И было здоровым, исцеляющим народным средством, когда в шуточных пьесах и комических постановках показывали людям, как глупость человеческих поступков сама себя приводит к абсурду. Когда наше «я» побуждают в смехе подняться над тем, что в целом является глупостью, то оно поистине укрепляется при виде художественно представленной глупости, и нет более здорового смеха, чем смех, вызванный художественным изображением глупости, — тогда как бесчеловечно смеяться над тем, что случается с нашим ближним, или над настоящим глупцом. И поэтому нужно учитывать различные закономерности, чтобы подобные вещи действовали правильно в качестве представлений.

Если мы хотим укрепить наше «я» сочувствием, то мы можем это сделать в особенности тогда, когда факты, вызывающие сочувствие, выступают перед нами в действительности. Наоборот, будучи здоровыми людьми, мы требуем от изображаемого несчастья ощущения возможности победы над ним. И когда в умирающем герое трагедии искусство изображает нам смерть, мы чувствуем, что в этой смерти символически изображается победа духа над телесностью. Но дело обстоит иначе, когда мы приводим свое «я» в соотношение с внешним миром. Тут мы ощущаем, что мы, собственно, не можем правильным образом

пережить веселость или смех по отношению к действительности, но что смешно преимущественно то, что более или менее удалено от действительности и не имеет к ней отношения. Когда с человеком случается несчастье, которое не приносит ему большого вреда и находится в малой связи с действительностью жизни, — то мы можем посмеяться над его несчастьем. Но чем в большей степени то, что мы переживаем, имеет отношение к действительности, тем меньше можем мы смеяться, если мы поднимаемся до понимания свершившегося.

Из этого мы видим, что наше «я» по-разному относится к различным фактам действительности. Но это различие в фактах также показывает нам, что всюду наличествует связь с самым великим. Из многих лекций мы знаем, что в древнем посвящении имелись два различных пути достижения духовного мира: один путь — это погружение в свое внутреннее существо, микрокосм, и другой путь — жизнь вовне, в макрокосме, в великом духовном мире. Все, что изживается в великом, обнаруживается и в самых малых вещах: способы погружения человека в свое внутреннее существо в повседневной жизни проявляются в виде различных печалей; а способ, каким человек изживает себя во внешнем мире, обнаруживается в способности понимать связь таких событий, которые в жизни воспринимаются несвязанными между собой. И в этом обнаруживается превосходство нашего «я». Мы знаем, что только то «я», которое не теряет себя, можно вести путем посвящения, направленным во внешний мир; иначе оно теряет себя и может быть приведено не во внешний мир, а в ничто.

Итак, самое малое связано с самым великим. И поэтому в духовной науке столь часто поднимавшей нас в высшие сферы, мы обращаемся также и к повседневной жизни. В следующий раз мы попробуем воспользоваться тем, что охарактеризовали сегодня, обратившись к высшим сферам.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 7 марта 1911 г.

Если мы будем рассматривать Евангелия с помощью духовной науки, то убедимся на опыте, что из Евангелий звучат нам навстречу величайшие переживания. И можно сказать, что люди только тогда получают представление о том, что вошло в Евангелие от духовных переживаний их авторов и переписчиков, когда духовная наука станет более популярной, чем теперь. Многие станут известны из Евангелий, о чем не говорится в них прямо и что выясняется только тогда, когда все четыре Евангелия сопоставляются и сравниваются между собой. Тогда многое может броситься в глаза.

Я хочу прежде всего обратить внимание на то, что в Евангелии от Матфея повествованию об импульсе Христа предшествует история детства, начинающаяся с истории древнееврейского народа, соответственно, с истории его родоначальников; то есть в Евангелии от Матфея повествование об импульсе Христа доходит только до начала древнееврейского народа. Следовательно, мы узнаем из этого Евангелия, что носитель Сущности Христа происходит из древнееврейского народа. Если мы затем переходим к рассмотрению Евангелия от Марка, то импульс Христа выступает нам навстречу непосредственно. Все, что касается истории Его детства, оставлено без внимания. После того как наше внимание было обращено на то, что через Иоанна Крестителя говорит великий провозвестник импульса Христа, Евангелие от Марка переходит к описанию Крещения от Иоанна на Иордане. Затем в Евангелии от Луки мы опять изучаем историю детства, но на этот раз она простирается до начала человечества на Земле. И тем, что происхождение Иисуса из Назарета возводится вплоть до Адама и говорится о том, что Он был сыном Адама — «Сыном Божиим», нам ясно указывается, что человеческое в Иисусе из Назарета идет от того момента, когда человек впервые образовался из Божественно-духовных сущностей. Итак, Евангелие от Луки нас доводит до того момента, когда человек еще не является физически воплощенным земным существом, но есть духовное существо, вышедшее из лона Божественной духовности. Затем в Евангелии от Иоанна нас ставят перед великим событием так, что мы без истории детства, без упоминания о судьбе Иисуса из Назарета сразу и в особенно глубоком смысле приводимся в Существо Христа.

В ходе духовнонаучного развития мы в последние годы вступили на определенный путь рассмотрения Евангелий, причем подошли сперва к Евангелию, дающему высочайшие прозрения при рассмотрении чистой духовности Христа, — к Евангелию от Иоанна. Затем мы рассмотрели Евангелие от Луки, чтобы показать, как представлено это высочайшее духовное начало, изживающее себя в человеке: прошлое этого человека прослеживается вплоть до того момента, когда он как земной человек появляется из Божественности. Далее мы рассмотрели Евангелие от Матфея, чтобы понять импульс Христа как происходящий из древнееврейского народа. И Евангелие от Марка мы приберегли напоследок. Почему мы сделали это? Чтобы правильно это понять, мы должны связать то, к чему мы приобщились в последнее время в области духовной науки, с тем, что знакомо нам еще с давних времен и с тем, что является новым для нас. Поэтому в последней лекции обращалось внимание на многие факты человеческой жизни, обусловленные строением человеческого существа, и сегодня мы еще раз произведем подобные наблюдения. Это введение вновь укажет нам на подробности развития человека. Ибо для человечества становится насущно необходимым, чтобы условия развития человека не только познавались, но и выполнялись.

В будущем человек захочет быть еще более индивидуальным и самостоятельным. Вера во внешние авторитеты все сильнее будет заменяться авторитетом собственной души. Таков необходимый ход развития. Но чтобы этот ход развития принес добро и благословение, человек должен познать свою собственную

сущность. Пока еще нельзя сказать, чтобы современное человечество особенно продвинулось в отношении оценки и познания человеческой сущности. Что совершается теперь наряду с многим другим в нашей современной истории? Конечно, в наше время имеется множество всевозможных программ, всяких идеалов и многого другого, что называют подобным же образом. Можно, пожалуй, сказать: не только каждый второй, но вообще всякий человек желал бы выступить сегодня, как некий маленький Мессия, со своим собственным идеалом, — желал бы создать из собственных головы и сердца идеальный образ того, что должно послужить человечеству на пользу и благословение. Нет недостатка также и во всяких союзах и обществах, основанных для того, чтобы ввести то или другое начинание, которое люди считают самым необходимым в наше время. Программ и идеальных требований теперь в изобилии; есть вера в них, а сила убеждения у тех, кто устанавливает эти программы в наше время, возросла до такой степени, что вскоре возникнет необходимость в церковном соборе, который будет утверждать непогрешимость каждого человека. Все это создает картину, глубоко характерную для нашего времени.

Духовная наука не препятствует думать о будущем; но существуют основные условия и законы, о которых нельзя безнаказанно забывать, если мы хотим достичь чего-то в смысле правильных импульсов. Ибо что делает современный человек? Он советуется с самим собой: в его душе встает тот или иной идеал, и он считает себя способным проводить этот идеал в действительность в самых широких кругах. При этом не думает о том, что, может быть, еще не пришел момент для осуществления этого идеала в действительности, что созданный им идеальный образ является лишь карикатурой, и может быть только достаточно отдаленное будущее даст возможность созреть этому идеалу. Короче говоря, теперь человек с трудом может понять, что каждое событие должно быть подготовлено и каждое событие должно совершиться в определенный момент времени, обусловленный общими макрокосмическими отношениями. Современный человек с большим трудом усваивает это. Но таков общий закон для каждого человека и для всего человеческого рода. Мы можем познать этот закон также и для отдельного человека, если будем рассматривать жизнь с точки зрения духовнонаучного исследования. Здесь мы остановимся на самом малом, близко нас касающемся, родившемся из нашей собственной души.

Я не хочу здесь высказывать общие мысли, но буду больше придерживаться наблюдения. Допустим, что кто-то принял со всею интенсивностью некую идею и воспламенился ею; эта идея принимает в его душе определенный образ, и он проникается желанием осуществить ее так или иначе. Итак, предположим, что идея возникла в его голове, ее импульсом оказалось затронуто и сердце, тогда современный человек не может больше ждать и принимается за осуществление идеи.

Предположим, что идея незначительна и касается только каких-либо сообщений о научных или художественных фактах. Вынесет ли оккультист, знающий законы развития, такую едва возникшую идею тотчас в мир? Оккультист знает, что первое появление этой идеи есть только начало ее жизни в человеческом астральном теле. Внешне это можно наблюдать по тому энтузиазму, какой она вызывает в нашей душе. И она есть сила в нашем астральном теле. Но, как правило, если человек не даст идее на этой стадии спокойно жить в своей душе, а понесет ее сейчас же навстречу людям или миру, это принесет ему несчастье. Идея должна сначала пройти совершенно особый путь. Она должна глубоко охватить астральное тело, а затем, как отпечаток в сургуче, запечатлеться в эфирном теле. Если эта идея незначительная, то этот процесс может протекать, например, в течение семи дней. Но такой промежуток времени необходим. Если же человек бурно выступает со своей идеей, то всегда есть тенденция не заметить нечто важное — а именно, то, что через семь дней наступает совершенно определенное переживание очень тонкого свойства. При внимании к таким вещам можно заметить и это переживание. Если же бурно выступать со своей идеей и говорить себе: «Выходи с ней в мир» — то последствием этого будет то, что душа вовсе не станет принимать в расчет того, что происходит на седьмой день. При незначительной идее на седьмой день всегда возникает ощущение, что не знаешь, как поступить, — идея как бы исчезла из души; человек становится внутренне беспокойным, даже мучается, проникнутый всевозможными сомнениями, потому что он полюбил эту идею, хотя она и мучает его. Энтузиазм превратился в интимное чувство любви. Теперь эта идея находится в эфирном теле.

И вот, чтобы созреть дальше, она должна охватить внешнюю астральную субстанцию, которая всегда окружает нас. Она должна перейти из нашего астрального тела в эфирное, а оттуда — во внешнюю астральность. И на этот путь ей опять-таки нужно семь дней. Если человек подготовлен так, что он не скажет себе: «Идея начинает нас мучить — прогоним ее!», а наоборот, если он следит за ходом жизни, то он заметит по прошествии этого времени, что наступило нечто такое, что можно выразить приблизительно так: пришло внешнее понимание и сочувствие для твоей идеи, когда можно сказать себе: «Хорошо, что ты подождал четырнадцать дней, так как теперь ты уже не один со своей идеей; макрокосм как бы инспирирует тебя, и в твою идею проникает нечто из внешнего мира». И затем ощущаешь себя связанным со всем духовным миром, который, если ты несешь ему что-либо навстречу, — в свою очередь несет нечто и навстречу тебе. Это чувство, приносящее блаженство, появляется через промежуток времени в две недели (два раза по семь дней).

Но затем эта идея должна пройти обратный путь, — а именно, путь из внешней астральности в эфирное тело. После этого мы ощущаем ее уже достаточно самостоятельной, и возникает большое искушение передать ее миру. Но мы вновь должны приложить все силы, чтобы удержаться от этого, так как

теперь существует опасность, что идея, покоящаяся еще в эфирном теле, выступит в мир холодной как лед. Если же мы подождем еще семь дней, то эта «холодная» идея поднимется в астральное тело, будет пронизана его теплом и получит личный характер; мы сможем тогда передать миру как свою собственность то, что было рождено и освящено богами. Через эти последние три стадии должен пройти каждый импульс, который мы чувствуем в своей душе, чтобы созреть в нас. Все это относится к незначительным идеям.

Для идеи же более значительной нужны более длительные сроки, но всегда тоже протекающие в ритме семи. Уже не недели, но месяцы, а затем годы образуют этот ритм, так что мы имеем промежутки в семь недель, а затем в семь лет.

Из этого мы видим, что дело не только в существовании импульса в душе, как это думает современный человек, но в том, что нужно обладать способностью терпеливо вынашивать этот импульс, дать ему креститься от Мирового духа и тогда только изживать его в зрелом состоянии. Можно было бы указать еще на другие такие же законы, так как то, что называют развитием души, подчинено ряду подобных закономерностей. Так, например, если в один прекрасный день мы почувствуем себя совсем особенным образом (это бывает в разные дни человеческой жизни, — Мировой дух покровительствует тебе сегодня, в тебе встают идеи!), — тогда правильно будет реагировать на это не бурно, но осознать, что через 19 дней в душе обнаружится некий процесс оплодотворения. Короче говоря, в развитии человеческой души много таких закономерностей. Но теперь человек имеет — и слава Богу! — сильное инстинктивное чувство, не позволяющее преувеличивать эти вещи, но и не оставлять их без внимания. Он так и делает, — особенно те люди, которые призваны образовать в себе нечто высшее и дать ему созреть. Они обращают на это внимание, даже не зная этих законов. И легко показать, как художественные натуры обнаруживают в своем творчестве известную ритмичность и периодичность в днях, неделях, годах и т. д. Легче всего это можно показать на самых известных художниках, — например, Гете. В его душе нечто пробуждается, созревает только после 7 лет, повторенных 4 раза, и выступает тогда в совершенно другом образе, чем возникло вначале.

Можно было бы сказать, следуя склонностям нынешнего времени: «Да, мой дорогой духовный исследователь, такие законы, может быть, и существуют, но зачем человеку заботиться о них? Ведь инстинктивно он все равно будет их соблюдать!» Эта фраза была справедлива для прошлого. Но так как люди становятся все более и более самостоятельными и все больше прислушиваются к собственной индивидуальности, то они должны также научиться развивать в себе внутренний календарь. Как люди имеют внешний календарь, имеющий такое большое значения для внешних событий, так в будущем человек, когда его душа вырастет в своей интенсивности, сможет ощущать, например, внутренние недели», поднятие и падение чувства жизни и внутренние воскресения. Ибо человечество идет вперед к внутреннему углублению. Много из того, что человечество раньше переживало при устройении внешней жизни по законам числа, — и чем дальше мы уйдем в будущее, тем больше человек будет переживать внутренне — как воскресение макрокосма в душе. Для него станет осознанным долгом не вводить в человеческое развитие беспорядок и шумиху, нарушая извечные законы развития души. Люди поднимутся к пониманию того, что желание тотчас же сообщать обо всем, что рождается в их душе, есть просто рафинированный, высший эгоизм. И люди, конечно, придут к тому, чтобы ощущать дух в своих душах, но не так абстрактно, как это происходит теперь; они ощутят, как этот дух в их душах действует регулярно и закономерно. И когда что-либо осенит их и они захотят сообщить об этом, то они уже не будут бросаться, подобно дикому быку, на человечество, но станут прислушиваться к тому, что скажет им «духом исполненная природа» внутри их.

Что же будет означать для людей тот факт, что все большее значение станет приобретать выступающее наружу из закономерности внутреннего духовного? К чему мы должны будем прислушиваться, и что должно действовать на нас инспирирующим образом? Люди теперь еще не имеют нужного чувства для таких вещей. Они не верят тому, что духи овладеют всем внутренним в человеке и будут действовать в нем закономерно. И долго еще будут рассматриваться в качестве безумных — даже там, где хорошо относятся к человеческой культуре — такие слова о внутреннем закономерном действии духа. Для тех, кто верит в дух исходя из духовнонаучного познания, исполнится, в силу глубокой антипатии нашего времени к этим вещам, то, что именно для нашего времени сказано в Евангелии от Марка: «И когда вас поведут и станут допрашивать, то не заботьтесь заранее о том, что говорить, и не обдумывайте это заранее; но говорите то, что дано будет вам в тот час, так как не вы будете говорить, но Дух Святой в вас» (Мр. 13, 11)

Это место, особенно указывающее на наше время, мы должны стараться понять в связи со всем тем содержанием Евангелия от Марка, которого нет в каком-либо другом Евангелии. Если вы рассмотрите как следует Евангелие от Марка, то увидите, что оно содержит вещи, которые в большинстве случаев можно найти также и в других Евангелиях. Но есть одно особенно замечательное место в Евангелии от Марка, и оно не встречается в других Евангелиях. Это место замечательно тем, что именно о нем было сказано много глупостей исследователями Евангелий. Речь идет о том эпизоде, где Христос Иисус выступает с проповедью к народу после того, как Он избрал своих апостолов. В этом месте говорится: «И они пришли в дом, но с ними пришло столько народа, что им даже не было возможности поесть. И когда ближние услышали об этом, то пошли туда, чтобы взять Его, так как им говорили, что Он вышел из себя» (Мр. 3,20-21).

Этого места нет в других Евангелиях. Если мы подумаем о том, что развитие человечества в будущем

будет направляться к тому, чтобы оправдались слова Павла: «не я, но Христос во мне» и что только то человеческое «я» сможет принести плоды, которое примет в себя импульс Христа, то мы сможем отнести это приведенное место в высшем смысле к нашему времени. И эта судьба Христа Иисуса, так наглядно выразившаяся в палестинских событиях, будет изживаться, — как и всё в событии Христа, — с течением времени во всем человечестве. Все больше и больше будут ощущать в ближайшем будущем человечества, что всюду, где возвещают о Христе в духовнонаучном смысле и из внутреннего понимания, возникает глубочайшая антипатия со стороны тех, кто инстинктивно не захочет приблизиться к духовной науке. Нетрудно понять, что в будущем будет изживаться то, что в Евангелии от Марка нам дано как прообраз в событии Христа. Внешний образ жизни людей, а также и многое из того, что станет господствовать как искусство, и прежде всего то, что в широком масштабе предстанет как наука, — все это приведет к тому, что о тех, кто начнет возвещать о духе в смысле Христа, будут в ближайшем будущем говорить: «Они из тех людей, при виде которых кажется, что они сошли с ума».

Ибо нужно еще и еще раз сказать, что самые важные факты духовной жизни, сообщаемые духовной наукой, будут рассматриваться большинством людей в будущем как фантазия и безумие. И в Евангелии от Марка мы должны черпать силу и крепость, в которых мы будем нуждаться, чтобы противостоять сопротивлению, которое подымится по отношению к истине, найти которую станет возможно только в спиритуальности.

Если почувствовать тонкие стилистические различия между Евангелием от Марка по сравнению с другими Евангелиями, то можно также заметить, что с точки зрения духовной науки в Евангелии от Марка имеется много такого, чего нет в остальных Евангелиях. Замечаешь, что благодаря построению фраз и пропуску некоторых предложений, содержащихся в других Евангелиях, многое, что легко принять за абстракцию, получает особый оттенок. И если это почувствуют, то заметят также и то, что в Евангелии от Марка дано глубочайшее учение о «я», открывающее все значение человеческого «я». Чтобы понять это, следует обратить внимание на одно исключительное место этого Евангелия со всеми его особенностями, возникающими благодаря тому, что в нем выпущено то, что в других Евангелиях находится в этом эпизоде. Вглядимся же в это место.

И Иисус вышел оттуда, и Его последователи провожали Его в селения в окрестностях Кесарии Филипповой. И дорогою Он спрашивал окружавших Его: «Что говорят люди о том, что есть «я»? Что признают они за это «я»? И отвечали окружавшие Его: «Люди говорят, что для того, чтобы «я» было праведным, в нем должен жить Иоанн Креститель. Другие же говорят: оно должно быть пронизано Илией, и Илья должен жить в нем; а иные говорят: нужно обратиться к кому-либо из других пророков, чтобы «я» могло сказать: «Не я, но этот пророк действует во мне»». Но Он сказал, обращаясь к окружавшим его: «А что вы говорите о том, что есть «я»? — И отвечал ему Петр: ««Я» — понятое так, чтобы мы признали его в его духовности, как Ты — это Христос ». И тогда отвечал Он тем, которые окружали Его: «Остерегайтесь говорить об этом обыкновенным людям. Ибо они еще не могут понять эту тайну». И Он начал учить стоящих вокруг Него и взволновавшихся от этих слов, говоря, что то в человеке, что выражает его «я» внешне, физически, должно много пострадать, чтобы это «я» ожило в человеке полностью. И оно должно согласиться будучи в прежнем своем состоянии, с теми, что говорили о нем старейшие учителя человечества и те, которые знают, о чем говорит святая мудрость: «В своем теперешнем образе оно не годится для жизни; оно должно быть умерщвлено в этом образе — и вновь воскреснуть в ином, высшем образе, — воскреснуть через 3 дня, согласно отношениям мирового ритма». И все были поражены тем, что Он сказал эти слова свободно и открыто.

Здесь я должен сделать одно замечание. Такие слова могли произноситься до тех пор только в мистериях. Это была тайна, о которой говорили до сих пор только в храмах во время мистерий. Тайна эта состояла в том, что человек в посвящении должен был пройти через «умри и стань» и проснуться через три дня. Этим объясняется то, что Петр, потрясенный этими словами, отвел Христа в сторону и сказал Ему, что об этом нельзя говорить открыто и свободно. Христос, обернувшись отвечал ему: «Если ты так говоришь, Петр, то тебе внушил это сам сатана; ибо то, что ты так говоришь об этой истине, принадлежит уже не нашему времени, а прошлому, когда она должна была скрываться в храмах. В будущем же, в свете величайшей Мистерии Голгофы, она будет постепенно становиться достоянием всего человечества. Так предопределено Божественным водительством для развития человечества. И кто говорит иначе, тот говорит не из Божественной мудрости, искажает ее, возвращая ее в тот временный образ мудрости, который она имела в прошлом человечества.

Приблизительно так должны мы понимать это место, которое выступает перед нами в Евангелии от Марка во всем своем величии. Мы должны уяснить себе, что импульс Христа, — именно в смысле Евангелия от Марка, — состоит в том, чтобы мы приняли Христа в наше «я», а слова Павла «не я, но Христос во мне!» все более и более осуществлялись бы в нашей душе, — причем не абстрактно, а как сила и истина. Христос послал нам Духа Святого, конкретного Духа, который действует в человеческой душе с той закономерностью, которая была сегодня описана, инспирируя душу согласно ее внутреннему календарю.

В дохристианское время люди приходили к этой истине благодаря посвящению в мистерии, когда они три дня находились в состоянии, подобном смерти, после того, как прошли через трагедию страданий человека, необходимых на физическом плане, если человек хочет развиваться на пути к духовным высотам.

Люди должны были понять, что такой человек должен быть уничтожен, чтобы в нем мог воскреснуть высший человек, т. е. они должны были пройти через «умри и стань!» То, что раньше узнавали только в мистериях, стало историческим событием (я отсылаю вас к моей книге «Христианство как мистический факт») благодаря Мистерии Голгофы, и люди получили возможность стать учениками этой великой мудрости, чувствуя себя связанными с Мистерией Голгофы. Итак, самое значительное в понимании импульса Христа, что человек может приобрести для себя, для своего земного естества, есть понимание того, что именно после импульса Христа все больше и больше должно пробуждаться в человеческом «я».

Мы можем инспирироваться известным образом через Евангелия. Так, для того времени, когда совершалось событие Христа, Евангелие от Матфея было лучшей книгой для инспирации. Для нашего времени такой книгой является главным образом Евангелие от Марка. Мы знаем, что наша эпоха должна выработать главным образом душу сознательную, которая должна отделиться и изолироваться от своей среды. Мы знаем, что теперь мы призваны обращать внимание не столько на то, что дают нам отдельные народы, сколько на то, что должно жить в нас согласно изречению Павла: «Не я, но Христос во мне». И наша пятая послееатлантическая эпоха будет инспирирована Евангелием от Марка. А задача шестой послееатлантической культурной эпохи будет заключаться в том, чтобы постепенно заполнить всего человека сущностью Христа. В то время как пятый культурный период является временем изучения мудрости Христа, углубления и внутреннего погружения в нее, шестой период явится временем принятия сущности Христа всем существом человека. Для этого люди должны будут принять то особое содержание, с которым мы познакомились как со внутренней сущностью Евангелия от Луки, показавшего нам происхождение Иисуса из Назарета. Также они примут и того Иисуса, которого описывает Евангелие от Матфея, приводя нас к Заратустре подобно тому, как Евангелие от Луки, повествуя об Иисусе, приводит нас к Будде и буддизму. Мы ведь рассмотрели Евангелие от Луки так, что все долгое развитие Иисуса из Назарета стало понятным для нас благодаря тому, что мы действительно дошли до Божественно-духовного происхождения человека. И человек будет все больше и больше чувствовать себя Божественно-духовным существом, проникнутым импульсом Христа. Христос может, правда, и теперь светить ему на пути, но реальным Он станет только тогда, когда человек поднимется, с помощью Евангелия от Луки, до понимания физически-чувственного человека в его Божественном происхождении, в качестве духовного существа.

Для седьмого послееатлантического культурного периода, вплоть до следующей великой катастрофы, Евангелие от Иоанна будет инспирирующей книгой, тогда как теперь оно может быть направляющей нитью для духовной жизни человека. Конечно, людям тогда будет необходимо еще многое из того, что они должны будут хорошо понять всей своей духовной сущностью в течение шестого периода. Но многое из того, чему они сегодня верят, люди должны будут забыть, основательно забыть. Это будет, правда, не трудно, так как научные факты докажут, что многое должно быть преодолено.

Тогда на многих людей станут смотреть, как на сумасшедших, если они будут, например, говорить, что применяемые теперь подразделения нервов на «моторные» и «сенсорные» являются, собственно, бессмыслицей. «Моторные» нервы — это тоже ощущающие нервы; но они существуют для того, чтобы доводить до ощущения соответствующие движения мышц. И понадобится не так уж много времени, чтобы люди поняли, что мышцы приводятся в движение не нервами, а это совершается благодаря нашему астральному телу, — и именно благодаря тому в нем, что непосредственно не воспринимается нами таким, каково оно есть. И это является законом: то волевое, которое должно действовать в нас, не воспринимается непосредственно. То, что приводит мышцу в движение, что вызывает какое-либо движение мышцы, — это связано с астральным телом, связано так, что в астральном теле для того, чтобы совершилось движение в мышце, развивается некое звучание, некое развитие звука. Нечто музыкальное пронизывает наше астральное тело, и выражением этого звукового развития является движение мышцы. Поистине, это то же самое, что совершается в известных хладниевых звуковых фигурах, когда мы насыпаем легкую подвижную пыль на металлическую пластинку и затем проводим по ней смычком: тогда мы получаем некую фигуру. И вот подобными фигурами, — не только звучащими фигурами, — пронизано и наше астральное тело; они вызывают то, что наше астральное тело принимает определенное положение. Это впечатлено в астральном теле. Люди могут убедиться в этом совсем просто, если они сильно напрягут мускул верхней части руки — бицепс, и затем прикинут к нему ухом. Когда они усвоят соответствующее упражнение, сильно напрягая мускул и прикладывая к нему большой палец, то они смогут услышать звук. Это не «доказательство», а лишь простая иллюстрация к тому, что здесь подразумевается. Итак, мы проникаемся этим музыкальным и изживаем его в наших мышечных движениях. И для того, чтобы мы хоть что-нибудь знали о наших мышечных движениях, у нас существуют нервы, неправильно называемые моторными. Многие в современной физиологии, в принятых в ней положениях, противоречат этому только кажущимся образом.

Такова одна из тех истин, которые будут все больше и больше убеждать людей в том, что человек является духовным существом, включенным в мировую гармонию сфер, — вплоть до своих мышц. И именно духовная наука, которая призвана подготовить шестой период в отношении духовного восприятия мира, будет иметь дело во всех подробностях с такими истинами о человеке как о духовном существе. Подобно тому, как звук в известном отношении поднимается в высшую сферу, когда он становится из музыкального звука словом, произнесенным человеком, так и в мировых соотношениях гармония сфер становится чем-то высшим, когда она претворяется в Мировое Слово — в Логос.

В физической организации человека физиологически более высоким является кровь. Подобно тому, как мышцы включены в гармонию сфер, кровь включена в Логос и будет становиться все более и более сознательным выражением Логоса, бессознательным выражением которого она является с самого начала сотворения человека. Иными словами, на физическом плане имеется тенденция, чтобы в своей крови, которая является выражением его «я», человек сознательно ощущал присутствие Логоса. И когда люди в шестом культурном периоде осознают себя духовными существами, они не станут больше придерживаться фантазии, что мускулы приводятся в движение моторными нервами, но они поймут, что мышцы приводятся в движение силами (в их астральном теле) ставшей личной гармонии сфер. А в седьмом культурном периоде люди смогут ощущать себя вплоть до самой крови пронизанными Логосом, — и тогда только смогут они воспринять то, что собственно, выражено в Евангелии от Иоанна. Ибо только в этом культурном периоде будет постигнуто Евангелие от Иоанна во всем его познавательном значении. И усвоив это, люди постепенно почувствуют, что в каждой книге по физиологии должны были бы стоять первые слова Евангелия от Иоанна и что все в науке должно быть направлено в сторону этих слов. Лучше всего сказать: «Теперь можно понять из этого Евангелия совсем мало. Настоящее понимание — только идеал, который мы должны поставить перед своей душой.»

Из всего сказанного сегодня мы видим, что для четвертого послеатлантического периода следует считать Евангелие от Матфея основным инспирирующим Евангелием, а для нашего культурного периода мы должны считать таковым Евангелие от Марка. Для шестого периода важно будет Евангелие от Луки, и мы должны подготовиться к этому, потому что все долженствующее наступить в будущем имеет свой зародыш в прошлом, — все, что должно произойти в развитии человечества в седьмом периоде, перед наступлением катастрофы будет изживаться через Евангелие от Иоанна, если мы его поймем. Поэтому особенно важно, чтобы мы восприняли Евангелие от Марка как книгу, указывающую нам на то, в чем мы должны упражняться и от чего должны оберегаться. Именно фразы Евангелия от Марка, в стилистическом отношении короткие и значительные, дают нам почувствовать роль импульса Христа в развитии человеческого «я» и показывают вживание этого импульса в «я» человека.

Нам важно понять, что нашей задачей является постижение Христа в духе, а также то, как в будущем в различные моменты времени будет открываться Христос. Для нашего времени мы попытались указать на эту задачу в розенкрейцеровской мистерии «Врата посвящения», — в тех словах, которые там вкладываются в уста ясновидящей Теодоры. Здесь мы имеем как бы возобновление события, пережитого Павлом в Дамаске. И было бы лишь выражением материализма нашего времени, если бы мы захотели думать, что импульс Христа должен еще раз изжить себя материально в физическом теле человека. Мы должны остерегаться подобного материализма, этому учит нас Евангелие от Марка, об этом оно нас особенно предупреждает. И хотя многое из того, что содержится в Евангелии от Марка, сыграло уже свою роль в прошлом, все же многие его фразы имеют для нашего ближайшего будущего огромное моральное значение. Мы увидим тогда в духовной области необходимость духовного влияния, исходящего из духовной науки.

И если мы правильно — в духовном смысле — поймем следующие слова, то мы сможем отнести их к нашему времени и к ближайшему будущему: «Ибо те дни принесут с собой бедствия, никогда до сих пор не бывшие с начала творения Богом существ и каковых никогда больше не будет». К пониманию разумности человека должны мы отнести эти слова: все эти бедствия предвидятся в будущем, которое найдет духовный образ выражения истины. «И если Господь не сократит эти дни, то ничто не спасется для принятия того, что будет духовной пищей; но для избранных своих сократит Он эти дни.» И затем говорится: «Если кто-нибудь скажет вам в это время: смотри — вот здесь Христос, вот Он! — то не верьте этому». Здесь Евангелие от Марка указывает на обычное материалистическое понимание Христа. «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вы же берегитесь; вот Я наперед сказал вам все» (Мр. 13, 19-23).

Так силен будет натиск материализма, что будет необходимо душам человеческим приобрести всю крепость, чтобы они могли выдержать его: «Восстанут лжехристы и лжепророки». И когда скажут: «Вот здесь Христос!», тогда тот, кто отдался правильному влиянию духовной науки, сможет последовать напоминанию: «И когда скажут вам: «Вот здесь Христос» — не верьте этому!»

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 13 марта 1911 г.

Сегодня мы должны снабдить наши рассуждения Евангелия от Марка, сделанные довольно беспорядочным образом в течение зимы, хотя бы предварительным заключением. И это имеет связь с тем, чему мы в течение этой зимы давали возможность в ряде вечеров возникать в наших душах, с теми словами, которые были произнесены здесь в предыдущей лекции. Они указывали известным образом на то, что мы находимся в наше время в некоей переходной эпохе. Даже тот, кто рассматривает духовную жизнь внешне, сможет заметить, что повсюду медленно и постепенно совершается образование новых понятий и идей, хотя люди, окруженные этими новообразованиями, сами не знают об этом почти ничего. И мы хорошо сделаем, взяв с собой на ближайшие недели этот новый мыслительный материал, который поможет нам сориентироваться, когда мы будем прорабатывать дальше в себе его содержание. Поэтому в сегодняшний вечер будут представлены сведения, которые могут прорабатываться дальше на основе ранее данного

духовнонаучного материала.

Полезно поговорить об этой переходной эпохе, напомнив одновременно о той великой «переходной эпохе», которую мы пережили в развитии человечества и о которой мы неоднократно говорили, — напомнить о решающем моменте палестинских событий. Что именно означает данный момент, — об этом мы многое знаем уже из сказанного здесь. И если мы хотим составить себе представление о том, как выросла эта величайшая идея — назовем ее идеей Христа — из мыслей и ощущений непосредственно предшествующей эпохи, то полезно вспомнить о том, что такое же значение, какое имела идея Христа для Его исследователей, имела для древнееврейского народа идея Ягве, или Иеговы. Мы знаем из других лекций, что Ягве, или Иегова для того, кто глубже проникает в существо христианства, собственно мало чем отличается от Самого Христа. Мы должны еще лучше уяснить себе, что имеется внутренняя связь между идеей Ягве и идеей Христа. Очень трудно выразить здесь в нескольких словах эту великую связь идеи Христа и идеи Ягве, которая неоднократно обсуждалась в прошедшие годы в различных лекциях и циклах; но это можно сделать всё же с помощью одного образа, который покажет, как нужно мыслить отношение между идеей Христа и идеей Ягве. Нужно только напомнить об одном образе, на который мы часто обращали внимание: это образ солнечного света, излучающегося непосредственно от самого Солнца, и образ того же света, отбрасываемого полной Луной в лунные ночи. Тот же самый солнечный свет сияет нам и от полной Луны; но это — отраженный свет, и он есть все же нечто иное, чем свет, идущий непосредственно от самого Солнца. И если мы хотим получить сравнение и символизировать Христа непосредственным солнечным светом, то мы должны символизировать Ягве солнечным светом, отражаемым Луной; этим мы точно указываем на смысл развития человечества. И поэтому кто хотя бы немного знает об этих вещах, тот ощущает этот переход от временного отражения Христа в Ягве, или Иегове к Самому Христу так же, как человек переживает лунный свет и солнечный свет: косвенное откровение некой сущности есть Ягве, или Иегова, а ее непосредственное откровение есть Христос. Но мы должны, думая о развитии, представлять себе то, что является в пространстве рядом, следующим друг за другом во времени. И те, кто говорят об этих вещах с оккультной точки зрения, должны сказать: если мы называем религию Христа религией Солнца, (вспомнив все сказанное о Заратустре, мы можем употреблять это выражение), тогда мы должны назвать религию Ягве — временное отражение религии Христа — религией Луны. Таким образом, религия Христа была подготовлена во времена, предшествующие христианству, религией Луны. Кто умеет воздавать должное, сможет правильно сделать это по отношению к тому, что будет теперь сказано, ибо символы избираются не произвольно, их значение глубоко обосновано. И поэтому когда какая-нибудь мировая религия или мировоззрение выступают под некоторым символом, то для тех, кто употребляет его правильно, он означает нечто такое, что существенно связано с данным мировоззрением. Правда, современные люди многое потеряли в символе лунного света для древней религии Ягве, а также до известной степени и в обозначении религии Христа символом Солнца; но там, где выступают мировоззрения, пронизанные своими символами и их значением, мы должны сознательно ощущать их связь с этими символами.

Теперь вспомните, как я охарактеризовал общий ход развития человечества. Мы имеем сперва нисходящее развитие — начиная с того времени, когда люди были как бы вытолкнуты из духовного мира и погружались все глубже и глубже в материю. Это — нисходящий путь. И представляя себе общий путь развития человечества, мы должны мыслить, что самая глубокая точка, до которой опустилось человечество, это эпоха появления импульса Христа, призванного нисходящий путь постепенно превратить в восходящий. Таким образом, развитие человечества протекает в нисходящем и восходящем направлении. В глубочайшей точке нисхождения возник импульс Христа, который начинает действовать с этого момента и будет продолжать свое действие до тех пор, пока Земля не выполнит своей миссии.

Но это развитие происходит очень сложным путем из-за того, что известные процессы развития являются продолжением ранее данных импульсов. Однако главный процесс в развитии возник благодаря импульсу Христа. Импульс Христа открылся в начале нашего летосчисления и будет действовать дальше — как бы по прямой линии, вживаясь в человеческие души и становясь все более и более актуальным, — вплоть до достижения Землей цели ее развития, когда он схватит всю земную жизнь человечества. Это есть импульс однажды данный, с которым мы должны идти, следуя все точнее линии его развития и зная, что все, что последует позже, будет являть нам развитие и влияние этого импульса на более высокой и совершенной ступени. Но в мире действует не один этот импульс. Имеются импульсы и факторы развития, которые действуют иначе и которые нельзя проследить по прямой линии. Мы уже называли эти иные импульсы. Мы различаем в послепалеолитическом развитии древнеиндийский период культуры, после него древнеперсидский, затем египетско-халдейский и греко-латинский, а затем — наш; дальше последуют еще два культурных периода; следовательно, есть семь культурных периодов, и греко-латинский период, в котором совершилось событие Христа, занимает в их последовательности центральное место.

И теперь, в нашем пятом послепалеолитическом периоде, в котором мы живем, известные процессы, происходившие в третьем, египетско-халдейском периоде, повторяются вновь, но несколько иным образом. Так что импульс Христа находится посередине, а третий период содержится в известном отношении в пятом. Точно так же в шестом периоде будет содержаться второй, древнеперсидский, а в седьмом — первый, древнеиндийский период. Здесь мы имеем дело с переходящими факторами развития, которые проявляются так, что мы можем применить к ним библейские слова: «Первые будут последними». Древнеиндийский

период вновь оживет в седьмом, правда, иным образом, но все же так, что мы сможем его узнать.

Здесь мы имеем другой способ, каким нечто более раннее переходит в более позднее. Но мы указали на это, когда отметили в развитии человечества более мелкие эпохи. Известным образом опять выступает то, что существовало в дохристианскую эпоху во время древнееврейской культуры, как бы пересекая импульс Христа в послехристианское время; нечто подготовлявшееся в мировоззрении Ягве, или Иеговы вновь выступает известным образом, несмотря на существование других факторов, и оказывает воздействие на более поздние факторы. Если мы обозначим символом то, что не можем развить соответствующим образом из-за недостатка времени, то мы можем сказать: если мы ощутим религию Ягве в символе Луны в противоположность символу Солнца, то мы можем ожидать, что подобная религия после импульса Христа появится в более позднее время как некий вид религии Луны. Это действительно произошло. И кто может воспринимать эти вещи не только внешне, тот не станет смеяться над этим, так как нельзя смеяться над тем, что фактически связано с символикой данной религии и данного мировоззрения. Таким образом, древняя лунная религия Ягве вновь заметно проявляется в религии полумесяца, которая выступает в эпоху после явления Христа и вплетает предшествующие импульсы в последующую христианскую эпоху. Здесь мы имеем повторение прежнего периода в более позднем, — в последней трети греко-латинского периода, который по оккультным вычислениям приходится на XII — XIII века. То есть мы имеем спустя шесть столетий после явления Христа, начиная с VI столетия, в религии, которая переходит в следующий период времени и мощно воздействует на все факторы развития, религию, которую арабы перенесли из Африки в Испанию и которая является разновидностью вновь возникшей лунной религии Ягве, однако в другой форме, не считающейся, собственно, с импульсом Христа. Невозможно разъяснить все своеобразие того, что возникло таким образом. Но очень важно душевно усвоить то, что мировоззрение Магомета не считается с импульсом Христа и религия Магомета действительно была неким воскрешением того, что присутствует в едином Боге религии Моисея. Только этот Бог был внесен в нечто такое, что было взято, так сказать, из другого источника, — а именно, из египетско-халдейского мировоззрения, содержащего подробное учение о связи событий звездного неба с мировыми свершениями. Поэтому мы видим, что все те мысли и понятия, которые имелись у египтян, а также и у халдеев, вавилонян и ассирийцев, вновь выступают в религии Магомета, замечательным образом просветленные и пронизанные тем, что мы можем назвать единым Богом, Ягве, или Иеговой. То, что нас встречает в арабизме, — это своего рода соединение или говоря научным языком, синтез всего того, чему учила египетско-халдейская жреческая мудрость того, что преподавалось в Халдее, с тем, чему учила древнееврейская религия Ягве.

Но при такого рода соединении происходит не просто какое-то взаимопроникновение, но всегда что-то отделяется и отрывается. В данном случае должно быть отдельно все, что вело к ясновидческому наблюдению. То, что остается, — это чисто интеллектуалистическое исследование, так что понятия из египетской медицины, из халдейской астрологии, которые у египтян равно как и у халдеев, происходили из древнего ясновидения, встречаются нас в интеллектуализированной и индивидуализированной формы в арабизме Магомета. Как бы окольным путем через арабов нам в Европу было привнесено нечто просеянное — просеянное так, что старые представления, которые господствовали у египтян и халдеев, лишены их ясновидческой образности и перелитые в абстрактные формы, снова всплыли для нас в поразительной науке арабов, которые проникли в Европу из Африки через Испанию. И если христианство принесло импульс в основном для воспитания человеческой души, то величайший импульс для головы человека, для человеческого интеллекта пришел окольным путем через арабов. И те, которые недостаточно знакомы с ходом развития человечества, даже не знают, что же все-таки принесло всему человечеству это мировоззрение, которое заново выступило под символом Луны. Кеплер и Коперник были бы невозможны без импульса, пришедшего в Европу благодаря арабизму. Ибо весь род и способ мышления и мировоззренческих комбинаций, — лишенных древнего ясновидения — мы видим вновь выступающими в те времена, когда третий культурный период словно воскресает в нашей пятой эпохе с современной астрономией и современной наукой вообще.

Итак, с одной стороны, ход развития человечества протекает таким образом, что импульс Христа проникает в европейские народы через Грецию и Италию, а с другой — протекает южнее, обходя стороной Грецию и Италию и связываясь с тем, что пришло к нам окольным путем через арабский импульс.

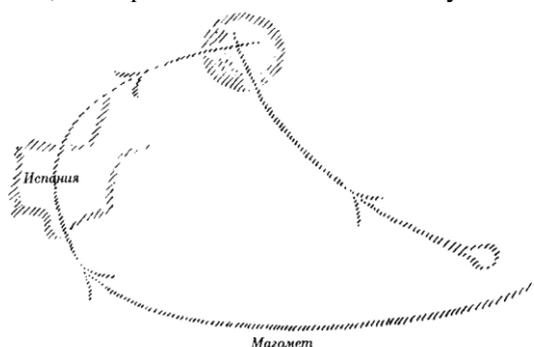

Рисунок 3

Только из слияния религии Христа и религии Магомета могло произойти в те времена, которые мы можем обозначить как важный этап, то, чем собственно является культура нового времени. По причинам, которых нам не нужно касаться, мы должны помыслить об эпохах протяженностью 600 — 650 лет, когда речь идет о такого рода импульсах, какие мы сейчас обсуждаем. Так что на деле через шесть столетий после события Христа восходит обновленный лунный культ, арабский культ Луны, который распространяется и проникает в Европу и вплоть до тринадцатого столетия включительно оплодотворяет культуру Христа, которая свои непосредственные импульсы удерживала другими путями. Здесь происходит постоянный обмен. Кто знает хотя бы только внешний ход событий, кто знает, что в монастыри западной Европы, если даже они и боролись с арабской наукой, притекали арабские мысли и там распространялись, тот знает также, что до определенного момента в середине тринадцатого века, имеющего опять-таки особое значение, происходило слияние обоих импульсов — арабского и непосредственного импульса Христа.

Из этого вы сможете понять, что импульс Христа шел иными путями чем импульсы, которые притекали как боковые течения, чтобы соединиться с импульсом Христа. Через шесть столетий после появления импульса Христа на Востоке, благодаря событиям, которые нелегко описать, хотя они хорошо известны каждому оккультисту, поднимается новая культурная волна, которая затем из Африки через Испанию проникает в духовную жизнь Европы и соединяется с импульсом Христа, пришедшим иными путями. Итак, мы можем сказать, что символ Солнца и символ Луны сливались начиная с VI — VII века и вплоть до XII — XIII века, охватывая период, продолжавшийся приблизительно шесть столетий. После того, как непосредственное оплодотворение достигло некоторым образом своей цели, появилось нечто новое. Это новое подготавливалось постепенно, начиная с XII — XIII века. Интересно, что даже внешняя наука теперь признает, что тогда через души европейского человечества прошло нечто необъяснимое. Внешняя наука говорит «нечто необъяснимое», но оккультизм утверждает, что тогда как бы вслед за непосредственным импульсом Христа, в души снова духовно изливается то, что выявилось в четвертый период послеплатонической культуры. Греческая культура посылает как бы вслед идущую волну, — это и есть то, что мы называем эпохой Возрождения — культурой Ренессанса, которая оплодотворяет в течение следующих столетий все существовавшее прежде. И мы опять видим некое вмешательство после шестивековой эпохи арабского влияния: видим, как после внедрения ему было предоставлено время постепенно прекратиться.

Это происходит благодаря греческой культурной эпохе, которая занимает срединное место в ряду послеплатонических культурных эпох и продолжается в культуре Ренессанса. И должен опять пройти период из шести столетий, вплоть до нашего времени, чтобы эта греческая волна, так сказать, изжила себя. Наше время еще живет в ней. Мы живем теперь известным образом в переходное время, поскольку находимся перед началом новой шестивековой культурной волны, когда опять внедряется нечто новое и импульс Христа оплодотворится чем-то новым. После того, как возобновленный лунный культ имел возможность в эпоху полумесяца изжить себя, и после эпохи Ренессанса, теперь пришло время, когда импульс Христа как таковой должен принять в себя новый приток, новое побочное течение. Благодаря этому побочному течению наше время имеет особые черты. Мы должны точно понять вступление этого побочного течения в нашу культуру. Все эти вещи вполне соответствуют правильному ходу оккультной систематики.

Если мы представим себе в старом, а не в новом понимании следующие друг за другом Луну, Меркурия, Венеру, Солнце, то после обновленного влияния Луны и после изживания лунной волны в эпоху Ренессанса мы можем ожидать теперь воздействия, которое правомерно обозначить символом Меркурия. Следовательно, теоретически мы можем сказать, что если символика окажется правильной, мы стоим перед перспективой излияния в нашу культуру воздействий Меркурия. Влияние этой волны можно обозначить символом «влияние Меркурия» подобно тому, как арабское влияние может быть охарактеризовано как «влияние Луны».

Если мы понимаем ход развития времени, то последним великим духом, объединившим в своей душе полноту науки, христианства и культуры Ренессанса, мы можем назвать Гёте; и мы можем ожидать, что Гёте в своей душе явит прекрасное слияние культуры Ренессанса и науки, — то есть интеллектуализма, оплодотворенного арабской наукой, и христианства. Если мы будем рассматривать Гёте так, как мы это делаем в течение ряда лет, то можно легко убедиться, что эти элементы действительно слились в душе Гёте. Но мы можем также ожидать на основании сделанных указаний относительно периодов, длящихся по шесть столетий, что в душе Гёте еще не могло сказаться влияние Меркурия, так как оно должно было выступить как нечто новое уже после Гёте. И интересно отметить (вы ведь это знаете), что ученик Гёте Шопенгауэр уже обнаруживает это влияние Меркурия. Вы знаете из моих сообщений, что в философию Шопенгауэра проникла восточная мудрость в форме буддизма. Но так как символом буддизма считается Меркурий, то вы наблюдаете после времени Гёте влияние буддизма, причем Будда соответствует Меркурию, а Меркурий — Будде, подобно тому, как влияние Луны характеризовало арабское влияние. И мы можем теперь определить, каково это побочное течение, которое вливается в прямой путь импульса Христа как новое течение в начале новой шестивековой эпохи: мы должны усматривать в этом жизненном потоке некое обновление, новую форму буддизма, — только с теми ограничениями, которые изложены в моей открытой лекции о Будде* — «Будда» — открытая лекция, прочитанная 2 марта 1911 года в Доме архитекторов в Берлине.

Теперь спросим себя: каково же основное направление культуры в будущем? Это — течение Христа.

Оно движется вперед по прямой линии. Какие же побочные течения должны мы отметить? Арабское течение, вливающееся в главный поток и затем как бы спокойно отстаивающееся на протяжении некоторого времени в культуре Ренессанса. Затем мы имеем обновленное течение Будды. Кто может видеть эти факты в правильном свете, тот скажет себе: мы должны принять те элементы из течения Будды, которые до сих пор не присутствовали внутри нашей западной культуры. И мы видим, как известные элементы течения Будды уже вливаются в западное духовное развитие, — например, идеи реинкарнации и кармы. Да, это так! Но одно мы должны строго записать в наших душах: эти побочные течения никогда не смогут дать нам объяснения центрального течения нашего мировоззрения, нашей духовной науки. Спрашивать о Существовании Христа буддизм или какое-нибудь дохристианское восточное течение, появившееся в наше время как обновленное мировоззрение, было бы так же умно, как если бы европейские христиане стали спрашивать о Христе арабов, пришедших в Испанию. Люди в Европе знали тогда, что идея Христа не может придти к ним от арабов, которым нечего было сказать об этом. Если они и говорили что-нибудь о Христе, то это были идеи, не соответствующие действительной идее Христа. Различные пророки, выступавшие как лжемессии, не имея, в сущности, понимания импульса Христа, вышли из сферы арабского влияния, — как, например, Саббатай Цеви. Следовательно, нам должно быть ясно, что побочное течение арабской мудрости должно было действовать оплодотворяющим образом через совсем иные элементы, а никоим образом не через разъяснения центральной тайны Христа.

И таким же образом мы должны относиться к тому течению, которое должно влиться как побочная волна, как древняя, но обновленная волна, и принести понимание реинкарнации и кармы, но не понимание импульса Христа. Это было бы абсурдно, как если бы арабы захотели дать европейцам истинную идею Христа. Но арабы принесли европейцам много лжеидей через лжемессий, вплоть до Саббатая Цеви. Такие явления будут возобновляться, но развитие человечества может идти вперед, только если люди научатся предвидеть и понимать их. И мы должны настойчиво учиться понимать их все глубже, яснее и сознательнее. Благодаря этому духовная наука с центральной идеей Христа, основанная европейским розенкрейцерством, пробьется несмотря на все внешние сопротивления и войдет в души людей вопреки всем покушениям извне. Каким образом центральная идея Христа должна влиться в души людей и Христос овладеет не только общей эволюцией человечества, но и эволюцией всего мира, это вы можете увидеть и понять из моего «Тайноведения». Там описывается, каков прямой путь идущего вперед развития. И прислушиваться к этому прямому развитию духовной науки смогут все, кто поймет недавно упомянутые здесь слова Евангелия от Марка: «Появятся лже-христы и лжепророки... Если кто вам скажет тогда: «Вот здесь Христос, смотрите, вот Он!» — то не верьте им».

Но рядом с этим течением возникнет другое, более внешнее, которое будет думать, что оно лучше осведомлено о природе Христа, чем розенкрейцеровская западная духовная наука. И тогда в мир вступят всевозможные идеи и учения, естественно возникшие как побочные течения на почве восточного буддизма. Но было бы свидетельством величайшей слабости европейских душ, если бы эти души не постигли мысли: на непосредственное исследование идеи Христа течение Меркурия или Будды может пролить так же мало света, как и учение арабов. И надо уяснить себе, что это взято не из каких-либо фантазий и догм, но из объективного изучения хода мирового развития. Можно доказать вам это цифрами и рассмотрением культурных течений, и при желании вы можете убедиться, что вещи таковы, как учит оккультная наука.

Но с тем, что наступит дальше, будет связана необходимость различать ортодоксальный, древневосточный буддизм, который хочет, так сказать, пересадить в Европу застывший на месте буддизм. И из него понять «идею Христа», и действительно идущий вперед в своем развитии буддизм. То есть будут существовать люди, которые станут говорить о Будде следующим образом: «Взгляните на Будду, жившего приблизительно за пять-шесть веков до нашего летосчисления! Вот его учение!» — Высказывания этих людей можно сравнить с тем, что об этом говорит духовная наука в розенкрейцеровском ключе: «Дело не в Будде, а в вас, — в том, что вы сегодня говорите так, как будто Будда остановился на той точке зрения, на которой он стоял за пять-шесть веков до нашей эры! Вы думаете, что Будда не пошел вперед? Если вы говорите так, то вы говорите об учении, которое было правильным в то время. Но мы взираем на того Будду, который шел вперед и способствовал продвижению вперед человеческой культуры с этих духовных высот. Мы видим того Будду, которого мы смогли описать в Евангелии от Луки и который имел влияние на Иисуса из Натановской линии дома Давида, — того Будду, который развивался дальше в царстве духа и смог дать нам столь важные сегодня направляющие истины.»

В догматическом христианстве на Западе произошло нечто очень любопытное, и чтобы охарактеризовать это, надо сказать приблизительно следующее: благодаря удивительному сцеплению обстоятельств одна напоминающая Будду фигура попала в среду христианских святых. Вы, наверное, вспомните, что я говорил вам как-то об одной легенде, которую в Средние века рассказывали по всей Европе. Это легенда о Варлааме и Иосафате. Она рассказывает нам приблизительно следующее. Жил однажды индийский царь. У него был сын, которого он воспитывал так, чтобы он не видел человеческих несчастий, вдали от внешней земной жизни. Он воспитывался в царском дворце, где видел только то, что приводит людей к счастью и радости. Его звали Иосафат; это имя изменялось несколько раз и принимало различные формы — Иосафат, Иодасаф, Будасаф. Иосафат жил до определенного возраста в царском дворце, не зная ничего о мире. Но однажды он вышел из отцовского дворца и тогда только познакомился с

жизнью. Сперва он увидел прокаженного человека, потом слепого и наконец старика. Затем рассказывается о том, что он находит христианского отшельника по имени Варлаам; отшельник привел Иосафата к христианству, в которое он и перешел. Вы легко можете узнать, что в этом рассказе о рождении у индийского царя сына, живущего вдали от мира, затем приведенного в мир, где он встретил прокаженного, слепого и старика, — даны отзвуки легенды Будде. И с другой стороны, вы также легко узнаете, что этой легенде, жившей в средние века, было придано нечто такое, чего нельзя было отнести к Будде: это переход Иосафата в христианство. Но этого нельзя было сказать о Будде.

Эта легенда пробудила известное сознание у христиан, — по крайней мере у отдельных христиан, — и особенно у тех, кто составлял списки святых. Знали, что имя Иосафат, Иодасаф связано с тем, что мы называем Бодисаттвой: Иодасаф-Будасаф переходит по прямой линии в Бодисаттву. Следовательно, мы видим здесь замечательную, довольно глубокую связь христианской легенды с образом Будды. Мы знаем ведь, что восточная легенда изображает Будду переходящим в Нирвану и передающим венец Бодисаттвы своему преемнику — Майтрейе-Будде, который теперь является Бодисаттвой, а в будущем станет Буддой для всего мира. В христианской легенде Будда появляется вновь как Иосафат. И связь буддизма с христианством чудесно характеризуется тем, что было сказано: Иосафат — святой, так как сам Будда был настолько свят, что он, в смысле легенды, обратился из сына индийского царя в христианина. Поэтому его можно подставить в ряд святых, хотя, с другой стороны, его и преследовали.

Отсюда вы видите, что тогда знали, где надо будет искать позже образ буддизма или Будды. За это время в скрытых мирах буддизм слился с христианством. И Варлаам — этот замечательный персонаж — познакомил Бодисаттву с христианством. Следовательно, мы можем вновь воскресить буддизм, рассматривая его в духе этой легенды как развивающееся мировое течение, — воскресить в том измененном образе, в котором он живет теперь. Мы должны представлять Будду так, как он существует теперь для нас, когда мы ясновидчески постигаем его воздействия. Так же как арабская мудрость не была еврейством и Луна Иеговы не появилась вновь в старой форме в арабском учении, так и буддизм, способный стать плодотворным для западной культуры, появится не в прежнем облике, но в измененном, так как позднейшее не является просто повторением — пересказом прежде бывшего.

Таковы те краткие, отрывочные сведения, которые должны пробудить в вас собственные мысли о развитии человечества. И я могу уверить, что если вы воспользуетесь всеми историческими сообщениями, какие только сможете найти, и проследите развитие Европы с точки зрения духовной науки, то увидите, что мы теперь находимся в точке слияния христианства с буддизмом. Подобно тому, как в определенный период времени происходило слияние религии Ягве с христианством, так и теперь мы стоим перед слиянием буддизма с христианством. Проверьте это, взяв все, что могут вам дать историки Европы. Но не делайте этого так, как привыкли делать европейские историки, — поступайте так, чтобы при этом были приняты во внимание все факторы; и тогда вы увидите, что все сказанное мною оправдывается. Но при этом мы должны будем неделями говорить о том, что может притекать к нам из розенкрейцерского духовного направления в Европе.

Доказательства этого вы сможете найти не только в истории, но и в современном естествознании и других примыкающих к нему областях, если вы правильно поведете дело. Надо только искать правильным образом, и тогда можно найти, что фактически всюду новые понятия как бы проникают в современность, а старые становятся непригодными и исчезают. Наши исследователи и мыслители в известном отношении работают со ставшими уже непригодными понятиями, потому что в большинстве случаев они еще не способны правильно воспринять побочное течение и переработать его; эти побочные течения характеризуются преимущественно идеями реинкарнации и кармы и тем, что вообще может нам дать теософия. Наши исследователи работают со ставшими непригодными понятиями. Вы можете проследить современную литературу в различных областях науки, и вы увидите, что знатоки этих вещей с грустью наблюдают, как в научной жизни выступают факты за фактами, а понятия недостаточны для понимания этих фактов. Так, мы имеем, например, одно понятие (на эти вещи можно сегодня только указать мимоходом), которое теперь играет большую роль в нашей науке: это понятие наследственности. В том виде, как фигурирует это понятие сегодня в различных науках и даже входит в обыденную жизнь, — оно просто не пригодно. Факты научат людей тому, что для их понимания требуются иные понятия, чем, например, это совершенно непригодное понятие о наследственности, широко применяемое современной наукой. Относительно наследственности у человека и у родственных ему существ выяснится, что известные ныне факты могут быть поняты только тогда, когда появятся совершенно иные понятия. Если говорят теперь о наследственности у человека через следующие друг за другом поколения, то полагают, что будто все имеющиеся у человека способности можно проследить по линии наследственности, вплоть до его непосредственных предков. Но только понятия реинкарнации и кармы сделают возможным появление новых, ясных понятий взамен существующих запутанных понятий. Тогда обнаружится, что большая часть того, что существует в природе человека (я могу здесь только намекнуть на это), не имеет ничего общего с тем, что называют взаимодействием полов, — между тем как запутанная современная наука утверждает, что в человеке все происходит от зачатия, благодаря слиянию мужского и женского начала. Но ведь совсем не верно, что все, выступающее в человеке, имеет что-то общее с тем, что выступает непосредственно в физической связи двух полов. Вы должны сами продумать эти вещи более точно; я же хочу дать только по-

буждение к этому.

Когда вы рассматриваете физическое тело человека, то вы знаете, что оно имеет длительную историю: оно прошло через эпохи Сатурна, Солнца и Луны, сейчас проходит эпоху Земли. Влияние астрального тела выступает только в лунную эпоху, прежде его не было. Это астральное тело изменило, конечно, и физическое тело человека. Поэтому физическое тело является теперь не только таким, каким оно было благодаря силам эпохи Сатурна и Солнца, а также таким, каким оно стало под влиянием этих сил вместе с силами астрального тела и «я». Благодаря взаимодействию полов наследственным становится только то в физическом теле, что связано в нем с действием астрального тела; законы же, относящиеся ко временам Сатурна и Солнца, вообще не имеют ничего общего с взаимодействием полов. Эта часть человеческой природы происходит не от другого пола, но непосредственно из макрокосма. Это значит: то, что мы несем в себе, происходит не всецело от взаимодействия мужского и женского пола. Только то происходит от этого взаимодействия, что зависит в нас от нашего астрального тела, — в то время как мы несем в себе большую часть человеческой природы, которая была принята матерью непосредственно из макрокосма, а вовсе не обходным путем через человека другого пола. Поэтому мы должны различать в человеческой природе такую часть, которая относится к взаимодействию полов, и ту часть, которая была воспринята матерью непосредственно из макрокосма. Подумайте о том, что ясность в этих вещах может появиться только тогда, когда станут различать отдельные члены человеческой природы, между тем как теперь все это смешано. Физическое тело не замкнуто в себе: в нем действуют силы эфирного, астрального тела и «я». Также есть силы, которые обязаны своим происхождением макрокосму, и такие силы, которые надо приписать взаимодействию полов.

Но через природу отца также принимается нечто, что не имеет ничего общего с взаимодействием полов. Как известные способности и закономерности, не относящиеся к половой наследственности, воспринимаются и внедряются прямым путем через материнский организм из макрокосма, — так же и обходным путем, через отцовский организм, внедряются закономерности из макрокосма, имеющие духовное происхождение. Относительно того, что воспринимается обходным путем через материнский организм, еще можно сказать: материнский организм является все же точкой приложения сил. Но то, что в организме матери происходит не от взаимодействия полов, встречается с тем, что духовно происходит от отцовского организма независимо от взаимодействия полов. Таким образом происходит мировой процесс, выражающийся в членах и формах тела. Поэтому совершают ошибку, когда представляют развитие человеческого зародыша так, что все сводится к наследственности, тогда как ряд вещей воспринимается прямо из макрокосма.

Здесь вы имеете пример того, как далеко факты уходят от тех понятий, которыми владеет современная наука, ибо эти понятия происходят из более ранних эпох. Теперь вы можете спросить: обнаруживается ли это в чем-либо? Популярные книги мало говорят об этом, но в области оккультного это выступает вполне ясно. Я хотел бы здесь обратить ваше внимание на следующее. Правда, я могу здесь только упомянуть о том, какое знаменательное расхождение существует между двумя современными естествоиспытателями и мыслителями; оно захватило и другие круги, вовлекая в них многих людей. Различие характеров обоих исследователей природы является крайне важным для всего положения вещей. Один из них, Геккель, разрабатывая свои поразительные факты с помощью устарелых понятий, сводит все к наследственности и всю историю развития зародыша изображает в зависимости от нее. Ему противостоит исследователь, больше придерживающийся фактов, которого поэтому с известным правом упрекают в том, что он мало мыслит, — это Хис, зоолог и естествоиспытатель.

Хис был принужден — благодаря своеобразному наблюдению фактов — выступить против идеи наследственности Геккеля и обратить внимание на то, что известные органы и их формы в человеке можно объяснить только путем отказа от мысли, что они обязаны своим происхождением взаимодействию полов, над чем Геккель впоследствии издевался: «Итак, г-н Хис приписывает возникновение человеческого тела некоему «девственному влиянию», которое не связано с взаимодействием полов!» Но это вполне правильно, так как научные факты заставляют теперь отделять то, что может быть отнесено к взаимодействию полов, от того, что происходит непосредственно из макрокосма. Эта идея для широких кругов, конечно, является абсурдной. Отсюда вы видите, что теперь уже на научной почве пытаются приобрести новые понятия. Мы охвачены развитием, которое говорит: если вы хотите правильно понять факты, даваемые вам, то вы должны воспринять ряд совершенно новых понятий, так как вам уже не хватает тех понятий, которые вы принесли из прошлых времен.

Из этого видно, что с нашей культурой должно свиться побочное течение. Это — течение Меркурия, проявляющее себя в том, что человек, проходящий теперь оккультное развитие, как это описывалось в различных лекциях, вырастает в духовный мир и переживает благодаря этому некоторые новые факты. Они притекают к нему, вливаются в его душу. Мы можем известным образом сравнить это вживание человека в новый мир с положением рыбы, которую переносят из воды в воздух, но которая уже приготовилась к этому, превратив свой плавательный пузырь в легкие. Мы можем сравнить с этим переход человека от чувственного восприятия к духовному благодаря тому, что он сделал свою душу способной употреблять известные силы в другой стихии. И тогда открываются различные вещи. Теперь воздух буквально пронизан такими мыслями, которые делают необходимым для нас понимание новых, выступающих на физическом

плане фактов, засвидетельствованных наукой. А исследователь сверхчувственного оказывается перед лицом фактов, которые стремятся к нему со всех сторон. Этого не было до вступления того побочного течения, о котором я говорил сегодня. Итак, куда бы мы ни обратились, мы видим, что живем в чрезвычайно важную эпоху, — в такое время, когда нельзя будет дальше жить, если не наступят человеческом мышлении и ощущениях те изменения, о необходимости которых говорилось выше.

Я сказал уже: как рыба, привыкшая жить в воде, должна была бы приспособиться к жизни в новой стихии, так и человек должен вжиться в новую для него стихию. Но человек должен вжиться своим мышлением в те факты, которые порождает физический мир. И люди, которые захотели бы воспротивиться этому новому в мышлении, оказались бы в положении рыбы, вытянутой из воды. Ибо в воде нельзя уже оставаться! И вы увидите, при каком недостатке воздуха (в отношении духовных понятий) будут впоследствии жить такие люди. О, им придется ловить воздух! Люди, которые хотят жить и дальше в современном монизме, похожи на таких рыб, которые захотели сменить пребывание в воде на пребывание в воздухе, но пожелали бы сохранить при этом свои жабры. И только те человеческие души, которые преобразуют свои способности и дорастут до новых восприятий и нового понимания фактов, поймут, что принесет с собой будущее.

Так мы сможем с полным пониманием стоять у слияния потоков двух мировоззрений: один должен нам принести углубленное восприятие проблемы Христа, Мистерии Голгофы, а другой — новые понятия и идеи о действительности. И слияние их должно произойти именно в наше время.

Конечно, дело не обойдется без больших препятствий, так как в такие времена, когда встречаются потоки мировоззрений, возникают большие преграды и задержки. И люди, связанные с духовной наукой, будут в известном отношении поставлены в такое положение, что им будет необходимо понимание таких вещей. Некоторые из наших, так сказать, членов, может быть, и скажут в отношении разъяснений, проведенных здесь сегодня: «То, что ты здесь говоришь, трудно понять, и мы должны долго вращиваться в это. Почему ты не даешь нам более легкой пищи, которая убедила бы нас в духовности мира и была бы более приемлемой для нас? Почему ты предъявляешь такие требования к нашему пониманию мира?» многие стали бы так говорить, добавляя в придачу: «Насколько было бы лучше, если бы мы могли поверить тому, что может нам сказать принесенный непосредственно из древности буддизм: что мы не должны представлять себе событие Христа как одну-единственную точку, находящуюся в центре и не допускающую рядом с собой такой же второй точки, — но что сущность Христа может — подобно другим людям — воплощаться вновь и вновь. Почему ты не скажешь: «Он еще раз придет во плоти» — вместо того, чтобы говорить: «Люди должны стать способными переживать вновь событие перед Дамаском? Если нам говорят: «Придет некто во плоти», то мы можем сказать: «Смотрите, вот Он! Мы можем видеть Его физическими глазами». Это гораздо легче понять».

Но пусть другие позаботятся о том, чтобы было сказано нечто подобное. Задача западной духовной науки заключается в том, чтобы была сказана правда при полной ответственности за все предварительные условия, заложенные в развитии, которое продолжалось до наших дней. Желаящий удобств в духовном мире пусть ищет спиритуальность иным путем. Но кто хочет найти истину, нужную для нашего времени, — найти, используя для этого всю интеллектуальность, которую мы приобретаем в дополнение к древнему ясновидению вплоть до дня появления нового ясновидения, и кто хочет понять эту интеллектуальность так, как она должна быть понята теперь, тот — для меня это ясно — пойдет тем путем, о котором говорилось здесь сегодня и очень часто еще и раньше. Ибо дело не в том, чтобы мы заранее сказали, какой мы хотим иметь эту истину, но чтобы мы знали, исходя из всего хода развития человечества, как в определенную эпоху должно говорить с ней. О, многое будет говорить иначе! Но вы должны быть подготовлены в отношении этого «иначе сказанного». Поэтому мы не ошибемся, если внутри розенкрейцерского духовного течения будем вновь и вновь повторять и указывать на то, что должно стоять на высоте духовного познания нашего времени. И у вас есть средство для того, чтобы не принимать со слепой верой то, что будет говорить здесь или в другом месте, так как к такой слепой вере здесь, в этом духовном течении, никогда не апеллируют; вы имеете это средство в вашем разуме, в вашей интеллектуальности, в вашем собственном рассудке. Вы услышите здесь все снова повторяемые слова: берите всю жизнь, всю науку, все, что вы можете узнать, и проверяйте то, что дается в розенкрейцерском духовном течении, проверяйте все! И вы увидите, что оно выдержит испытание! Те, кто будут жить в розенкрейцерском духовном направлении, те узнают, что оно выдерживает проверку. Но не забудьте это сделать, потому что как раз в этой области, — там, где сильнее всего соприкасаются и могут выступать прямые противоположности, в области истинной духовности, — вера не может быть чем-то решающим. Непогодотворенным и мертворожденным будет все то, что основано на слепой вере. Легко было бы строить на слепой вере, — но от этого откажется тот, кто стоит в рядах западной духовной жизни. Он стоит на том, что может быть проверено разумом, рассудком и человеческой интеллектуальностью. Кто связан с источниками нашего розенкрейцерского духовного направления, тот скажет исходя из его глубины: таково положение вещей после добросовестной проверки! На почве истины должно быть возведено здание духовной науки! А почва легкой веры — не наша. Только на почве тщательно проверенной, хотя, может быть, и трудной истины будет строиться здание духовной науки, и пророки слепой и удобной веры не разрушат его.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ
Берлин, 10 июня 1911 г.

В наше время нетрудно заметить, что духовнонаучное мировоззрение, о котором уже в течение нескольких лет говорилось в нашей немецкой секции и в этой ветви, начинает все больше и больше вживаться в мир и находить понимание в сердцах и душах наших современников. Конечно невозможно, — хотя и очень желательно было бы, в целях взаимного понимания, — время от времени говорить о том, как наши духовно-научные ощущения, чувства и познания проникают в современный мир. Многим из вас хочется знать, как то, что вы сами приняли в душу как духовную пищу, действует в наше время на другие сердца и другие личности. При случае можно коснуться этого внешнего распространения наших духовнонаучных взглядов; но отчасти удовлетворить вас может, если я скажу в качестве введения, что мы все снова и снова видим, как в различных местностях, в различных странах света распространяется, где больше, где меньше, настроение, которое одушевляет всех нас. Когда я недавно пытался пробудить понимание наших идей в одном из южных пунктов Австрии — в Триесте, то стало очевидным, что те взгляды, которые мы распространяем, начинают утверждаться и там. И когда мы переходили от этой южной точки в Копенгаген, где в последние дни был почитан ряд лекций, и в сердца вступало то, что мы признаем как дух, то моно было и там, у наших северных друзей, заметить, как все больше и больше в их среде присутствует тот дух, который мы развиваем как дух розенкрейцерства. Если объединить такие отдельные внешние факты, то окажется, что в нашей современности живут потребность и тоска по тому, что мы называем духовной наукой.

И поистине, самый внутренний нерв того настроения, которое наполняет наше духовное направление, заключается не в том, чтобы заниматься какой-либо внешней пропагандой или агитацией, а только в том, чтобы прислушиваться, как в душах и сердцах современных людей растет потребность в великой всеобъемлющей мудрости, в которой они нуждаются, чтобы уверенно жить в наше время. И мы можем, исходя из общих рассматриваний, придти к тому выводу, что для нас в наше время существует обязанность сделать это духовное настроение пищей нашей души. Это связано ведь с тем, как мы укоренены в современности. Мы все достаточно усвоили закон кармы, чтобы знать, что не случайно та или иная индивидуальность чувствует потребность именно в данное, определенное время сойти в физический мир и принять физическое тело. Души всех сидящих здесь ощутили стремление принять физическое тело на рубеже XIX и XX веков, потому что все, что должно было произойти в физическом окружении в течение этого времени, должно быть пережито и сделано по желанию этих душ.

Рассмотрим наше время, каким оно духовно представляется тем душам, которые родились в нем. Все изменилось на рубеже XIX и XX веков, — как в духовном окружении мира, так и во внешнем экзотерическом, — по сравнению с тем, что было пятьдесят, шестьдесят лет тому назад. В наши дни подрастающий человек — вы все были в этом положении — пытается услышать хоть что-нибудь о духовном водителе мира, пронизывающем внешний мир в творениях различных царств природы, а также и наши души. Но мы можем сказать: в течение последнего пятидесятилетия душа, страстно стремящаяся к духовному, повсюду, где она надеется найти для себя подлинную духовную пищу, находит необычайно мало. Да, это стремление заключено в глубочайших недрах души; его можно лишь заглушить, если оно говорит недостаточно громко, но оно присутствует там, и каждый, где бы он ни стоял в жизни и что бы ни делал, — хочет получить настоящую духовную пищу. Работают ли теперь в области какой-нибудь науки — там изучают только внешние, материальные факты, которые, правда, применяются умным, величественным и остроумным способом в грандиозных достижениях культуры, но в которых нельзя расслышать никаких откровений духа; работают ли в мире как художники или в более практических областях жизни — всюду находят очень мало из того, что нужно, что должно придти в дух, в голову и руки, чтобы иметь не только силу и импульсы к работе, но и уверенность, утешение и силу для жизни. И люди в начале XIX века уже предчувствовали, что в ближайшем будущем этого будет еще меньше. В первой половине XIX столетия, когда еще существовали остатки древней духовной жизни, хотя и в другой форме, многие говорили себе: «В самом воздухе чувствуется исчезновение древних сокровищ духа, пришедших к нам по традиции из древних времен. Но большие успехи в культуре XIX столетия полностью погасят то, что пришло к нам как духовные предания из древних времен».

Такие голоса слышим мы. И в подтверждение того, что такие голоса раздавались в первой половине XIX века, я хотел бы упомянуть здесь еще кое о чем. Пусть прозвучит среди нас голос одного человека, много знавшего в области древней теософии, знавшего также, что в ходе событий XIX века этот древний вид теософии должен будет полностью исчезнуть. Но при этом он был убежден, что придет время, когда теософия вновь вернется. Слова, которые я хочу сейчас прочесть, были написаны в 1847 году, то есть в конце первой половины XIX века. И написал их один из тех мыслителей, каких теперь больше не существует, один из тех, кто еще умел чувствовать отзвуки древних, давно исчезнувших преданий.

«То, чего собственно хочет теософия, трудно понять у древних теософов... Но не менее ясно и то, что теософия, идущая прежним путем, не может привести ни к научности, ни к широкому кругу действия. Однако преждевременно было бы сделать вывод, что она является вообще неправомерной в научном отношении, только лишь эфемерным феноменом. Против этого достаточно громко свидетельствует история. Она рассказывает нам, что это загадочное явление никогда не могло вполне пробиться, но несмотря на это

все снова и снова возникало в разнообразнейших формах сохраняемое цепью никогда не умирающих традиций. И во все времена было мало людей, в которых эта живая исследовательская потребность ума сочеталась бы с живой религиозной потребностью. Но теософия существует не только для этих последних... И главное, если она станет когда-нибудь настоящей наукой с подлинными достигнутыми результатами, то эти результаты прейдут постепенно во всеобщие убеждения или станут популярными и будут передаваться по наследству как общепризнанные истины для тех, кто сам не сможет освоиться с путями, на которых они открываются.

Но это еще в будущем, и мы не хотим предупреждать его; а пока мы можем с благодарностью радоваться прекрасному изложению жизни Этингера, которое, конечно, встретит сочувствие в широком кругу»* **Из предисловия Рихарда Ротэ к «Теософии Фридриха Кристофа Этингера в ее основных чертах». Добавление к истории догматов и к истории философии д-ра Карла Августа Ауберлена. Тюбинген, 1847 г.*

Отсюда видно, как ощущался дух теософии в 1847 г. таким человеком, как Ротэ из Гейдельберга, ссылавшимся в своем «Предисловии» на Этингера — теософа второй половины XVIII века.

Но чем же является собственно дух теософии? Это есть дух, без которого в мире никогда не могли бы совершаться культурные деяния. И если мы помыслим о величайшем, то это есть дух, без которого не могли бы появиться Гомер, Пиндар, Рафаэль, Микеланджело, без которого не было бы религиозного углубления у людей, никакой духовной жизни и никакой внешней культуры. Ибо все, что человек создает, он творит из духа; и если он думает, что можно творить без духа, то он не знает, что без него всякое стремление придет через известное время в упадок; и то, что в малой степени пронизано духом, скорее подпадает смерти, нежели то, что создано с настоящей духовной силой. Из духа происходит то, что имеет вечную ценность, и остается только то, что происходит из духа. Но даже и самое малое, созданное для повседневности, имеет вечную ценность и связывает нас духовным; ибо все совершаемое человеком находится под водительством духовной жизни. Развивая нашу теософическую жизнь, мы знаем, что в основе этой жизни находится течение, которое мы называем розенкрейцерским, и мы неоднократно отмечали, что учителя розенкрейцерской мудрости подготовили уже с XI, XII, XIII столетий то, что начало совершаться с конца XIX века и будет продолжаться в XX веке. То, что Ротэ из Гейдельберга отмечает как предвидение будущего, на что тот надеется и чего ждет, это ведь должно быть для нас уже настоящим. И оно становится таковым все больше и больше. Но оно подготовлялось с древних времен теми, кто прежде незаметным образом вливал в души людей это духовное течение. В специфическом же смысле то, что мы называем розенкрейцерским путем в XII, XIII, XIV веке, — присутствует сознательным образом в нашем теософическом движении; оно с XI, XII, XIII, XIV века входило в сердца людей, в науку и было запечатлено в духе людей Европы.

Можно ли представить себе из событий, происходивших в нашей культуре, как, собственно, действовал этот дух? Я сказал: начиная с XI, XII, XIII, XIV века этот дух действовал как дух розенкрейцерства; но он существовал всегда, и только принял в указанное время последнюю — розенкрейцерскую форму. Дух, действующий теперь как дух розенкрейцерства, восходит к древнейшим временам человечества. Его мистерии существовали уже в древние времена Атлантиды. И то, что в древние времена, отстоящие очень далеко от нашего времени, распространяет свое действие и в новейшие времена, вливалось в души и сердца людей, становясь все более сознательным.

Представим себе, как этот дух входил бессознательно в человечество. Вы сидите здесь вместе. И то, что мы изучаем, нам показывает: душа человека развивается тем или иным способом, чтобы постепенно подняться в области, где она может постигнуть духовную жизнь, а может быть, и созерцать ее. Многие из вас годами старались вливать в свою душу понятия и идеи, воплощающие в себе духовную жизнь, чтобы получить из них духовную пищу. Вы знаете способы, с помощью которых мы пытаемся понять загадки мира. Неоднократно я говорил о том, как души проходят по различным ступеням развития, как поднимаются в высшие миры.

Говорилось и о том, как человек должен отличать высшую часть своего существа от низшей; описывалось, как человек перешел на Землю с других планетарных состояний, как он прошел развитие Сатурна, Солнца и Луны, во время которых образовывалось его физическое, эфирное и астральное тела, и как он затем вступил в свое земное развитие. Было сказано, что в нас живет нечто такое, что должно пройти обучение, чтобы подняться дальше к высшему. Было также сказано, что на Луне отстали те сущности, которые мы называем люциферическими и которые затем приблизились к человеку как искусители его астрального тела, чтобы дать человеку то, что они могли ему дать. Затем мы часто говорили о том, как человек должен преодолевать то или иное в своем низшем существе, как он должен вести себя в той или иной ситуации, чтобы подняться в сферы, к которым принадлежит его высшая сущность, — как он, чтобы подняться в высшие области духовной жизни, должен исполнить слова Гете: «И пока в тебе нет этого «умри и стань», ты — грустный гость на этой темной Земле!»*

*И пока ты не поймешь:

Смерть — для жизни новой,-

Хмурьм гостем ты живешь

На Земле суровой. («Блаженное томление». Пер. В. Левика.)

Дальше мы говорили, что развитие людей, которое теперь возможно и которое может дать нам силу, уверенность и подлинное содержание жизни, достигается тем, что мы усвоим себе, например, знание о многочленности человеческой природы и поймем, что человек не сложился хаотично, а состоит из физического, эфирного, астрального тела и «я». И то, что говорилось об этом, мы восприняли не-просто как

слова; мы довели их до определенных представлений путем рассмотрения и характеристики различных темпераментов, воспитания человека, которое заключается в развитии физического тела до семи лет, эфирного тела — до четырнадцати лет, астрального тела — до двадцати лет. И рассматривая миссию правды, благоговения, гнева и т. д., мы видели, что наши представления не остаются абстрактными, но оживляют восприятие жизни и делают наше окружение прозрачным, ясным и полным содержания.

Так учимся мы понимать загадки мира и можем теперь понимать друг друга. И если вне нашей среды существует еще много людей, которые — сознательно или бессознательно — пребывают в материализме, то все же имеется некоторое количество душ, которые ощущают жизненную необходимость прислушиваться к тем представлениям, которые даются здесь.

Многие из вас не стали бы годами сидеть здесь ради того, чтобы пережить и прочувствовать то, чем мы здесь занимаемся, если бы это не было для них жизненной необходимостью. Почему ныне появились души, которые действительно понимают это и которые могут проследить путь человеческой жизни в развиваемых здесь понятиях и воззрениях? Это возможно по следующей причине. Подобно тому как вы родились на свет с такими стремлениями, какие я пытался недавно здесь изобразить, так и наши предки в Европе, — то есть многие из находящихся здесь сегодня душ, — родились в прошедшие века в другом окружении, в другом мире, чем мир XIX века. Оглянемся на VI, VII или XII, XIII столетия, когда были инкарнированы многие из здесь находящихся душ, и посмотрим на то, что переживали тогда эти души.

В те времена, разумеется, не существовало Теософского общества, где говорили бы обо всем так, как говорим теперь мы; тогда души слышали нечто совсем другое в своем окружении. Попытаемся представить себе, что слышали тогда души от тех людей, которые не ездили повсюду, чтобы читать духовноведческие лекции, но как рапсоды возвещали о духе, переходя из деревни в деревню, из города в город. Какие же слова говорили эти люди? Дадим им прозвучать теперь перед нами. Тогда еще не говорили: «Существует теософия, учение о высшем и низшем «я»; человек имеет физическое, эфирное, астральное тело и т. д.» Тогда странствовали повсюду рапсоды, т. е. люди, призванные возвещать о духе, и рассказывали примерно следующее. Я хочу здесь повторить кое-что из того, что возвещалось тогда в Средней и Восточной Европе.

Жил некогда королевский сын. Ехал он мимо рва и услышал чьи-то стоны. Он спустился туда, чтобы посмотреть, кто там стонет, и нашел старую женщину. Он остановил свою лошадь и помог старой женщине выйти из рва, куда она упала. Когда он увидел, что она не может идти, так как повредила себе ногу, то спросил ее, как же случилось с ней это несчастье. И женщина рассказала ему: «Я, старая женщина, должна еще до зари идти в город, чтобы продать там яйца. Но в темноте я упала в этот ров». Королевский сын сказал ей: «Видишь, ты не можешь идти домой. Я посажу тебя на лошадь и довезу до твоего дома». Так он и сделал. Тогда женщина сказала ему: «Ты добрый и хороший человек, хотя и высокого рода, и ты получишь от меня награду за то, что помог мне.» Он догадался, что она не простая женщина. Далее она сказала: «Так как ты был столь добр ко мне, ты должен получить награду, достойную твоей доброй души. Хочешь жениться на дочери королевы цветов?» — «Да!» — ответил он. И она продолжала: «Для этого тебе нужно нечто такое, что я легко могу дать тебе». И она подала ему колокольчик со словами: «Если ты позвонишь один раз, к тебе прилетит король орлов со своими стаями и поможет в том положении, в которое ты попадешь; а если позвонишь три раза, то приплывет король рыб и поможет тебе в том положении, в которое ты попадешь». Королевский сын взял колокольчик, пошел домой и сказал, что он хочет отыскать дочь королевы цветов, а затем уехал из дома. Долго ездил он повсюду, но никто не мог ему сказать, где живет королева цветов со своей дочерью. Его лошадь пала, и пришлось идти пешком. Вот пришел он к одному старику и спросил его, где живет королева цветов со своей дочерью. «Этого я не могу тебе сказать, — отвечал тот. — Но иди дальше, и найдешь моего отца, может быть, он скажет». Королевский сын пошел дальше, шел многие годы и нашел древнего старца. Он спросил его: «Можешь ли ты мне сказать, где находится жилище королевы цветов?» Но тот отвечал ему: «Этого я не могу сказать. Но иди все дальше и дальше долгие годы; ты найдешь моего отца, и тот, наверное, сможет тебе сказать, где живет королева цветов». Королевский сын пошел дальше и нашел наконец древнего старца, у которого спросил, где живет королева цветов со своей дочерью. И ответил ему старец: «Королева цветов живет далеко в той горе, которая видна отсюда. Но ее караулит свирепый дракон. Теперь ты не сможешь подойти к нему, так как он никогда не спит в это время; он спит в одно определенное время, а сейчас он как раз бодрствует. Тебе надо пойти еще дальше, но к другой горе, там живет мать дракона. С ее помощью ты достигнешь своей цели». Смело пошел он дальше, пришел к первой горе, затем ко второй, нашел там мать дракона, прообраз безобразия. Но она знала, что от нее зависела возможность найти дочь королевы цветов. Вокруг нее он увидел семь других драконов, которые сторожили королеву цветов и ее дочь. Издревле они были в плену и могли быть освобождены только королевским сыном. И сказал он матери дракона: «О, я знаю, что должен стать твоим слугой, если хочу найти королеву цветов». — «Да, — сказала она. — Ты должен стать моим слугой и сослужить мне нелегкую службу. У меня есть лошадь; ты должен пасти ее один день, второй день и третий день. Если приведешь ее домой здоровой, то через три дня ты сможешь, может быть, достигнуть того, чего желаешь. Но если не приведешь ее здоровой домой, то драконы сожрут

тебя, — мы все сожрем тебя!» Королевский сын согласился, и на следующий день ему привели лошадь. Он хотел повести ее на пастбище, но она вскоре исчезла. Он искал ее, но не мог найти и очень горевал об этом. Тут он вспомнил о колокольчике, который ему дала старая женщина, достал его и позвонил один раз. И слетелось к нему множество орлов во главе с королем орлов. Они отыскиали лошадь, и он привел ее к матери дракона. Она сказала ему: «За то, что ты привел ее ко мне, я дам тебе медный плащ; в нем ты можешь присутствовать на балу, который дает сегодня ночью королева цветов и ее дочь». На другой день он должен был опять вести лошадь на пастбище. Опять она исчезла, и он нигде не мог ее найти. Тогда вытащил он свой колокольчик и позвонил два раза. Тотчас же появился король лисиц в сопровождении своей свиты; они нашли лошадь, и он опять привел ее к матери дракона. И сказала она ему: «Сегодня ты получишь серебряный плащ и сможешь ночью быть на балу королевы цветов и ее дочери». На балу королева цветов сказала ему: «Потребуй жеребенка от этой лошади; с помощью этого жеребенка ты сможешь меня освободить, и мы будем тогда вместе». На третий день он опять взял лошадь, чтобы вести ее на пастбище. Вскоре она опять исчезла, так как была очень дикой. Он позвонил три раза в свой колокольчик, и явился король рыб со своей свитой; они отыскиали лошадь, и он привел ее в третий раз домой. Так счастливо выполнил он свою задачу. Мать дракона дала ему в награду золотой плащ — его третью одежду. В нем пошел он в третий раз на бал королевы цветов. И кроме того получил причитающийся ему подарок — жеребенка от той лошади, которую пас. На нем он смог отвезти королеву цветов и ее дочь в их собственный замок. А вокруг замка королева велела посадить густую изгородь из кустарника, чтобы замок не мог быть занят теми, кто хотел их опять похитить. И сказала королева королевскому сыну: «Ты завоевал мою дочь, и ты ее получишь, но с одним условием: она может быть с тобой только одну половину года, а другую она должна проводить под поверхностью Земли, чтобы быть со мной; только так возможно тебе жить с ней». Итак, королевский сын получил дочь королевы цветов, жил с ней всегда одну половину года, а другую она проводила со своей матерью».

И во многие души проникали тогда истории, подобные этой. Души внимали им и воспринимали их, но не для того, чтобы толковать их по способу современных странных теософов, ибо эти вещи непригодны для символического и аллегорического истолкования. Поскольку теряют тогда свою ценность. Нет, люди воспринимали их, потому что они чувствовали, как теплая жизнь входит при этом в их души. И ничего другого они и не хотели. Она пронизывала их, когда им рассказывали о королевском сыне, о его подвигах, его колокольчике и о поисках дочери королевы цветов. И много теперь живет тех душ, которые слышали тогда нечто подобное и воспринимали это с радостью и охотой. А если это воспринималось душой с восторгом и служило к ее умиротворению, то оно продолжает жить и дальше в душе; такие души вбирают эти мысленные образы в свои чувства и ощущения и становятся иными, чем были до того. Это приносит плоды, дает душам силы, и эти силы преобразуются и становятся иными. Чем же стали они? Они стали тем, что теперь живет в душе как тоска по более высокому пониманию этих тайн, как тоска по теософии. Тогда рапсоды не говорили: «Имеются люди, стремящиеся к высшему «я», которые должны для этого преодолеть то, что хочет их принизить, — преодолеть низшую самость». Но они рассказывали: «Был королевский сын, он поехал странствовать и встретил по дороге ров, откуда неслись стоны, и сделал доброе дело». Теперь мы говорим: человек должен совершать то, что является поступком доброты, любви, жертвы. Тогда давали в рассказе образ такого деяния. Теперь мы говорим: человек должен обрести в своей душе голос духа, благодаря чему он получает предчувствие духовного мира, связь с ним и возможность так развить свои силы, чтобы войти в соприкосновение с духовным миром. Тогда говорили об этом образно: старая женщина дала королевскому сыну колокольчик, чтобы он звонил в него. Теперь говорится: человек принял в себя все царства природы; все, что простирается вокруг нас, человек гармонично соединил в себе. Но он должен понимать, как это все живет в нем, и он может победить свою низшую природу только тем, что он должен поставить то, что действует в царствах природы, в правильное отношение к себе, чтобы оно могло придти к нему на помощь.

Мы часто говорили о восходящем развитии человека через эпохи Сатурна, Солнца и Луны, — о том, как он оставил эти царства, взял у них самое лучшее, чтобы подняться на известную высоту. До чего же развился он? Уже Платон, указывая на то, что живет в душе человека, пользовался образом лошади, на которой он едет из одной инкарнации в другую. Тогда применяли образ колокольчика, который звонит, чтобы царства природы явились в лице своих представителей — короля орлов, короля лисиц и короля рыб — и создали правильные условия тому, кто должен стать повелителем трех царств природы.

Душа человека дика; и только благодаря тому, что любовь и мудрость охватывают ее и многое сглаживают, человек может занять свое настоящее место. Тогда все это восставало в человеке в образах; душа направлялась так, чтобы она могла понимать то, что мы теперь рассказываем, совсем иначе. Тогда рассказывали: если он звонил в колокольчик один раз, то являлся король орлов; если звонил два раза — король лисиц, а три раза — король рыб; и они приводили лошадь обратно. Это значит: бури дико стремящейся человеческой души должны быть охвачены познанием; и когда мы познаем их, то душа может освободиться от всего низшего и будет приведена в гармонию.

Мы говорим: человек должен познать, как его собственные страсти, гнев и т. д., связаны с его

семилетним циклическим развитием; то есть мы должны изучить в человеческой жизни природу трех его оболочек. А тогда раскрывали грандиозный образ: каждый раз, когда королевский сын звонил в колокольчик, то есть подчинял себе одно из царств природы, он получал плащ. Теперь мы говорим: мы познаем природу физического тела. Тогда пользовались образом: мать дракона дала ему медный плащ. Мы говорим: мы познаем природу нашего эфирного тела. Тогда давали образ: мать дракона дала ему на второй день серебряный плащ. Мы говорим: мы познаем наше астральное тело со всеми бушующими в нем страстями. Тогда говорили образно: мать дракона дала ему на третий день золотой плащ. То, что мы теперь узнаем в понятиях о трехчленной природе оболочек человека, тогда пробуждалось в нас образами медного, серебряного и золотого плаща. И тем душам, которые восприняли тогда мыслеформы о медном, серебряном и золотом плаще, мы говорим теперь то, что может пробудить в них понимание физического тела, относящегося к другим оболочкам человека, как медная руда к серебряной и золотой. Мы говорим теперь: на Луне отстали люциферические существа семи видов, и они действуют на астральное тело человека. Тогда рапсод говорил: когда королевский сын пришел к горе, где он должен был соединиться с дочерью королевы цветов, он встретил там семь драконов; они хотели его сожрать, если он не выполнит заданную ему работу. Мы знаем, что если наше развитие идет неправильным образом, то из-за сил люциферических сущностей семи видов оно будет неудачным. Мы говорим теперь: проходя духовное развитие, мы обретаем наше высшее «я», Тогда об этом говорили образно: королевский сын соединился с дочерью королевы цветов. И мы говорим: душа человека должна войти в определенный ритм.

Несколько недель тому назад я сказал: если в душе человека рождается какая-нибудь идея, то ей нужно дать время созреть и душа должна соблюдать при этом известный ритм: через семь дней эта идея проникает вглубь души, через четырнадцать дней созревшая идея может охватить внешнюю астральную субстанцию и принять крещение от Мирового духа. Через двадцать один день она созреет еще больше, и только через двадцать восемь дней она настолько созреет, что мы можем ее передать миру как свое личное достояние. Таков внутренний ритм души. И только тот может творить в благоприятном смысле, кто не спешит навязать миру свои идеи, ибо он знает, что закономерность во внешнем мире повторяется в его собственной душе и что мы должны жить так, чтобы макрокосм повторялся бы в нас микрокосмически. — Рапсод говорил: человек должен привести в гармонию свои силы, он должен найти дочь королевы цветов и вступить в брак с ней, но жить с ней одну половину года, а на вторую половину отдавать ее матери, которая живет в глубинах Земли. Это значит: человек вступает в ритм, и ритм его жизни протекает как ритм макрокосма.

Эти образы, — а мы могли бы привести сотни таких образов, которые повсюду фигурировали в рассказах, — пробуждали своими мыслеформами силы души так, что некоторые души ныне стали достаточно зрелыми, чтобы слышать о духе в иной форме, — той форме, которую мы предлагаем в духовной науке. Но должно было случиться, что по причине, так сказать, ощущения нехватки духа, духовное стремление становилось все больше; только все, что жило в душе как тоска по духу, как бы исчезало в физическом мире. В первой половине XIX столетия действительно исчезло очень многое. Во второй половине пришла материалистическая культура, и духовная жизнь опустела. Но тем больше росла тоска и тем значительнее становился духовный идеал. В первой половине XIX века лишь немногие как бы свидетельствовали об идеях, которые вначале были зримы, о которых затем рассказывали и которые продолжали еще жить, но находились в полном упадке.

В 1803 году родился один человек. В его душе еще жили отзвуки древней мудрости старых времен. В нем жило нечто родственной нашей теософической идее. Его душа была полна тем, что мы называем теперь духовнонаучным разрешением мировых загадок: это был Юлиус Мозен. Его душа могла жить только благодаря тому, что его тело большую часть жизни было приковано болезнью к постели. Душа больше не согласовывалась с телом, ибо из-за того, что, восприняв эти вещи, но не имея возможности пронизать их духовно, он извлек свое эфирное тело из физического, и из-за этого физическое тело было парализовано. Душа же поднялась в духовные высоты. В 1831 году он написал замечательное произведение «Рыцарь-Мечта». Он узнал, что в Италии жило чудесное сказание, древнее народное предание о Рыцаре-Мечте. Рассматривая это сказание, он сказал себе: здесь живет дыхание Мирового духа, это народное сказание возникло так, эти образы сложились благодаря тому, что те, кто их создавал, были пронизаны живым духом мирового водительства. И что сделал он из этого? В 1831 году он пишет драматическое произведение, захватывающее и чудесно высокое. Конечно, оно было забыто, как многие вещи, возникшие из духовно-великого.

Рыцарь-Мечта пускается в странствование, чтобы преодолеть смерть. На своем пути он встречает трех старцев. Юлиусу Мозену удалось перевести имя одного из старцев «il mondo» немецким словом «Ird», — так как он знал, что в этом имени есть нечто своеобразное, требующее особого перевода на немецкий язык. Ird, Время и Пространство — вот те три старца, которых Рыцарь-Мечта встречает на пути, на который он вступил, чтобы победить смерть. Но ему эти три старца не нужны, так как они подчинены смерти. Ird — это все то, что подчинено законам физического тела, а следовательно, смерти; Время — эфирное тело — подчиняется преходящему; а третье — низшее астральное тело, дающее нам возможность

созерцания пространства — тоже подчинено смерти. Наша индивидуальность переходит от инкарнации к инкарнации, но то, в чем мы заключены, наши три оболочки, живут, по итальянскому народному преданию, в Ird, во Времени и Пространстве.

Что же такое Рыцарь-Мечта? Мы часто говорили о том, что Майя входит в нас. Мы, люди, переходящие от инкарнации к инкарнации и взирающие на мир, подвержены великому заблуждению. Каждый из нас — такой Рыцарь-Заблуждение-Мечта. И каждый вступает на путь странствования тогда, когда, стремясь к духу, хочет победить смерть. И тогда мы встречаем «трех старцев», наши оболочки. Они очень стары. Физическое тело существует с эпохи Сатурна, эфирное — с эпохи Солнца, а астральное — с эпохи Луны. А то, что живет в человеке как «я», вошло в него на Земле. Юлиус Мозен изображает Рыцаря-Мечту, который хочет победить душой смерть, в платоновском образе Всадника, пытающегося промчатся как буря. Этот образ был распространен по всей средней Европе и даже вне ее. Так устремляется Рыцарь-Мечта и хочет покорить небо материалистическим мышлением подобно людям, привязанным к чувственной видимости, ибо они находятся в сетях заблуждения и Майи. И когда они после смерти вступают в духовный мир, то с ними происходит то, что так хорошо описал Юлиус Мозен: не изжив своей жизни, они вновь стремятся к Земле, чтобы продолжить развитие души. И Рыцарь-Мечта вновь спускается вниз. Он видит прекрасную Моргану — душу, которая должна быть разбужена в своем развитии с помощью всего земного; подобно дочери королевы цветов, она представляет собой соединение со всем, что может быть дано нам только в связи с земной школой. И вот, когда он соединился с прекрасной Морганой, когда он снова соединился с Землей, он попал под ее власть, то есть он опять проходит через смерть, чтобы свою душу, выступающую в образе Морганы, вести выше и выше в ряде инкарнаций.

Из этих образов, несущих на себе печать тысячелетий, изливаются идеи, живущие в таких художниках, как Юлиус Мозен, и выступающие из души, слишком великой, чтобы жить в здоровом теле в эпоху приближающегося материализма. Поэтому он должен был принять на себя тихое мученичество ради жизни своей великой пылающей души. Это было в 1831 году, это все жило в человеке первой половины XIX столетия. И это должно теперь так воскреснуть, чтобы зажечь в людях мощные силы. И оно вновь воскреснет! Это дает нам понимание значительности того, что мы признаем в качестве духа теософии и что должно войти в людей как дух розенкрейцерства.

Теперь мы предчувствуем то, что всегда существовало в нас самих. Мы впали бы в заблуждение Рыцаря-Мечты, если бы допустили, что в мире может нечто произрасти без духа, который вливается во все артерии человека и действует в них. Откуда же приходили рапсоды, которые в VII, VIII или XII столетии странствовали по свету ради того, чтобы пробуждать мыслеобразы, благодаря которым души могли бы теперь воспринять нечто иное? Где был жизненный центр этих рапсодов? Где учились они преподавать людям такие образы? Они обучались этому в тех храмах, которые мы должны рассматривать как школы розенкрейцеров. Они были учениками розенкрейцеров, и им говорили их учителя: теперь вы не можете еще обращаться к людям с идеями, как это будет позже; сегодня вы должны им повествовать о королевском сыне, о дочери королевы и о трех плащах для того, чтобы образовались мыслеформы, которые должны жить в душах; когда эти души придут опять, они поймут, в чем они нуждаются для дальнейшего продвижения вперед. И все снова посылают духовные центры в мир своих посланцев, чтобы в каждую эпоху внедрять в души людей то, что живет в глубинах духа.

Тривиально то мнение, что люди могут создавать сказки из своей фантазии. Старые сказки, выражающие древние тайны мира, возникали таким образом, что их создатели прислушивались к тем, кто мог им рассказать о духовных тайнах так, чтобы композиция и содержание таких сказок соответствовали бы этим тайнам. Поэтому мы можем сказать: в сказках этих живет дух всего человечества, микрокосма и макрокосма.

Рапсоды посылались из храмов, чтобы рассказывать сказки, богатые содержанием. — Из тех же храмов происходят учения и познания нашего времени, входящие в души и сердца людей, чтобы сделать возможной культуру, в которой нуждается человечество. Так шествует от эпохи к эпохе дух, составляющий основу человечества. И те существа, индивидуальности, которые жили в дохристианское время в святых храмах и обучали тому, что они сами принесли из прежних планетарных состояний, подчинялись водительству Христа — этой единственной в своем роде индивидуальности, — чтобы действовать дальше в том же духе. И Христос стал великим учителем и водителем людей. И если бы я мог сегодня показать вам, что сказки, живущие уже сотни лет, произошли тем же путем и вызвали внутри всей западной культуры мыслеформы, выражающие — только в образах — то же самое, что мы говорим теперь миру о Христе, то вы увидели бы, что после Мистерии Голгофы духовное водительство человечества в своих главных центрах действительно подчиняется водительству Христа. Так все в духовном водительстве находится в связи с Христом. Если мы осознаем это, то обратимся к свету, который мы должны иметь и который особенно необходим в связи с тем, о чем тоскуют души, инкарнировавшиеся в XIX веке. И если мы дадим воздействовать на нас тем образам, которые знакомят нас с устремлениями прежних времен, то мы почувствуем всю ответственность, лежащую на наших душах: ведь другие ожидают, что мы сможем совершить то, о чем они тосковали! И такие умы, как Юлиус Мозен, создавший «Рыцаря-Мечту»,

Агасфера», эти последние пророки Запада, — как они этого ждали! Потому что в них оживало то, о чем посланцы святых храмов рассказывали в образах, в сотнях и сотнях образов, чтобы подготовить души для грядущей эпохи. То, чего ждали эти умы, показано в словах, написанных Ротэ из Гейдельберга в 1847 г.: «Когда это станет наукой и даст ясные, определенные результаты, то эти результаты постепенно перейдут по наследству как общеизвестные истины к тем, кто сам не мог овладеть путями, на которых они были открыты, но на которых это только и могло быть сделано!» И тогда человек, охваченный такой тоской, должен был не только для себя, но и для своих современников найти полные разочарования слова: «Но это покоится в лоне будущего, которое мы не должны предупреждать!» В 1847 году те, кто знал тайны розенкрейцерства, не использовали слов, воспринимавшихся внешним образом. Но то, что покоится в лоне будущего, может стать живым, если найдется достаточно душ, знающих, что познание есть долг, что мы не должны возвращать наши души обратно Мировому духу, не дав им нужного развития, так как тем самым мы отняли бы у Мрового духа часть тех сил, которые он вложил в нас. Если найдутся такие души, которые знают, что они должны Мировому духу, если они стремятся к познанию мировых загадок, то исполнятся надежды лучших людей старых времен. Да, они смотрели на нас как на своих, после них рожденных последователей и говорили: «Если это познание станет наукой, то оно должно стать популярным и охватить сердца людей!» Эти сердца должны существовать, должны появиться. От тех, кто с правильным пониманием находится в нашем сообществе, стремящемся к духу, зависит, чтобы человек мог сказать себе: «Я должен осветить светом духа загадку бытия!» От каждой отдельной души, находящейся в нашем сообществе, зависит, чтобы указанные выше стремления не оказались лишь пустыми мечтами тех, кто возлагал на нас свои лучшие надежды, но чтобы это были ценные мечты, которые мы должны для них выполнить.

Когда мы видим в наше время пустоту в науке, в искусстве, в социальной жизни и вообще повсюду, то нам следует сказать себе: «Мы не должны раствориться в этой пустоте; мы можем выбраться из нее». Настало время когда вновь заговорили священные храмы, — но теперь уже не только в образах и сказках, а в таких истинах, которые хотя и воспринимаются многими как теории, но все более и более будут становиться жизненными соками, кровью душ. Они должны ими стать! Каждый может решиться принять эту кровь жизни тем лучшим, что он имеет в душе.

Такова та мысль, которая возникает в результате рассмотрения разных эпох. И эту мысль мы погружаем теперь в нашу душу; она является синтезом подлинного смысла и духа водительства всего человечества. Если мы дадим действительно повлиять этой мысли на нашу душу, то мы получим мощное побуждение для души. Мы сможем перерабатывать его в душе в течение месяцев, так как увидим, что в этой мысли заключается многое, что она может стать целым зданием — и не потому, что ее можно выразить теми или иными словами. Мои слова могут быть очень несовершенными; дело не в словах, выражающих эту мысль, а в реальности ее, — и в этом все дело. То, чем она является в действительности, может жить в каждой душе. Ведь вся полнота истины живет в каждой отдельной душе как зародыш и может в ней расцвести, если душа отдастся этому всецело.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Мюнхен, 12 декабря 1910 г. *

*Лекции 11, 12, 13, были включены в цикл «Экскурсы в область Евангелия от Марка» при издании Полного собрания сочинений Р. Штейнера в Дорнахе в 1963г.

На протяжении ряда лет в лекционных курсах, читавшихся в различных ветвях Теософского общества, обсуждались Евангелия от Иоанна, от Луки и от Матфея; там присутствовало большинство находящихся здесь друзей по антропософии. Рассматривая три Евангелия, мы пытались провести перед своим духовным взором великое палестинское событие — Мистерию Голгофы, обозреть его с трех разных сторон, как бы тремя различными способами. Быть может, эти встречи послужили тому, что растущее в нашей душе благоговение перед этим уникальным событием получило обоснование. Также мы обращали внимание на следующее: главную причину существования четырех евангелистов надо искать в том факте, что составители Евангелий, инспирированные оккультисты, хотели показать великое событие каждый со своей стороны, подобно тому как нечто внешнее изображают или фотографируют с одной точки зрения. А когда предмет сфотографирован с различных сторон, то с помощью комбинации полученных снимков (заменяющей одновременное видение) можно провести перед душой саму действительность, реальность. Каждый евангелист дает нам, собственно, возможность рассмотреть великое палестинское событие с одной совершенно особенной стороны.

С одной стороны, которую можно охарактеризовать как открытие высших человеческих, оккультных и прочих целей (наряду с этими высшими человеческими началами здесь учитывается также высший мировой принцип), — с *этой* стороны показывает нам великое палестинское событие Евангелие от Иоанна.

Евангелие от Луки открывает нам путь к той тайне, которая окутывает личность Иисуса из Назарета,

соломоновского и натаповского Иисуса, вплоть до того момента, когда совершается великая инспирация Иисуса из Назарета через Христа.

Евангелие от Матфея призвано показать тем, кто или слушал соответствующий цикл, когда я читал его, или знакомился с ним позднее, каким образом в древнееврейском народе, в его таинствах, подготавливалось то физическое тело, в которое должен был инкарнироваться на три года принцип Христа.

А Евангелие от Марка поведет нас к вершинам христианской духовной науки: оно предоставляет нам возможность взглянуть в самую суть того, что сообщено через Евангелия, — это передается преимущественно именно через Евангелие от Марка. В нынешний вечер я ставлю себе задачей рассказать вам кое-что, привязав это к Евангелию от Марка, коль скоро для этого сегодня имеется повод.

Конечно, нам должно быть ясно (поскольку мы об этом говорим), как необходимо заглянуть туда, куда заглядывать поверхностный современный мир ничуть не склонен. Если мы хотим понять Евангелие от Марка и все его глубины, то нам следует познакомиться с совершенно иным способом выражения человека в то время, когда Иисус Христос еще ходил по Земле. Не сердитесь на меня за то, что я попытаюсь с помощью как бы светотени показать вам то, что мне, собственно, хочется сказать.

Мы выражаем то, что хотим сказать, с помощью языка; то, что живет в нашей душе, в словах языка обретает в некотором роде наглядность. Способы выражать через язык то, что живет в нашей душе, в различные эпохи человеческого развития очень разнятся между собой. И если мы вернемся в эпоху древнееврейского развития, обратимся к тому удивительному способу выражения, который еще был присущ древнееврейскому храмовому языку, тогда мы обнаружим совершенно иной принцип облечения в слова наших душевных тайн, о котором могут лишь догадываться современные люди. Когда произносилось слово древнееврейского языка (в письменной форме выражались только согласные, а гласные добавлялись к ним в устной речи), то в звуки этого слова облекалось не только то, что облекается сегодня, то есть достаточно абстрактное понятие, но облекался целый мир. И гласные, собственно, не записывались именно потому, что говорящий выражал самую сердцевину своей души как раз в способе, в манере самого произношения, — тогда как в согласных изображалась внешняя сторона того, о чем говорилось. Например, когда древний еврей писал «Б» (то, что соответствует нашему сегодняшнему «В»), он всегда чувствовал, что изображает такие внешние отношения, которые похожи на теплое защитное окружение. Буква «Б» всегда вызывала образ того, что окружает сущность подобно некоему жилищу. Звук «Б» нельзя было произнести без возникновения в душе такого переживания. А когда произносили звук «А», то в этом «А» жила как бы сила, некое сияние. В душевной жизни содержание души изливалось со словами наружу, перемещалось в пространстве и достигало прочих душ. Итак, речь была чем-то исключительно живым. Она гораздо ближе подступала к тайнам бытия, чем наш язык. Вот тот свет, который я хотел бы вам показать. Ему мне хотелось бы противопоставить его тень: в наше время мы сделались в этом отношении просто обывателями. Наш язык выражает одни абстракции, всеобщие понятия. Люди уже совершенно не чувствуют этого. По сути дела, они выражают в действительности одно лишь обывательское содержание. Может ли быть по-другому тогда, когда люди принимают писать уже задолго до того, как они обрели какое-то духовное содержание? Когда горы печатной продукции распространяются в широких слоях населения? Когда каждый верит в то, что он обязан что-то написать, когда все становится предметом описания? Мне довелось пережить следующее: во время основания нашего Общества появились любопытствующие писатели, которые намеревались на основе этого события сострять, может, даже роман. Почему бы среди тогдашних обстоятельств не нашлись образам, пригодным для публикуемой писанины? Итак, нам должно быть ясно, что в противоположность тому способу, той манере думать о языке как о чем-то священном, когда отдавали себе отчет в том, что из языка говорит Бог, — в противоположность этому мы обладаем языком, сделавшимся абстрактным, пустым, обывательским. Поэтому бесконечно трудно втиснуть в современные слова те великие, могущественные факты, которые нам сообщаются, например, в Евангелиях. И почему бы современному человеку не верить, что средствами нашего языка можно передать все! Он не может понять, что наш язык — это пустословие в сравнении с тем, что связывалось со словом еще в греческом языке. И когда мы сегодня читаем Библию, мы вычитываем там то, что в сравнении с изначальным ее содержанием один раз, два, три раза профильтровано, — причем профильтровано так, что осталось не лучшее, а напротив — всегда остается самое худшее. Потому правомерно, конечно, ссылаться в известных случаях на современное слово Библии. Однако хуже всего мы поступаем тогда, когда ссылаемся на Евангелие от Марка, — такое, каким мы его ныне имеем. Ни при каких обстоятельствах не надо этого делать.

Вы знаете, что основой Евангелия от Марка служат стоящие в самом его начале слова, которые выглядят следующим образом в переводе Вайцекера (однако этот перевод не так уж превосходен, хотя именно сегодня считается таковым)* **Для сравнения приводим русский перевод данного места из синодального издания Библии: «Как написано у пророков: «вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Малах. 8,1)- «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Исаия 40,3): «Как написано у пророка Исайи: вот, Я посылаю Моего вестника пред Тобою, который должен приготовить Тебе путь. Услышите призыв в*

пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте Его стези.»

По сути дела, честные люди должны были бы сказать себе, прочитав это начало Евангелия от Марка в переводе Вайцекера: «Я не понимаю из всего этого не единого слова; тот, кто хочет это понять, должен перед этим нечто проделать.» Тот, кто честно подходит к предмету, не может абсолютно ничего понять из слов: «Вот Я посылаю Моего вестника пред Тобою, который должен приготовить Тебе путь; услышьте призыв в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте Его стези». Ибо здесь высказано нечто тривиальное, или нечто такое, что понять невозможно. Конечно, вначале надо собрать те представления, которые помогут понять высказывание Исайи. Ведь Исайя указывает на великое, могущественно событие, которое должно стать самым значительным событием человеческого развития. На что, собственно, он указывает? То, что мы уже описывали, даст нам возможность понять то, что предсказывал Исайя.

В незапамятные времена человек обладал неким родом ясновидения. Он обладал способностью вращать своими душевными силами в духовно-божественный мир. Но что, собственно, происходило с человеком, когда он таким образом вращал в божественно-духовный мир? Когда он вращал в божественно-духовный мир, он переставал пользоваться своим «я» (насколько оно тогда уже было развито); он пользовался своим астральным телом, в котором присутствовали силы — силы ясновидческого созерцания; а все те силы, которые находились в «я», постепенно пробуждались благодаря восприятию физического мира. «Я» пользуется орудиями внешних чувств. Но древний человек, желая создать себе представление о мире, использовал свое астральное тело. Итак, древний человек получал восприятия через зрение астрального тела. А дальнейшее развитие состояло в том, что происходил переход от применения астрального тела к использованию «я». Импульс Христа же должен был обладать наибольшей интенсивностью воздействия в отношении этого «я». Когда Христос будет воспринят в «я» настолько, что осуществится слово Павла «не я, но Христос во мне,» — тогда «я» обретет силу для того, чтобы вращать в духовный мир через самое себя. Раньше это могло делать только астральное тело.

Итак, мы имеем перед собой развитие человечества и можем сказать следующее: в качестве органа познания человек использовал свое астральное тело, но постепенно он полностью утратил способность развить в астральном теле какой-либо орган познания. На той ступени развития, когда человек приблизился к событию Христа, он должен был сказать себе: «Мое астральное тело все хуже и хуже может проникать взором в духовный мир. Утрачивается его связь с духовным миром, «я» же еще не достаточно сильно, чтобы со своей стороны получать какие-либо сведения из этого мира». Это был та эпоха, когда, так сказать, Христос приближался.

В подлинном развитии человечества определенные важные сдвиги постепенно подготавливаются, прежде чем наступить. Так дело обстоит и в случае импульса Христа. Но здесь требовался некий переходный этап. Все протекало не так, что человек видел, как его астральное тело делалось все более бесчувственным по отношению к духовному миру, и ощущал в себе пустыню, полную опустошенность вплоть до того момента, когда благодаря импульсу Христа в нем вспыхивало «я». Так происходить не могло. Но с некоторыми людьми бывало так, что они, благодаря некоему особенному влиянию духовного мира, видели уже в астральном теле нечто подобное тому, что позже видели и распознавали с помощью «я». В астральном теле подготавливалось, так сказать, качество «я». Это было предвосхищением «я» в астральном теле. Ведь человек стал земным человеком только благодаря «я» и его развитию. Астральное тело принадлежало, собственно, древней Луне. В то время на человеческой ступени развития находился Ангел, ангельский человек. На древней Луне человеком был Ангел, на Земле человеком является сам человек. Это мы знаем. На Луне человеку подобало пользоваться своим астральным телом. Все прочее было лишь подготовкой к развитию «я». Началом нашего земного развития стало повторение лунного развития. Ибо в астральном теле человек вообще никогда не смог бы полностью стать человеком; только Ангел мог в астральном теле стать человеком на Луне. Подобно тому как в земном человеке ради инспирации «я» жил Христос, для подготовки этого «я» среди лунных Ангелов, этих лунных людей, должны были находиться пророки, которые инспирировали астральное тело человека, чтобы уже происходила подготовка «я». Итак, должно было наступить то, что некий пророк мог бы приблизительно охарактеризовать следующим образом. В развитии человечества наступил момент, когда человечество созрело для развития «я». В астральном теле только Ангелы Луны достигли высшего развития. Но чтобы человек смог подготовиться к принятию этого «я», определенные люди должны на Земле получить такую инспирацию (которую они будут переживать в особых благодатных состояниях), что они будут действовать подобно Ангелам (оставаясь при этом людьми), — будут Ангелами в человеческом образе.

Здесь мы подошли к некоему важному оккультному представлению, без которого вы вообще ничего не поймете в оккультном развитии человечества. Выражаясь внешне, разумеется, легко сказать, что все есть Майя. Но это всего лишь абстракция, тогда как это нужно принимать всерьез. Поэтому надо сказать вот что: вот, передо мной стоит человек, который, однако, не что иное, как Майя; и кто знает, человек ли он вообще? Быть может, бытие человека — это лишь внешняя оболочка, и этой внешней оболочкой пользуется совершенно иное существо, нежели человек, — пользуется ради тех целей, какие еще не могут быть достигнуты через человека. Я отчасти указал на это во «Вратах посвящения»*. *Замечание относится к

В древности для человечества актуальным сделалось такое событие: индивидуальность, которая жила в ветхозаветном Илии, вновь родилась в Иоанне Крестителе, причем в душу Иоанна Крестителя на время его тогдашней инкарнации вселился Ангел, который использовал тело и душу Иоанна Крестителя, чтобы осуществить то, на что не был способен ни один человек. В Иоанне жил Ангел, который должен был предвещать и предвозвещать то, что должно было жить в Иисусе из Назарета и что было истинным «Я» в самом всеобъемлющем смысле. Чрезвычайно важно понимать, что Иоанн Креститель есть Майя и что в нем живет некий Ангел, вестник. В греческом тексте значится именно это: «Вот, Я посылаю Моего вестника, Ангела.» Но немец больше не думает о том, что в греческом тексте в этом месте стоит слово «Ангел»: «Вот, Я посылаю Моего Ангела пред Ним». Тем самым указывается на глубокую мировую тайну, связанную с Крестителем, которую предсказал Исая. Он характеризует Иоанна Крестителя как Майю, иллюзию, ибо в действительности он заключал в себе Ангела; и в качестве Ангела он должен был возвещать о том, чем, собственно, должен стать человек благодаря восприятию импульса Христа, поскольку вначале Ангелы должны возвестить, чем впоследствии должен стать человек. Итак, в этом месте Евангелия следовало бы говорить во что: «Вот, Тот, Кто дает миру «Я», посылает Ангела пред Тобой, Которому должно быть дано «Я».

Перейдем теперь к третьему предложению, что оно означает? Здесь надо представить себе всемирно-историческую ситуацию в целом. Что же происходило в груди человека, когда астральное тело постепенно утрачивало способность протягивать свои силы, подобно щупальцам, в божественно-духовный мир, ясновидчески взирая туда? Раньше, приходя в действие, астральное тело могло взирать в божественно-духовный мир. Ныне эта способность постепенно исчезала, и в человеке воцарялся мрак. Раньше человек умел простираť свое астральное тело поверх всех существ божественно-духовного мира. Ныне' он оказался замкнутым в одиночестве («одинокий» по-гречески *Жсзmitt*), То, что было человеческой душой, ныне оказалось в одиночестве. Это также присутствует в греческом тексте: вот, нечто говорит внутри, в одинокой душе (пожалуй, можно сказать так: в пустыне души), когда астральное тело больше не может простираťся в божественно-духовный мир. Услышь призыв в своей душевной пустыне, в твоём душевном одиночестве.

Но, что, собственно, здесь провозглашается? Теперь нам надо выяснить, что означает одно вполне определенное слово, когда его применяют к душевным и духовным явлениям, — греческое слово «Κυριος». Когда его переводят словом «господин», как это обыкновенно случается, то говорят при этом поистине чудовищный вздор. Что под этим словом понималось в древности? Всякий, кто произносил его тогда, знал, что под ним понимается нечто такое, что связано с душевным развитием человеческого рода. Поэтому в те времена знали, что слово «Κυριος» также указывает на душевные тайны. Когда мы смотрим на астральное тело, то имеем в душе различные силы. Обычно мы их называем мышлением, чувствованием и волеием. Душа мыслит, чувствует, желает. Таковы три силы, действующие в душе. Но это служебные силы души. Когда человек продвигался в своем развитии, эти силы, бывшие раньше «господами», которым человек подчинялся (ибо человеку приходилось ждать, когда будут призваны его мышление, чувствование и волеие), — эти отдельные душевные силы подчинялись «господину» (Κυριος) душевных сил, то есть «я». Под словом «Κυριος», когда оно относилось к душе, понималось не что иное, как «я», в котором уже больше ничего не оставалось от старого значения: божественно-духовное начало мыслит, чувствует, волеит во мне, — было только «я мыслю», «я чувствую», «я желаю»: господин действует в душевных силах. Подготовьте свои души, дабы идти такими душевными путями, чтобы в этих душах пробудилось сильное «я» — господин, Κυριος вашей души. Услышьте призыв в душевном одиночестве. Приготовьте силу или путь для господина души, для «я». Откройте свои силы! — примерно так следует перевести: откройте их, чтобы смогло войти то, что не является рабом мышления, чувствования и волеия, — откройте свои силы! И если вы переведете эти слова так: Вот, Тот, Кто есть «Я», посылает пред тобой своего Ангела, который даст возможность понять призыв в одиночестве астральной души; подготовьте пути для «я», откройте для «я» силы» — переведя их таким образом, вы обретете смысл в этих значительных словах пророка Исая; вы увидите в них указание на великое событие в развитии человечества; из них вы поймете то, как Исая говорит о Иоанне Крестителе, как он указывает на одинокую тоску человеческой души по господину души, по «я». И только тогда эти слова зазвучат бронзой и мы пойдем их.

Но почему Иоанн Креститель смог сделаться носителем Ангела? Он смог стать им, поскольку обладал вполне определенной инициацией. Ведь инициации отличаются между собой. Инициации не представляют из себя нечто однородное, но отличаются друг от друга. В случае индивидуальностей, имеющих некое вполне определенное задание, инициация совершается вполне конкретным образом. Предусмотрено все то, что вообще происходит в духовном мире, так что, действительно, в звездных письменах на небе представлены, собственно, духовные факты. Существует солнечная инициация, то есть приобщение к тайнам того духовного мира, который есть мир Аура Маздао, — мира, для которого внешним выражением служит Солнце. Но посвящение в солнечные тайны осуществляется двенадцатью способами; каждая инициация в известном смысле является солнечной инициацией, однако по отношению

к прочим одиннадцати она оформлена по-другому. В зависимости от того, какую задачу имеет человек в отношении всего человечества, он получает инициацию, о которой можно сказать: это солнечная инициация, — причем охарактеризовать ее следует так: она вливает силы такого качества, как если бы Солнце находилось в знаке Рака. Это несколько иная ситуация в сравнении с той, когда получают солнечную инициацию, которую следует охарактеризовать так: силы вливаются таким образом, как если бы Солнце находилось в знаке Весов. Таковы определения различных инициации. И именно те индивидуальности, чья задача, чья миссия столь же высока, как в случае Иоанна Крестителя, должны получать совершенно особым образом некую конкретную инициацию, ибо только из нее они будут черпать могущественные силы для осуществления в мире (в подходящий момент и специфическим образом) своей миссии. И Иоанн Креститель тогда действительно получил подобную солнечную инициацию, дабы ему сделаться носителем Ангела; эту инициацию можно назвать инициацией из знака Водолея. Солнце, находящееся в знаке Водолея, — вот символ для того типа инициации, которую получил Иоанн Креститель, чтобы стать носителем Ангела. Тем самым он воспринял силу Солнца, притекающую именно таким образом, какой соответствует Солнцу, находящемуся в знаке Водолея. Таков был этот символ. Иоанн получил инициацию Водолея. Соответствующий зодиакальный знак назван именем Водолея, так как получивший инициацию Водолея обрел в качестве духовного посвящения характерную способность проделывать над человеком то, что проделывал Иоанн в качестве «Водолея», Крестителя: а именно, он приводил людей к тому, что они, погружаясь под воду, настолько освобождали свое эфирное тело, что достигали действительного самопознания, которое помогало им понять, что в то время является самым важным. Людей погружали под воду, и тогда эфирное тело на один момент освобождалось. Благодаря крещению на Иордане человек мог постигнуть совершенно особую важность этой эпохи мировой истории. Именно поэтому Иоанн был посвящен в крещальную инициацию. И поскольку символически это выражается притеканием солнечных лучей из того знака, где находится Солнце, этот знак также был назван Водолеем. Так на него было перенесено название человеческой способности.

Сегодня множество ученых невежд пытаются объяснить духовные события, сводя, можно сказать, небо на Землю. Они говорят: ну, это означает продвижение Солнца. — Ученые господа, которые по сути дела ничего не знают, толкуют по небу человеческие события. Дело обстояло обратным образом: то, что духовно живет в человеке, было перенесено на небо, так что небо использовали как средство выражения. И Иоанн Креститель мог сказать: «Я тот, кто крестит вас водой»* *Мр. 1, 8. И это то же самое, как если бы он сказал: «Я крещу вас водой, я обладаю инициацией Водолея.» Такими могли быть слова, которые Иоанн Креститель говорил своим ближайшим ученикам. И так как Солнце движется противоположно тому, как его ход представляется внешним чувствам, то когда вы идете в обратную сторону от Водолея, вначале напротив помещается Дева, затем движение идет к Весам. Но когда мы получаем инициацию, мы должны совершать обратный ход на другой стороне: от Водолея к Рыбам. И Иоанн мог сказать: грядет нечто такое, что будет действовать уже не в соответствии с действием Солнца из Водолея, но в соответствии с действием Солнца из Рыб. Грядет Тот, Кто принесет более высокое крещение. Когда духовное Солнце поднимется выше, то из крещения Водолея возникнет крещение из духовной воды. В духовной области Солнце поднимается от Водолея к Рыбам. Поэтому известный знак Рыб является древним символом носителя Христа. Ибо если в Иоанне присутствовала инициация Водолея, осуществленная с помощью совершенно особых духовных воздействий, то та инициация, а которой я вам уже не раз говорил и которая таинственным образом осуществлялась во всех мистериях, была инициацией Рыб; она-то и была преподана Иисусу. Продвижение Солнца вперед на одно созвездие — вот что поместило Иисуса из Назарета в его время: вначале Он прошел через инициацию Рыб.

И в Евангелии от Марка на это нам действительно в достаточной мере указано; только указание на такие вещи может быть лишь образным. Иисус Христос привлекает к Себе тех, кто ищет рыбу. Поэтому все Его первые апостолы были рыбаками. И мы можем с очевидностью обнаружить то, о чем я рассказывал, — продвижение Солнца к Рыбам, — когда нам говорится: «Я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым.»

И вот Он привлекает к Себе учеников у Галилейского моря (это означает, что Солнце продвинулось так далеко, что стал виден его противоположный, восходящий со стороны Рыб), — и оказываются инспирированными те, кто получил имена Симона и брата Симона, Иакова и брата Иакова; эти рыбаки оказываются соответствующим образом инспирированными. Но как нам все это понимать? Мы не поймем этого, если дополнительно не уточним способ выражения тогдашнего времени.

Наш нынешний способ выражения обывательский. Если перед нами стоит человек, то мы говорим, что это человек. Если перед нами стоит второй человек, то мы снова говорим: это человек. Стоит третий — снова то же самое, и так далее. Но при этом мы имеем перед собой лишь Майю. Если некое существо имеет две ноги и человеческое лицо, то среди наших обывательских выражений мы находим лишь одно: это человек. Но что такое «человек» для оккультизма? Вначале, когда он стоит перед нами, он не что иное, как Майя, на самом деле ничто. Он несколько напоминает радугу на небе. Сколько времени существует радуга? Столько, сколько сохраняются необходимые условия, определенные отношения между дождем и

солнечным светом. Когда эти отношения изменяются, радуга исчезает. Точно так же дело обстоит с человеком. Он лишь совместный поток различных сил макрокосма. Силы следует искать на небе, в том или ином месте макрокосма. Если человека предполагают найти где-то на Земле, то для оккультиста там ничего нет. Но в этом месте Земли сверху вниз и снизу вверх струятся силы, пересекаясь между собой. И подобно тому как своеобразная «конstellляция» дождя и солнечного света порождает радугу, те силы, которые струятся сверху и снизу из макрокосма, производят некий феномен, который выглядит так, как человек, — вот что есть человек. В том виде, в каком человек стоит перед нами, он — ничто. Поистине он есть схема, Майя, призрак. Ибо в действительности существуют космические силы, которые пересекаются там, где наш глаз видит (как он верит) человека. Попробуйте всерьез принять сказанное: человек, каким он стоит перед нами, есть ничто. Он — тень от многих сил. Но та сущность, которая открывается в человеке, может находиться совсем в другом месте, чем то, где расхаживает этот двуногий человек. Вот три человека. Первый из них — древний перс, работающий плугом в своем хозяйстве. Он выглядит как человек. На самом деле это одна из душ, черпающих свои силы из того или иного верхнего или нижнего мира. Второй, вероятно, — древнеперсидский чиновник. Он сформирован силами другого мира, пересекающимися в нем. Если мы хотим познать его, то нам следует подняться к этим силам. Вы сидите здесь, но в действительности все вы находитесь где-то совсем в другом месте. Сюда лишь притекают силы от вашей настоящей сущности. А там стоял третий перс, о котором следует сказать вот что: он тем более настоящий призрак, он тем более схема. Что это было на самом деле? И здесь нужно подниматься до Солнца: именно там находятся те силы, которые питали эту схему. Там наверху, среди солнечных тайн, обнаруживается то, что можно назвать Золотой звездой, Заратустрой. Это солнечное существо посылает вниз лучи, — а здесь, внизу, стоит призрак, который зовется Заратустрой. На самом же деле его сущности здесь нет. Таков третий перс.

Важно то, что в древности сознательно относились к таким обозначениям: имена давались не так как сегодня; людей именовали в соответствии с тем, что в них жило, а не по их призрачной внешности. Нам это должно уже быть совершенно ясно. Так что можно сказать: во времена Христа старые люди очень хорошо понимали, когда им указывали на Иоанна Крестителя и говорили: «Вот Ангел Божий.» Нужно только обратить внимание на то, что тогда имело место; речь шла об основных, а не о второстепенных вещах. А теперь предположим, что такой способ выражения был применен к самому Иисусу Христу. Понимая подобные вещи, как следовало бы говорить об Иисусе Христе? Да, именовать Иисусом Христом это плотское тело, которое ходило по Земле, — такое и присниться не могло человеку того времени; но это был знак того, что в данной точке совершенно особым образом сосредоточено то, что духовно струилось из Солнца. Когда тело Иисуса переходило с одного места на другое, то это было видимым обнаружением солнечной силы, перемещавшейся из одного места в другое. Эта солнечная сила также могла перемещаться одна. Иногда использовалось такое выражение, что Иисус Христос «дома», во плоти, — но то, что жило в Нем, двигалось и без Его тела. Главным образом в Евангелии от Иоанна это выражение используется так, что при определенных обстоятельствах, когда та же самая Сущность движется чисто духовно, евангелист говорит в точности так же, как когда эта солнечная сила пребывает в плотском теле.

Поэтому так важно, чтобы поступки Иисуса Христа всегда соотносились с физическим Солнцем — внешним выражением для того духовного мира, который сосредоточен в этом странствующем плотском теле. Итак, когда Иисус Христос, к примеру, исцеляет, то при этом исцеляет солнечная сила. Но Солнце должно находиться на небе в нужном месте: «При наступлении же вечера, когда заходило Солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых».* *Мр. 1, 32. Важно, что здесь указано на следующее: эта целительная сила могла изливаться тогда, когда внешнее Солнце заходило, когда Солнце действует только духовным образом. И когда Ему для Его действий вновь нужна определенная сила, Он берет ее также из духовного Солнца, а не из физически видимого Солнца. «А рано утром, еще в темноте, Он встал и вышел».** **Мр. 1, 35. Путь Солнца и солнечной силы выразительно указывает нам на то, что действует эта солнечная сила и что Иисус по сути дела — это только внешний знак, необходимый для того, чтобы этот путь солнечной силы был доступен и для невооруженного внешнего глаза. И всюду, где в Евангелии от Марка идет речь о Христе, имеется в виду солнечная сила, которая в ту эпоху нашего земного развития действовала совершенно особенным образом на клочке земли, который зовется Палестиной. И эту солнечную силу можно было видеть: время от времени Христос переходил с места на место. И правомерно было бы сказать: в это время духовная сила Солнца, словно собранная в фокусе, перемещается с места на место. А тело Иисуса было тем внешним знаком, который делал движение солнечной силы видимым для глаз. Пути Иисуса в Палестине были путями солнечной силы, сошедшей на Землю. И если вы изобразите шаги Иисуса в качестве своеобразной карты, то вы получите некое космическое событие, — а именно, действие солнечной силы из макрокосма на палестинскую землю. Важны здесь именно эти макрокосмические вещи. На них указывает в особенности составитель Евангелия от Марка, который прекрасно знал о том, что то тело, которое было носителем Христова начала, должно было быть по-особому преодолено этим началом. Итак, это было свидетельством о том самом мире позади мира внешних чувств, о котором столь великолепно провозглашал Заратустра, — было отсылкой в тот мир,

вновь вмешивающийся своим действием в человеческий мир. Так через Иисуса Христа было показано, как эти силы вновь воздействуют на Землю. Поэтому в данном теле, на которое, как мы видели, известным образом повлияла индивидуальность Заратустры (это тело было также телом натановского Иисуса), в некотором смысле повторно происходили процессы, имевшие место в случае Заратустры.

А теперь послушаем великую, прекрасную легенду о Заратустре*. *См., напр., книгу: D. J. Van Bemmelen. Zarathustra. Mellinger-Verlag, Stuttgart, 1975. В главе 3 «Жизнь Заратустры» см. особенно с. 41. Когда мать родила его, Заратустра в качестве своего первого чуда показал свою знаменитую улыбку. Второе чудо было таково. Тогдашний царь той области, где родился Заратустра, по имени Дуранзарун, принял решение убить Заратустру: маги (приходившие в то время в упадок) сообщили о нем царю нечто особенное, — но когда царь явился, чтобы заколоть дитя кинжалом, у него отсохла рука. Это было вторым чудом после рождения Заратустры. Царский кинжал оказался бессильным против Заратустры, и тогда царь повелел отнести ребенка в пустыню на съедение диким зверям. Это выражает следующее: Заратустре уже в самом раннем детстве пришлось видеть то, что приходится видеть человеку, если он недостаточно чист. Вместо благородных групповых душ и высоких духовных существ он видит порождения своей дикой фантазии. Заратустру вынесли в пустыню к диким зверям, которые оставили его невредимым. Таково третье чудо. Четвертое чудо снова связано с дикими зверями и так далее. Всегда Заратустре служили добрые духи Аура Маздао.

Эти чудеса присутствуют также и в Евангелии от Марка: «Немедленно после того Дух ведет его в пустыню, — собственно, это означает в одиночество, — был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаной, и был со зверями; и Ангелы служили Ему». *Мр. 1, 12-13.

Здесь нам показано, что тело Иисуса было подготовлено для того, чтобы словно в некоем фокусе воспринимать происходящее в макрокосме. Должно было вновь происходить то, что происходило с Заратустрой: пребывание с дикими зверями. Тело воспринимало то, что в него входило из макрокосма.

Уже с самых первых строк Евангелие от Марка вводит нас в величайшие соотношения. И я хочу вам показать как, в сущности, это Евангелие от Марка, если только его слова понимать в верном смысле (не в смысле современного обывательского языка, но в смысле тех древних языков, где за каждым словом скрыты живые миры), — если его понимать в смысле этих древних языков, то Евангелие от Марка обретает новую жизнь, новую силу. Но надо сказать следующее: наш современный язык в состоянии заново выразить то, что в случае древних языков присутствовало уже в самих словах, только с помощью многочисленных описаний. Мы говорим так: человек живет на Земле и формирует свое «я»; раньше человек жил на Луне, там находились Ангелы, которые проделывали свою человеческую стадию развития. И все это лежит в основе следующих слов: «Вот, Я посылаю Моего Ангела перед Человеком.» Эти слова понять нельзя без предположений, сообщаемых духовной наукой. И современным людям надо быть честными и говорить о тех словах, которые стоят в начале Евангелия от Марка: «Это непонятно.» Вместо этого они с дешевым высокомерием объясняют, что духовная наука — это какие-то фантазии, которые всюду подсовываются взамен того, что они, эти люди, элементарно объясняют. В действительности эти современные люди ничего не знают. И ныне уже не существует того обычая, который был, к примеру, в древней Персии, где от поколения к поколению передавались в переписанном виде священные документы древности, чтобы в каждую эпоху им представлять в новом обличий. Так божественно-духовное слово Зенд-Авесты вновь и вновь изменяло свой облик. Последний его образ тот, что существует сегодня. Персидская Библия заново переписывалась семь раз. И антропософия должна учить людей понимать то, как необходимо, чтобы книги, содержащие священные тайны, заново переписывались и передавались от одной эпохи к другой. Ибо если хотят сохранить великий древний стиль, то не следует пытаться, так сказать, удерживать всеми силами старые слова. Это невозможно, старые слова уже непонятны; вместо этого надо стараться старые слова довести до непосредственного понимания современности. Летом мы попытались это сделать по отношению к книге Бытия*. *См. лекционный цикл «Тайны библейской истории творения» (11 лекций, прочитанных в Мюнхене в 1910 г.) содержится в т. 122 полного собрания сочинений Р. Штейнера. Тогда вы увидели, как много слов нуждается в преобразовании. А сегодня вы, быть может, получили кое-какое представление о том, как должны преобразовываться и слова в Евангелии от Марка.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Ганновер, 18 декабря 1910 г.

На протяжении ряда лет в ходе развития нашей немецкой секции, мы говорили о глубинных основах Евангелий от Матфея, Луки и Иоанна; и кое-что из того, что следует сообщить о тайнах христианства, будет излагаться также и здесь, в Ганновере*. *От этих лекций остались весьма скудные записи (от некоторых их не осталось вообще). Вы увидите, что каждое Евангелие позволяет проникнуть в христианскую весть своим особым образом. Когда хотят приблизиться к пониманию христианства, опираясь на Евангелие от Марка, то, пожалуй, еще в большей степени, чем в случае других Евангелий, здесь необходимо принять вполне определенное предварительное условие. Нам следует целиком и полностью погрузиться в тот характерный способ выражения, который использовался людьми в ушедшие эпохи человеческого развития. Укажем лишь на один факт. В первую очередь древнееврейский язык открывает своим способом выражения

бесконечный смысловой горизонт. Те, кто из мюнхенского лекционного цикла***«Тайны библейской истории творения», 11 лекций, Мюнхен 1910 г. (ПСС т. 122)., посвященного тайнам сотворения мира, узнал, насколько необходимо давать перевод отдельных слов, чтобы понять суть шести или семи дней творения, — те почувствуют, как необходимо эти документы древних эпох, так сказать, творить заново, отправляясь от духа самих вещей. Важно именно это, в еврейском языке с гласными и согласными обращались не так, как сегодня. Когда еврейский язык указывал на то, что человек видит вокруг себя, то это выражалось с помощью согласных. Гласные обозначались одними точками, ибо они выражали то, что живет в душе, — выражали все внутреннее. Гласные еврейский язык использовал для всего того, что был внутренним переживанием, согласные — для того, что было внешним видом, в который живо вчувствовались. Также и в случае греческого языка в те древние времена со словом было связано некое однозначное указание на сверхчувственную реальность, так что когда высказывалось то или иное слово, состоящее из определенных звуков, то каждый человек знал, что он должен вызвать в своей душе некую полную сумму представлений, которая для каждого слова была совершенно иной, чем для другого слова. В немногих словах можно было высказать чрезвычайно много, поскольку все это взаимодействовало. И об этом нам надо в особенности вспомнить в случае Евангелия от Марка. Здесь не следует держаться за каждое слово: мы не сможем проникнуть в мистерии и тайны Евангелия от Марка через одни слова.

Здесь мне хотелось бы сделать несколько замечаний. Язык был раньше средством выражения для душевно-духовного. В наше время он стал средством выражения для абстрактного мышления, которое далеко отстоит от живого образного мышления; только это последнее может указывать на духовные миры. Чтобы нам вновь прийти к такому живому мышлению, выразительные средства нашего языка вновь должны сделаться живыми. Но язык стал обывательским, педантичным и пригодным для одних абстракций. Все то живое, что посредством слов возводит в высшие области и соединяет души с тайнами Вселенной, было полностью утрачено. И тут мне хотелось бы упомянуть о том, как в розенкрейцерской мистерии было положено начало тому, что должно оживить язык. Здесь иногда важны незначительные оттенки выражения. Ведь наш язык груб, неуправляем, и приходится с ним бороться, чтобы выразить тонкости духовной жизни. Поэтому я попытался, используя язык, намекнуть на тайны бытия. В мистерии-драме «Врата посвящения» была предпринята попытка выразить иными средствами то, что нельзя сказать с помощью слов. Некий человек стремится к первой ступени посвящения. Он стремится к тому, чтобы в его душе послышались духовные звуки. В этой драме изображено то, что прodelьывает Иоанн. Ради развития своей души он погружается в глубокие душевные переживания. Наконец после горчайших и одновременно великих, могущественных душевных переживаний он достигает духовного мира — Девахане, и там его вводят в творческую жизнь элементарных существ Девахана. Если выразить с помощью слов тайны творческой жизни элементарных существ, то непременно получится абстрактный, грубый смысл. И тогда я попытался представить это так: живые личности выражают эти тайны посредством их собственного существа, — как если бы свет и тьма пронизывали друг друга. Таким образом я попытался намекнуть с помощью тайн Вселенной на собственное творчество слов и звуков. Благодаря этому кое-что сделалось доступным для слуха, — то, что звучит абстрактно, будучи выраженным в современных словах. Надо прислушиваться к звучанию слов, — ведь каждый звук стоит на нужном месте. Надо чувствовать то место, которому звук соответствует, и то, которому он не соответствует. Это нечто вроде духовной алхимии. И можно намекнуть на совместное творчество духовных сил во Вселенной с помощью подобных средств.

Мария вместе со своими спутницами Филией, Астрид и Луной встречают Иоанна в Девахане. Филиа — это поэтический образ души ощущающей; поэтому в ее имени дважды звучит «и» и один раз «а». Луна — это выражение души сознательной, поэтому в ее имени одно «у» и одно «а». Астрид выражает рассудочную душу или душу характера, и в ее имени вначале стоит «а», затем «и». Таким способом многообразное содержание выражается лучше, чем с помощью слов. Если бы для этого пробудилось соответствующее чувство, то мне больше не нужно было бы говорить о многих вещах. Но о том, что это означает, приходится догадываться: здесь стоит «у» — и нужно ощутить глухую глубину «у», а затем ясность «и» вместе с удивлением от втекающих в душу слабых намеков «аи» или «эй». Таков другой способ понимания, нежели тот, который осуществляется с помощью слов. Язык с его звуками — воистину весьма удивительный инструмент. Он гораздо разумнее, чем люди, и мы поступали бы хорошо, прислушиваясь к его мудрости. Но люди склонны к тому, чтобы портить его. И если мы вообще хотим понять ушедшие эпохи с помощью характерного для них способа выражения, нам надо переместиться в то, что жило в душе тогдашних людей.

Если мы просто раскроем Евангелие от Марка на первых строках, то сразу ощутим потребность думать именно таким образом о языке с его тайнами. В лютеровском переводе, в большинстве случаев наилучшем (перевод Вайцекера гораздо хуже), приведена выдержка из Исая: «Вот, Я посылаю Моего Ангела пред Тобою, который приготовит Тебе путь. Голос проповедника в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте Его стези!»

Хотелось бы думать, что читающий это место честный человек сознается: «Я не могу справиться с

этим местом.» Чтобы понять его настоящий смысл, необходимо с помощью духовной науки проникнуть в то, что должно было произойти (в смысле пророка Исая, посвященного в эти вещи) благодаря палестинским событиям и Мистерии Голгофы. Ведь в наше время уже считается невозможным действительное существование людей, которые могут сообщать сведения о важнейших импульсах мирового развития. В наше время это не допускается. Отсюда — гротескные толкования Апокалипсиса, когда утверждают, что составитель Апокалипсиса уже пережил те события, которые он описывает. Говорят об объективном исследовании, однако с самого начала делают такое предположение: никто не вправе знать того, чего ты сам не знаешь. Но пророк Исая хочет в этих словах выразить то, что он знает благодаря своему посвящению. Он хочет сказать следующее: в развитии человечества наступает то, что имеет для всего его развития выдающееся, фундаментальное значение. Почему он (а также все прочие посвященные) считал это событие, на которое он указывал, столь значительным? Он правильно смотрел на развитие человечества, и знал: прежде люди обладали элементарным ясновидением, их взгляд проникал в духовные миры, они умели применять для созерцания свое астральное тело. Но затем это астральное тело утратило свою способность к созерцанию и помрачилось. Однако прогресс человечества состоял в том, что оно утрачивало эту ясновидческую способность астрального тела. Для этого оно должно было все больше развивать свое «я». Из посвященного знания Исая мог бы сказать: «Но люди будут тогда говорить только о своем «я», и пока это «я» не заполнит Христос, оно ограничено в мире тем, что человек в состоянии постигать только через физический план с помощью внешних чувств и рассудка. Мир духа покинет людей. Но затем им предстоит утешение. Придет Христос, и эти души все больше будут пронизываться импульсом Христа, так что они снова смогут созерцать духовный мир. «Однако прежде чем они испытают это, их астральное тело потемнеет.»

Физическое тело человека было впервые заложено на Сатурне; на древнем Солнце произошла закладка его эфирного тела, на древней Луне — астрального тела, а «я» начало развиваться на Земле. Пока ясновидческая сила астрального тела не исчезла, пока оно не помрачилось, это «я» было сперва вынуждено действовать во мраке. До начала земного (в собственном смысле) развития происходило некое повторение лунного развития. Так человек развил свое астральное тело, и в этом астральном теле жил и действовал в образной форме весь мир. Итак, до данного момента происходило повторение лунного развития. Затем начало вмешиваться «я», и Исая говорит: «Я» все крепче утверждается на Земле.»

На древней Луне также имелись существа, обладавшие человеческой природой, — как на Солнце и на Сатурне. На Земле человеком является сам человек. На Луне человеком был Ангел, и земной человек выступает как преемник Ангела в отношении человечества, подобно тому как предшественник человека на Земле готовил то, что должно было происходить с человеком. В астральное тело должна вступить ангельская природа, прежде чем туда сможет вступить «я». Подготовка земной миссии человека осуществлялась через Ангела — предшественника человека. Поэтому в определенное время Ангел вмешивался в человеческую природу. При некоторых условиях земной человек может быть Майей. Его душой пользуется некое более высокое существо. Человек на самом деле таков, каким он предстоит перед нами, и однако он может служить оболочкой для другой сущности. И вот действительно произошло следующее: та же самая индивидуальность, которая некогда была Илией, а перевоплотившись, явилась как Иоанн, восприняла в себя ангельскую природу, которая выражалась через нее. Такой процесс совершается в моей мистерии-драме «Врата посвящения»* (*Третья картина): через Марию действует другая сущность.

Из нитей, что спрядает Карма,

В миров далеких становлении,

Образовался узел здесь.

Твои страданья, о подруга,

Сплели тот узел судьбоносный,

Богов деянья, жизнь людей в нем вместе свиты.

Деяния богов переплетаются с жизнью людей, формируя человеческую судьбу.

Так и в Иоанне Крестителе деяние неба соединилось с человеческой судьбой. Божественное существо, ангельское существо действовало через него. То, что он совершал, оказывалось возможным только благодаря тому, что человек Иоанн был Майей, а внутри него жило некое существо, которое должно было возвестить о Том, Кто станет земным человеком. И если мы хотим верно перевести эти слова, то нам следует вчувствоваться в то, что в них действительно выражается: «Внемлите: «Я», Которое должно явиться в человеческом существе, посылает перед «Я» подготавливающего это событие Ангела.»

Здесь подразумевается тот Ангел, который жил в личности Иоанна Крестителя. Подразумевается именно он, и все теософское учение об Ангелах заключено в следующем: лунные посвященные должны готовить земные посвящения.

Вглядимся теперь в человеческую природу, какой она делалась постепенно в ходе развития по мере приближения Мистерии Голгофы. Подумайте о том, что могли чувствовать люди, обращавшие взор назад, в те древние эпохи, когда астральное тело умело ясновидчески глядеть в духовный мир; затем оно становилось темней и темней. Люди могли это воспринимать от инкарнации к инкарнации. Они говорили

себе: раньше, когда они хотели что-то воспринять в духовном мире, их астральные тела начинали блестеть и светиться. Затем это постепенно прекратилось, астральное тело потемнело. А затем внутри человека воцарилось мрачное одиночество, пустыня, *осзмнт*, — собственно, лишь в греческом языке еще существует выражение для этого. И тогда в душе человека послышался некий голос, зов тоски по Господину человека, по «я», — голос, призывающий «я» вселиться в человеческую душу. Это чувствовалось в слове *кнсийт*, которое переводят плоским словом «господин». Тогда чувствовали, что душа состоит из трех сил: мышления, чувствования и воления. Затем наступило время, когда должно было быть воспринято «я», *кэсийт*. Именно это хотел выразить Иоанн словами: «Приготовьте путь Господу! Сделайте прямыми Его стези!»

Итак, в изречении Исаяи в начале Евангелия от Марка вы имеете все премудрое руководство человеческим развитием по направлению к Мистерии Голгофы. И одновременно в этом изречении Исаяи нам сказано об Иоанне то, что мы о нем знаем. Я говорил о том, какими свойствами он должен был обладать для того, чтобы он смог воспринять в себя Ангела. Для этого требовалось некое посвящение. Посвящение, которое требовалось для этого, одновременно сообщало такому человеку способность указывать другим людям: теперь действительно наступило время прихода «я».

Это мог произнести тот посвященный, который был посвященным Водолея в смысле древнего языка инициации. Великие тайны духовного мира, в которые люди втягивались благодаря инициации, обозначают с помощью языка небес. Если хотят выразить то, что происходит с человеческой душой при посвящении ее в великие мистерии, следует выбрать определенное письмо небес. Человеческими словами этого выразить нельзя. И тогда говорили: наверху, на небе, в определенных отношениях между собой расположены звезды. Когда мы созерцаем их и из их взаимоотношений создаем формы выражения, тогда мы оказываемся в состоянии выразить те тайны, которые человек встречает при подобной инициации.

Люди всегда взирали вверх на великого Аура Маздао, — все равно, какими именами они наделяли его в различных культурах. Они взирали вверх на божественное Существо и на Его иерархию на Солнце. Христос — великий Дух, главное Существо Солнца. Имеется двенадцать различных способов посвящения в солнечные мистерии, и это вряд ли возможно выразить земными словами. Но когда мы учитываем то, как Солнце располагается перед неким созвездием, посылая свои лучи через него Земле, и каково его расположение по отношению к другим звездам небес, — тогда мы обладаем своеобразным письмом, которое помогает выразить следующее: этот человек таким образом посвящен в солнечные мистерии, что мы имеем в его лице посвященного Водолея.

Представим себе семерых святых Риши. Они были посвящены в солнечные мистерии таким способом, что символом их посвящения для нас служит расположение Солнца в созвездии Тельца. То, что мы видим на небосводе, когда Солнце находится в созвездии Тельца, фактически передает мистирию своеобразного посвящения Риши, и это посвящение действовало через семерку личности святых Риши. Это выражается в том, что с того же самого места можно видеть свет Плеяд, созвездия из семи звезд. Это то место, в котором вся наша солнечная система вошла в нашу Вселенную. Итак, различные виды посвящения в солнечные мистерии можно выразить, взяв для этого формы выражения из того, как солнце располагается в созвездиях.

Посвящение Иоанна было посвящением Водолея; оно выражалось через пребывание Солнца в созвездии Водолея. Чтобы это немного осмыслить, вспомним о том, что на световой стороне Зодиака располагаются Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, наконец Весы. Затем идут созвездия, расположенные на зимней или ночной стороне Зодиака: Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и Рыбы. Водолей и Рыбы располагаются на зимней, или ночной стороне Зодиака. Что это означает? Солнечные лучи, падая, проходят не только через физическое пространство: духовный свет Солнца, проходящий через Землю, пронизывает пространство духовное. Посвященные Водолея получили эти свои имена, ибо они были способны совершать водное крещение; подчинившись тому, что подавало им эту духовную силу Солнца, они погружались с ней под воду.

Названия зодиакальных созвездий, происходившие от фактов духовной жизни на Земле, были затем перенесены на небо. Наши ученые, эти странные чудаки, ныне ради объяснения этих вещей представляют дело так, что названия созвездий были якобы спущены с небес и сделались на Земле именами неких известных лиц. В действительности все происходило наоборот. Ведь сегодня люди говорят, что Иоанн Креститель был назван Водолеем, потому что на него перенесли название созвездия Водолея. Мудрые ученые сегодня поступают так, как если бы, запрягая в телегу осла, поставили его позади нее. Известна ироническая попытка некоего ученого*^{См. книгу: Kircheisen F. M. Hat Napoleon gelebt? Stuttgart, 1910.} освоить личность Наполеона как бы помимо истории. Он действительно показал, насколько просто возвести имя Наполеона к Аполлону: начальная буква N означала бы лишь сравнительную степень имени — что-то вроде Сверх-Аполлона. У них совпадает количество братьев и сестер (у обоих их было шестеро), а звезда Аполлон относится к семи Плеядам. Двенадцать маршалов Наполеона суть двенадцать созвездий Зодиака. Мать Аполлона — Лето, мать Наполеона — Летиция и так далее.

Если мы изобразим ту дугу, которую описывает на небе Солнце, то мы откроем следующее: в то

время когда физическое Солнце заходит, его духовный противополообраз восходит. Если мы изображаем дневную или летнюю дугу Солнца, то Солнце идет от Тельца к Овну и так далее; а с помощью зимней или ночной дуги Солнца мы можем представить тайны инициации Водолея и Рыб. На физическом плане движение совершается от Девы ко Льву, Раку, Близнецам, Тельцу, Овну; на духовном — от Девы к Весам, Скорпиону, Стрельцу, Козерогу, Водолею и Рыбам. Духовный противополообраз физического хода Солнца — это его ход от Водолея к Рыбам.

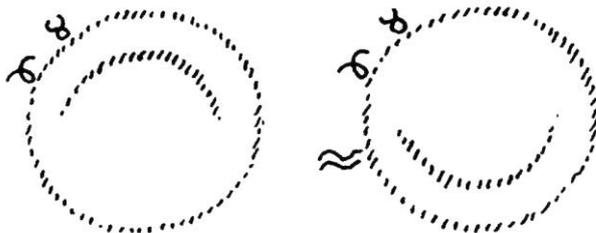

Рисунок 3

И Иоанн мог сказать следующее: «Он должен расти, я должен умяляться. Моя миссия такова, что вы имеете ее образ в движении Солнца из созвездия Водолея к созвездию Рыб. Я — посвященный Водолея, и я не достоин того, чтобы передать вам тайну солнечных Рыб. Я не достоин развязать ремень обуви Того, о Ком я вам должен возвестить.»

В этих словах Иоанна мы находим, так сказать, убедительное свидетельство того, как он характеризует себя образно в качестве посвященного Водолея. В образах древнего народного календаря выражено то, что означают слова Иоанна: «Я не достоин развязать ремень Его обуви.» Если вы взглянете на старинные картинки Зодиака, то там Водолей коленапреклонен. В это жесте он выражает благоговение перед Тем, Кто, наподобие Солнца, восходящего по Зодиаку к Рыбам, указывает на грядущее. Таков образ для Иоанна Крестителя. Солнце движется дальше, он не может его удержать, он может лишь возвестить о нем.

Пророк Исайя знал: если Солнце смещается к Рыбам, то что-то должно произойти. Должны прийти человек или Существо, связанные с посвящением Рыб: вот что такое — перемещение Солнца по направлению к Рыбам. Именно отсюда происходит древний знак Иисуса Христа, принадлежащий первохристианской эпохе, — Рыбы. Еще сегодня находят множество таких знаков — изображения рыбы или двух рыб — в римских катакомбах. Почему Иисус сказал ученикам: «Я хочу сделать вас ловцами человеков»?* *Мр. 1, 17. Иоанн подготавливает инициацию Рыб, которой должен обладать Назо-рей, чтобы он смог принять в себя Христа. То величайшее во всем мировом развитии событие, которое произошло в Палестине, с помощью чудесных знаков было вписано в Зодиак. То, что действительно мало-помалу наступало в Палестине, глубинное объяснение находило с помощью небесного, а не человеческого письма; именно с этим письмом надо советоваться, если мы хотим в действительности познать то, что настолько возвышенно, что непосредственно связано с макрокосмом. Все ли было доступно физическому зрению в Иисусе из Назарета, который во плоти странствовал по Палестине? Я объяснил, что если все это собрать вместе, то получится иллюзия, Майя. В действительности в этом образе Иисуса из Назарета, который блуждал по Палестине, жила цельная духовная сила центра средоточия Солнца. Именно она блуждала по Палестине, а внешнее физическое обличие Иисуса было Майей. Поэтому все, что он делал, было связано с великими событиями макрокосма. Обратим внимание на следующее. Всюду в Евангелии от Марка упоминается тот факт, что Христос исцелял, когда Солнце заходило или же перед восходом Солнца. Вот что, к примеру, сказано в Евангелии от Марка (1, 32): «При наступлении вечера, когда заходило Солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых.» Почему они приносили больных и бесноватых именно тогда? Потому что Солнце заходило, потому что солнечная сила больше не действовала физически, потому что сила Солнца в Нем действовала духовно и потому что то, что Он делал, не связано с физической солнечной силой. Физически действующее Солнце заходило, но духовная солнечная сила действовала через Его сердце, через Его тело. И когда Он хотел проявить Свои самые великие и могущественные силы, Он искал для этого импульс именно в то время, когда Солнца физически не было на небе. И когда в тексте стоят слова: «до того как Солнце взошло,» — то это также имеет особое значение. Каждое слово в Евангелии от Марка изображает великие космические отношения между процессами во Вселенной и каждым шагом, каждым поступком Христа в теле Иисуса из Назарета здесь, на Земле. Если нарисовать карту (наподобие географической) его путей и поступков, а затем изучить небесные процессы, то получится одна и та же картина. Небесные процессы предстанут, словно в земной проекции.

Откуда Кеплер** *Иоганн Кеплер (1571 — 1630 гг.) В связи с упомянутыми здесь исследованиями Кеплера ср. его труд «Мировая гармония» (перевод и введение М. Капара, Мюнхен, 1964, книга V). Также см. в его Собрании сочинений, Мюнхен, 1953, т. V трактат «Сообщение о годе рождения Христа», с. 127-201. взял то, что он смог дать в своей астрономии? Силы для того, чтобы заложить основы этой астрономии в виде трех великих астрономических законов, Кеплер взял не у того Кеплера,

каким он был поначалу. Эти три закона отражают движение планет вокруг их неподвижных звезд. Они могли быть открыты только благодаря известному энтузиазму Кеплера, вместе с которым в нем всплыли определенные воспоминания. В своей прошлой инкарнации он был учеником древнеегипетских мистерий. В качестве смутных инстинктов это вновь всплыло в нем и в некоторых других людях. Такие люди хранили в своей душевной жизни как бы отзвук самой гармонии сфер. Всю свою жизнь Кеплер искал на небе чудесные конstellации светил. Созерцая соединение Сатурна, Юпитера и Луны, он пытался объяснить с его помощью ту звезду, которая светила трем мудрецам с Востока. В то время люди еще не выдумали таких ужасных абстракций, как теория Канта-Лапласа.

В Евангелии от Марка мы находим удивительную гармонию между тем, что произошло однажды на Земле благодаря деяниям Иисуса Христа и Мистерии Голгофы — и великим Космосом вовне. И только тогда, когда мы сумеем расшифровать звездные письма, мы поймем Евангелие от Марка. Для этого нам придется проникнуть в тайны небесного языка. И если в Евангелии от Марка сказано: «Солнце зашло,» — то тем самым не только сообщается о том, что Солнце больше не светит, но при этом выражен и следующий факт: все духовные существа солнечной иерархии отправились в некий мир более высокого духовного уровня, поскольку им надлежит проникать своим действием сквозь Землю, сквозь ее физическую субстанцию. Все великое, что здесь выражено, люди ощущали тогда, когда они говорили: нечто совершалось через Иисуса Христа, когда солнце зашло или же во время солнечного захода. В подобных словах заключался целый мир.

Эти немногие указания призваны помочь нам по мере хода времени все глубже проникать в тайны Евангелий. И с помощью именно Евангелия от Марка человеческой душе могут открыться дивные мистерии космических событий. Каждое слово в Евангелии от Марка имеет великое значение.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

по поводу лекции от 18 декабря 1910 г.

Что означает искушение Иисуса сатаной? Идентичны ли сатана и Люцифер? И как может высшее Существо искушаться тем существом, которое Ему подчинено?

Сатана — это Ариман. У Луки и Матфея упомянут Люцифер, у Марка — Ариман. Только Марк говорит о сатане*. *В Евангелиях от Матфея и от Луки искуситель назван «дьяволом» (по-немецки ему соответствует слово «Teufel»). О взаимодействии Аримана и Люцифера во время искушения Рудольф Штейнер подробно говорит в лекциях от 6 октября 1913 г. (Христианция) и от 10 декабря 1913 г. (Мюнхен). Они перепечатаны в книге «Из исследований Акаша-хроники» (ПСС, т. 148). У Марка в грандиозной картине представлено то, как благодаря появлению безобразных фигур зверей человек нормальным образом вступает в духовный мир. Есть такие люди, которые верят, что можно войти в духовный мир с помощью определенной диеты и прочих материальных уловок. Однако все, что эти люди там видят, будь то самые возвышенные световые образы, обнаруживающиеся к тому же весьма помпезно, в действительности лишь отражение их собственного «я», ариманический обман. Конечно, как Люцифер, так и Ариман являются искусителями именно для человека, а Христос в человеческом теле продемонстрировал сопротивление, возникающее тогда, когда хотят войти в духовный мир.

Встретим ли мы в высших мирах наших родных?

Видение в духе надо понимать иначе, чем физическое видение. В духовном смысле некая встреча, несомненно, произойдет. То, что Мария Магдалина***Ин. 20, 11-18. не сразу признала Иисуса, указывает на то, что не всякий сможет узнать воскресшего Христа: для этого нужно развить определенные силы. Этот особый дар Мария получает только через призыв Христа. В учениях духовной науки многое считается еретическим, — причем именно то, что можно доказать с помощью Евангелий. Воскресшего может узнать только взор ясновидящего.

Правда ли, что содержание вавилонской плиты почти в точности то же самое, что содержание десяти заповедей?

Люди, говорящие о таком сходстве, не знают о чем идет речь. В лучшем случае сходство обнаруживается, если взять Нагорную проповедь. Например, в Библии**Ср. Мф. 5, 3. не говорится: «Ибо их есть Царство Небесное,» — но говорится так: «Ибо они найдут в себе Царство Небесное.» В этом отношении также и десять заповедей в корне отличны от всего того, что было ранее. К тому, что наличествовало уже в древнейших религиозных системах, благодаря иудаизму и христианству добавился импульс Я Есмь. Если принять такие вещи, то они оказываются чрезвычайно поучительными.

Как согласуется с Библией учение о перевоплощении?

Сегодня еще невозможно полностью понять Библию. Каждая эпоха переводила ее в соответствии с собственными представлениями. Учения о перевоплощении Библии нечего бояться. Всякий раз, когда и в прошлом открывали какую-нибудь новую научную истину, думали, что это причинит вред Библии.

Как обстоит дело с отношениями между Христом и Люцифером?

Об этом нелегко говорить вкратце. Мы часто рассуждали о том, что человек шел от одной инкарнации к другой; что сравнительно рано в его астральном теле укрепилась власть Люцифера, а позднее в эфирном теле — власть Аримана. С приходом Иисуса Христа все эти вещи получили другой

смысл. Мы находимся лишь в начале христианского развития. Христос должен иметь дело с Люцифером и Ариманом; это обнаруживается при действительном понимании Евангелий. Но кто сегодня видит, что история искушения Христа у Матфея, Марка и Луки представлена по-разному? Окультист знает, что существует искушение страстями не только со стороны Люцифера, но также и со стороны Аримана, — а именно, тогда, когда свои собственные страсти люди переносят в макрокосм и при этом созерцают всевозможные образы. Евангелие от Матфея описывает люциферическое искушение. В Евангелии от Марка Иисус пребывает со зверями, присущими человеческой природе. Во всех оккультных сочинениях Люцифер изображается в качестве змеи, Ариман — в образе собаки.

Эти истории искушения указывают на глубокие тайны. Такие силы должны приблизиться к человеку для того, чтобы сделать его самостоятельным, — и он должен в своей собственной душе с помощью Христа снова вырваться от них. Вновь и вновь Люцифер и Ариман превращаются в свою противоположность. Когда человек воспримет в себя импульс Христа, тогда Ариман окажется снаружи него; раньше и теперь в этом отношении дело обстоит как раз наоборот. Подобные вещи были проштудированы в драме «Врата посвящения». Обращайте внимание на одинаковое звучание гласных. В таких вещах есть внутренняя необходимость. Стихи в первой части превращаются в свою противоположность во второй части; это было сделано намеренно.

(Вопрос не был записан.)

Это факт — то, что Иисус ничего не написал. Один богослов обсуждал вопрос, умел ли Он вообще писать. Через четыре столетия станут говорить о мифологии Нового времени, — принимая во внимание то, как сегодня рассуждают о Копернике и Галилее. Для теософа это дурной тон — рассуждать о «птолемеевском ребячестве».

(Вопрос о подлинности сочинений Дионисия.)

Сегодня вошло в обычное дело придавать большую важность тому, кто писал текст, чем его духовному зачинателю.

[Рудольф Штейнер ссылается здесь на свой опыт исследователя Гете в связи с гимном в прозе «О природе»: его авторство филологи ставили под вопрос] Апостольский ученик Дионисий ничего не записывал, поскольку в то время это считалось легкомысленным. Но его последователи, которые по тогдашнему обыкновению также носили имя Дионисия, записали его учение, следуя надежной традиции; возникли так называемые сочинения Псевдо-Дионисия.

Не нужно быть правоверным, но следует быть убежденным в истине. Сегодня отсутствует какое-либо понятие о том, что возможно, а что невозможно. Трагичным становится положение с исследованием Библии, когда ее так расчлняют. Часто ученость и бессмыслица прекрасно сосуществуют друг с другом.

Может ли Иисус Христос являться на Земле людям?

Таким способом, каким Он явился Павлу, это возможно. Ведь это — некое посвящение, которое иногда может происходить и без предварительной подготовки. С середины нашего двадцатого столетия этот опыт станет обычным для многих людей.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Выдержки из лекции в Кобленце, 2 февраля 1911 г.

Каким способом нам приблизиться к теософии, если мы хотим понять ее глубочайшие истины?

Для ответа на этот вопрос возьмем в качестве отправной точки изречение из Евангелия от Марка: «Вот, Я посылаю Ангела Моего пред Тобою, который приготовит путь Твой пред Тобою. — Это голос проповедника в пустыне.» А в первоначальном тексте сказано: это голос зовущего в одиночестве.

Когда эти слова читает непредвзятый человек, желая их истолковать, то поначалу он никак не может к ним подступиться. Он рассматривает их просто как некую фразу или самое большее — как аллегорию. Ибо что в пустыне возвещать проповеднику?! Ведь проповедник обычно идет не в пустыню, а туда, где много народу!

Но если мы осветим это место с помощью результатов духовного исследования, то нам откроется вся глубина мудрости, содержащейся в каждом слове Священного Писания. Мы увидим, что в первоначальном тексте каждое слово стоит на своем месте и его понять можно только там.

Каков же смысл слов: «Я посылаю Ангела Моего пред Тобою, который приготовит путь Твой пред Тобою»? Мы знаем, что Библия указывает здесь на Иоанна Крестителя. Но теперь чтобы понять, почему здесь стоит слово «Ангел», нам придется возвратиться еще раз к ранним стадиям развития нашей Земли и посмотреть, какие существа принимали участие в этом развитии. Мы уже знаем, что на нашей физической Земле также существует иерархическое подразделение на разные ступени развития; из них самая нижняя ступень — это минеральное царство, затем идет растительный мир, затем животный мир и в качестве высшей ступени — человек. Еще выше над человеком возносится иерархия Ангелов, затем — иерархии Архангелов, Архаев, или Духов личности, Властей, или Духов формы, дальше располагаются Силы и Господства; затем иерархии Престолов, Херувимов, Серафимов.

Все эти иерархии также пребывают в постоянном развитии. Подобно тому как мы проделываем

человеческую стадию развития на нашей Земле, иерархия Ангелов, находящаяся непосредственно над нами, проделала свою человеческую стадию во время планетарного состояния, предшествовавшего нашей Земле, — во время лунного состояния, — правда, в другой форме, чем та, которую мы имеем сегодня. Таким образом, они опережают нас на одну стадию. И подобно тому как мы на Земле являемся вождями и руководителями наших детей, у Ангелов есть обязанность руководить нашим человечеством, вести его. Так как земные формы не годятся для их инкарнации, то чтобы помочь нам, им приходится вливать свою мудрость в тела высокоразвитых, чистейших людей, дабы через их уста человечеству возвещались бы божественные истины. В подобных случаях мы можем сказать: они облакаются в Майю.

Можно сделать это еще понятнее, если переместиться в седую древность и поставить перед своим духовным взором семерых индийских Риши. Если мы будем вглядываться в их внешний облик, то мы не увидим ничего, кроме простых, скромных людей, — да, быть может, крестьян, — содержащих в себе однако внутреннее, сущностное ядро. Но ясновидчески мы увидели бы их в огромной сияющей ауре; из их внутреннего существа вокруг изливались бы потоки тепла. Но для того, чтобы в их сущностное ядро могла проникнуть великая космическая мудрость, должны были все семеро проходить вместе. Божество прикасалось к ним, словно беря аккорд из семи звуков на некоем инструменте. А язык, на котором они говорили, оказался бы для нас звуками, которые понять невозможно.

Но каким же был язык в те древнейшие времена? Сегодня мы практически не можем составить об этом представления, ибо наш сегодняшний язык в противоположность тогдашнему языку на обывательский манер состоит из понятий и пронизан логикой. Когда во времена Риши раздавался звук, то он мог создавать образы перед внутренним взором. Каково, собственно, происхождение языка? Каковы его истоки? Мудрецы древности принесли его сверху, из сферы звезд. Зодиак служил для них небесными знаками, письменами Божества. Зодиак представлял согласные, планеты — гласные, и по тому, как планеты совершали свой путь по Зодиаку, мудрецы читали разнообразные письмена, вникая в небесную мудрость.

Итак, тела Риши также были Майей, окутывавшей внутреннее божественное, сущностное ядро.

Если мы направим свет духовной науки на обсуждаемые библейские слова, то пропадет вся та банальность, которую так охотно влагают в них материалисты. Мы поймем теперь все значение данного места: «Бог послал вначале Своего Ангела, чтобы приготовить путь Тому, Кто вот-вот должен придти. Под Ангелом в действительности подразумевается некая высокоразвитая сущность из иерархии Ангелов, находящейся прямо над нами, — существо, которое погрузило свой дух в Майю человеческого тела; в данном случае имеется в виду тело Иоанна Крестителя, который был воплощением Илии. Если мы хотим верно поднять библейские слова, то их надо лишь верно осветить, а затем принять в их буквальности.

И вот следующие библейские слова: это голос проповедника в пустыне. — Это зовущий в одиночество.

С этим библейским местом богословы также не в состоянии справиться. В самом деле, что же это значит: зовущий в пустыне или в одиночестве?

Мы знаем, что Иоанн крестил водой. Водное крещение состояло в том, что при посвящении человек полностью погружался в Иордан.

В силу чего это происходило? Это происходило потому, что эфирное тело духовно развитого человека на одно мгновение освобождалось от физического тела; человек переживал при этом то же самое, что переживает умирающий при освобождении его эфирного тела. Затем он так же видит, как его нынешняя инкарнация подобно некоей панораме разворачивается перед его взором во всех ее деталях вплоть до момента его рождения. И он чувствует и знает: он находится снаружи своего физического тела в качестве духовного существа.

И когда после этого крещального переживания он вновь возвращался в свое физическое тело, то его опыт внутренне отделял его от всех прочих людей. Он чувствовал себя, так сказать, стоящим в одиночестве со своим расширенным знанием, обособленным от остального человечества, которое его уже не понимало. Он чувствовал себя одиноким, словно в пустыне, в полном одиночестве. И в своей глубочайшей внутренней замкнутости он внимал голосу зовущего — своего Ангела.

Этот Ангел-руководитель был здесь облачен в личность Иоанна Крестителя. Таков смысл голоса в пустыне в библейском слове. Затем мы читаем в Евангелии от Марка то место, где Христос проповедует высшую мудрость в школах. Там значится следующее: «И они ужасались Его учению, ибо Он учил со властью, а не как книжники.»

Что это значит — говорить со властью? Кто говорил из своей телесности? Подобно тому как Ангелы являются руководителями отдельных людей, а Архангелы преимущественно вождями целых народов, другие высшие существа являются опять-таки водителями, руководителями природных сил, природных властей. Именно из этих природных сил творят также гении искусства. Мы обнаруживаем, что они посылали свои лучи в Леонардо, в Микеланджело, Рафаэля: все они творили из божественной природы.

И если мы хотим установить, где нам искать эти природные власти, то переместимся на один момент в те мысли, которые посещают людей на вершинах гор, — скажем, где-нибудь в горах Швейцарии. И если

нам к великому счастью удастся присутствовать там при восходе Солнца, то мы будем покорены чарующей возвышенностью этого природного явления; мы содрогнемся от присутствия тех могущественных сил, которые вышлют нам навстречу свои лучи и возвестят о всемогуществе Бога. Когда мы увидим, как из предрассветных сумерек наступающего дня поднимаются первые нежные краски восходящего Солнца, как они окружают пурпурным сиянием снежные вершины гор, так что наш глаз начинает слепнуть от этого зрелища, делающегося все более блистательным, — как затем лучи все сильнее околдовывают краски, струясь словно со всех сторон и захватывая все более обширные пространства, пока наконец Солнце во всем своем пылающем великолепии не достигнет своими лучами самых глубоких долин там, внизу, пробуждая в них жизнь и подавая тепло, — тогда в этом великолепном природном явлении мы распознаем духовные силы, изливающиеся в едином потоке. И эти силы суть те существа, которые в иерархиях мы признали за Властей, или Духов формы. В первоначальном тексте значит: Он учил подобно Властям. Христу помогали Власти, Он говорил через них, пользуясь их формой. Через Иоанна говорили Ангелы, стоящие одной ступенью выше человека; через Христа говорили силы Властей, которые говорят в природных событиях так, как это было описано. Итак, эти силы прокалили тело Христа, дав Ему возможность проповедовать «со властью».

Иоанн Креститель получил наивысшее посвящение, которое совершается в знаке Водолея. На старинных рисунках Зодиака в знаке Водолея мы видим склоненную фигуру с характерным положением рук. Она соответствует следующим библейским словам* *Мр. 1, 7; Ин. 1, 27. 414: «За мной идет Тот, у Которого я не достоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его».